

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Правительство Алтайского края
Совет по вопросам реализации государственной национальной политики
в Алтайском крае
Алтайский государственный университет
Институт социальных наук
Краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края»
Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию
интеграции народов и культур в Алтайском крае
Алтайская краевая общественная организация психолого-социального
сопровождения и охраны здоровья «Позитивное развитие»

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник материалов

*III Международный научный форум
«Интеграционные процессы в этнокультурной сфере»*

*IX Международная конференция
«Социальная интеграция и развитие этнокультур
в евразийском пространстве»*

2021

ББК 60.542.15-26

М 696

Редакционная коллегия:

С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко

М 696 Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. – Вып. 10. Том 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та., 2021. – 265 с.

ISSN 2410-1583

В издание включены материалы IX Международной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве», прошедшей в рамках III Международного научного форума «Интеграционные процессы в этнокультурной сфере» 7, 8 и 11 июня 2021 года в Алтайском государственном университете при поддержке Федерального агентства по делам национальностей, Правительства Алтайского края, Совета по вопросам реализации государственной национальной политики Алтайского края. В материалах обсуждаются проблемы формирования этнокультурного многообразия современного региона, исследуются вопросы изменения этнического и этнокультурного состава населения, социокультурной среды принимающих обществ, проблемы и перспективы функционирования национально-культурных объединений в условиях полиэтничного состава населения евразийских государств.

Сборник предназначен для представителей органов законодательной и исполнительной власти в сфере социальной и национальной политики, специалистов комитетов по делам молодежи, некоммерческих организаций, ученых, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех лиц, интересующихся проблемами социальной интеграции и этнической безопасности.

ББК 60.542.15-26

Издание подготовлено и опубликовано в рамках реализации государственной программы Алтайского края «Реализация государственной национальной политики в Алтайском крае».

ISSN 2410-1583

- © Правительство Алтайского края, 2021
- © Краевое автономное учреждение «Дом народов Алтайского края», 2021
- © АКОО ПССОЗ «Позитивное развитие», 2021
- © Алтайский государственный университет, 2021
- © Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абинов В. С., Суртаева О. В. (Барнаул, Россия)</i> Теоретические подходы к исследованию институционального доверия.....	6
<i>Андреева М. А. (Воронеж, Россия)</i> Медиаобразование для этнокультурных нко как инструмент продвижения темы межнациональных отношений в СМИ.....	10
<i>Арзыматов Б. М. (Каракол, Кыргызстан)</i> Феномен школы с этнокультурным компонентом в системе столичного образования	16
<i>Белкина А. П., Попов Е. А. (Барнаул, Россия)</i> Этико-культурный аспект врачебной ошибки.....	24
<i>Бобунова М. А. (Курск, Россия)</i> Мир художественной культуры в русском фольклоре	28
<i>Борисова О. В. (Барнаул, Россия)</i> К вопросу о социальной безопасности приграничного региона (на примере Псковской области).....	35
<i>Боровинская Ю. К., Данилова М. В., Недосекова Е. С. (Барнаул, Россия)</i> Проблемы доступности дошкольного образования в межкультурном пространстве Российской Федерации (социально-правовой аспект).....	39
<i>Голотвин Р. Л. (Барнаул, Россия)</i> Зарубежный опыт решения проблемы бедности.....	47
<i>Дорожинская А. Р., Молодцова Д. Д. (Барнаул, Россия)</i> Ассимиляция как фактор интеграции этнокультур.....	52
<i>Журба В. В. (Барнаул, Россия)</i> Научно-практическая конференция, как средство реализации сотрудничества стран Большого Алтая в сфере физической культуры и спорта	57
<i>Замятина О. Н., Кода Е. А. (Барнаул, Россия)</i> Проблема социокультурной интеграции в условиях постмодерна	60
<i>Злобина Ю. И. (Барнаул, Россия)</i> Образ нации в социологическом аспекте этнокультурного восприятия России в массовом сознании китайцев	66
<i>Калинина Ю. Н. (Барнаул, Россия)</i> Социально-правовые аспекты предпринимательской деятельности как фактора общественных отношений	74
<i>Калькова Ч. И. (Бишкек, Кыргызстан)</i> Плач как особый символ кыргызской культуры.....	80

<i>Каплун О. Ю., Шао Юйпей, Каплун А. В. (Владивосток, Россия)</i> Изучение отношения студентов к наказанию.....	85
<i>Квилинкова Е. Н. (Минск, Беларусь)</i> О важности изучения вопросов этногенеза через призму культуuroгенеза (из опыта изучения традиционной духовной культуры гагаузов в контексте междисциплинарных и этнорегиональных исследований).....	89
<i>Кузина Н. В. (Москва, Россия)</i> Уровень социальной напряженности в автономных округах, национальных республиках и приграничных территориях как фактор дестабилизации внутривполитической ситуации в поликультурных регионах Российской Федерации.....	98
<i>Кузнецова Ю. В., Кузнецова А. С. (Саранск, Россия)</i> Современная туристическая политика Республики Мордовия как фактор развития региона.....	107
<i>Леонтенкова Е. А. (Нижний Новгород, Россия)</i> Этническое правосознание в условиях цифровой глобализации.....	113
<i>Мамырканов М. А. (Бишкек, Кыргызстан)</i> Общественное здравоохранение и социальное обслуживание как профиль обучения в социальной работе.....	122
<i>Мурашева С. В. (Орел, Россия)</i> Влияние миграции на рост межэтнической напряженности в регионах России (на примере Орловской области).....	129
<i>Нишанова Г. А., Жумабаева А. Т. (Ош, Кыргызстан)</i> Языковая концептуализация «поздравления» в русской, кыргызской и английской речи в ситуации праздника.....	136
<i>Нургалиев Т. М., Чарный Д. Ю. (Темиртау, Казахстан)</i> Массовое сознание и его мифологизация в современном мире.....	143
<i>Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. (Барнаул, Россия), Куатова А. С. (Нур-Султан, Казахстан)</i> Инвестиции в человеческий капитал и индивидуальные стратегии населения приграничных регионов России (по результатам социологических исследований).....	149
<i>Пустовалова Е. В. (Барнаул, Россия)</i> Последствия этнокультурной изоляции в период пандемии.....	163
<i>Спирина А. С. (Барнаул)</i> Институциональное доверие и коррупция: оценка взаимосвязи.....	168
<i>Стерляева Н. А. (Барнаул, Россия)</i> Потенциал конфликто разрешения казахской диаспоры Алтайского края.....	173

<i>Сунь Юйи (Шаньдун, Китай)</i> Эвенкийская музыкальная культура в условиях глобализации	178
<i>Суртаева О. В., Максимов М. Б., Гуляева А. С. (Барнаул, Россия)</i> Теоретико-методологические подходы к анализу интеллектуального потенциала населения	182
<i>Суртаева О. В., Сытых О. Л., Барнаул (Россия), Осипова Т. В. (Усть-Каменогорск, Казахстан)</i> Факторы выбора возвратными мигрантами места для переезда	192
<i>Сутенова А. Д. (Бишкек, Кыргызстан)</i> Особенности этнической идентичности кыргызов Узбекистана	201
<i>Тиленбаева Г. Э. (Ош, Кыргызстан)</i> Школьная форма и ее влияние на учащихся	207
<i>Титова М. В. (Барнаул, Россия)</i> Международный проект «Конкурс русской песни» как способ социальной интеграции в полиэтнических группах	212
<i>Уколова Д. В., Лукина К. А. (Барнаул, Россия)</i> Социально-культурная интеграция молодежи в кризисном обществе	217
<i>Упоров И. В. (Краснодар, Россия)</i> Социальная интеграция российского общества: возможности в условиях дезинтеграционных факторов	222
<i>Холопов Д. А. (Сыктывкар, Россия)</i> Этническая идентичность в пространстве Интернета	229
<i>Чавро З. В. (Владивосток, Россия)</i> Психологические аспекты управления организационным конфликтом	237
<i>Чугунова А. Н. (Барнаул, Россия)</i> Кредитование населения в системе интегративных процессов	244
<i>Шахова Е. В., Барнаул (Россия), Шерматова С. Н. (Бишкек, Кыргызстан)</i> Миграционные установки в оценках жителей приграничных регионов России	247
<i>Эралиева Ы. С. (Бишкек, Кыргызстан)</i> Философия и история кыргызских узоров и орнаментов	253
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	259

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ

Абинов В. С., Суртаева О. В. (Барнаул, Россия)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта РФФИ № 19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России».

Аннотация. В современных условиях нарастания взаимозависимости разных сообществ, институтов и социальных групп возрастает потребность в институциональном доверии как основе стабильности во всем мире. Процессы глобализации, информатизации, виртуализации объединяют современные общества в сети, которые трансформируют социальные взаимодействия и взаимосвязи, а также социальные институты и доверие к ним. Решение многих актуальных проблем современной России требует объединения усилий всех социальных групп и сообществ, которое невозможно без формирования каналов доверия. Доверие обеспечивает формирование надежных социальных связей и отношений, которые способствуют стабильности общества. Сети доверия способствуют, с одной стороны, решению многих социальных проблем (от борьбы с коррупцией до формирования институтов гражданского общества), с другой, – пониманию повседневных социальных связей и отношений индивидов.

Ключевые слова: институциональное доверие, социология, доверие, гражданское общество, классификация доверия

THEORETICAL APPROACHES TO STUDYING INSTITUTIONAL TRUST

Abinov V. S., Surtaeva O. V. (Barnaul, Russia)

Abstract. In modern conditions of growing interdependence of different communities, institutions and social groups, there is an increasing need for institutional trust as the basis of stability throughout the world. The processes of globalization, informatization, virtualization unite modern societies in networks that transform social interactions and relationships, as well as social institutions and trust in them. The solution of many urgent problems of modern Russia requires the joining of efforts of all social groups and communities, which is impossible without the formation of channels of trust. Trust ensures the formation of strong social bonds and relationships that contribute to the stability of society. Networks of trust contribute, on the one hand, to the solution of many social problems (from the fight against corruption to the formation of civil society institutions), on the other hand, to the understanding of everyday social ties and relations of individuals.

Keywords: *institutional trust, sociology, trust, civil society, classification of trust*

В современном мире исследования, касающиеся доверия в социальных науках, сохраняют свою актуальность для подробного изучения этого феномена, несмотря на большой объем уже проведенных исследований и опубликованных работ. Дискуссия о проблеме природы доверия, и его функциях в общественной жизни, в том числе связи с другими феноменами, до сих пор не завершена. Другими словами, взгляды многих ученых различаются по многим ключевым вопросам исследования доверия.

В истории на различных ее этапах можно говорить о культуре доверия в различных сообществах. В традициях эпигенетического подхода Э. Эриксона доверие человека к миру выступает как базовая, фундаментальная социальная установка личности — метаотношение, которое определяет дальнейшее развитие всех других видов отношений личности к миру, себе и другим (И. В. Антоненко, В. П. Зинченко, Р. Левицки, Д. МакАллистер и Р. Бис, Б. Ф. Поршнев, Т. П. Скрипкина и др.). Другие авторы (Б. Барбер, Г. Гарфинкель, Н. Луман и др.) понимают доверие как общее отношение или ожидание от окружающих людей, социального порядка, окружающих систем.

Для конкретного примера приведем высказывание Н. Лумана, который считал, что доверие, чаще всего, представляется как механизм, который способствует сокращению ненадежности и риска в сложном жизненном мире [5]. Не стоит забывать о том, что в доверии проявляются позитивные ожидания, которые как раз являются, сами по себе, главным элементом для понимания сущности доверия.

Однако нельзя не учитывать тот факт, что в последние годы набирает популярность дискуссия на тему о том, что именно измеряет постановка вопроса о доверии людям вообще (см. работы В. П. Белянина, В. П. Зинченко, П. М. Козыревой, Л. Е. Кертман и др) [2–5, 7]. Современные авторы высказывают иногда диаметрально противоположные друг другу точки зрения на этот вопрос.

Рассматривая развитие феномена доверия и его видов, можно сказать, что исторически формы доверия характерны в большей степени для традиционных обществ. Исследователи считают, что доверие основано на принадлежности объекта к социальным группам, наделяющих его психологическим статусом. Как правило, в традиционных обществах феномен доверия понимается как кровнородственные связи. А. Селигмен отмечает, «это вовсе не доверие, а уверенность в существовании хорошо репрезентированных (и

санкционированных), по своей природе ролевых отношений» [6, с. 35]. В этом случае можно сказать, что доверие выполняет роль подчинительной функции и регуляцию совместной жизнедеятельности людей. Оно по своей структуре сохраняет, а также воспроизводит существующую социальную структуру. По Г. Зиммелю в традиционных обществах высокий уровень доверия к «своему» сочетается с недоверием к представителю других групп и особенно к так называемому «чужаку». Вслед за «традиционным доверием» А. Селигмен выделяет «доверие как естественную симпатию» [6].

Доверие – важнейшая проблема современных социальных наук, но в то же время очевидная важность доверия в процессе поддержания стабильности социального порядка означает лишь его глубину и сложность как предмета научного исследования. С другой стороны, причину возникновения концептуального плюрализма можно увидеть в общих чертах пост классического этапа развития социальных и гуманитарных наук, который характеризуется продвижением меж дисциплинарности и плюрализма. Следовательно, отсутствие единого подхода, скорее всего, связано с тем, что современная теория социального доверия – это не единая парадигма с единой темой исследования, а универсальный набор методологических принципов и концептуальных инструментов, а скорее набор разнородных тенденций, но в то же время они взаимосвязаны.

В процессе дифференциации социальных наук эти области исследования доверия возникли как теория межличностного доверия, тесно связанная с социальной психологией, понятие обобщенного доверия, сфокусированное теории институционального доверия и социального капитала. Следует отметить, что формирование теории социального доверия еще не завершено, и современные авторы стремятся не только предложить новые оригинальные синтетические подходы, которые суммируют уже известные концепции, факты и идеи, но и обращаются к новым аспектам, которые актуальны, недостаточно изучены.

Вторая причина множественности теоретических направлений – это сам феномен доверия, который позволяет использовать различные стратегии междисциплинарных исследований, охватывающих широкий спектр социальных и гуманитарных дисциплин. Однако результатом является общая двусмысленность терминологического аппарата, отсутствие общего понимания границ этого явления по отношению к другим социальным и психологическим явлениям, таким как вера, доверие, надежда, невежество и риски, такие как социальный обмен. Итак, как пишет Р. Хардин, сложность доверия заключается в

том, что с концептуальной точки зрения его нельзя считать элементарным (эпистемическим) понятием, поскольку оно принадлежит к ряду «редукционистских терминов», образованных в результате сводя многие явления к простым [1]. Это, в свою очередь, создает благодатную почву для широкого диапазона представлений, но в то же время снижает возможности для плодотворных дискуссий между социальными и гуманитарными науками, и в результате концепции в лучшем случае могут считаться взаимодополняющими. По этой причине текущая ситуация требует новых эмпирических исследований, а также проведения необходимого теоретического анализа для разрешения ряда методологических и когнитивных трудностей, связанных с использованием концептуального аппарата в различных теориях социального доверия.

Литература

1. *Алексеева А. Ю.* Основные элементы и структура межличностного доверия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 22–40.
2. *Гудков Л. Д.* Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. Том 112. № 2. С. 8–47.
3. *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 79–99.
4. *Вершинин С. Е.* Социальное недоверие: парадигмы анализа, источники, функции (к постановке проблемы) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2007. Т. 7. С. 61–74.
5. *Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкина Г. Ф.* Доверие в современной России (компаративистский подход к социальным добродетелям) // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 83–101.
6. *Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
7. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ НКО КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СМИ

Андреева М. А. (Воронеж, Россия)

Аннотация: В статье изучается опыт реализации проекта «Школа медиакоммуникаций для этнокультурных НКО», реализованного в 2020 году в 12 городах Российской Федерации Гильдией межэтнической журналистики. Проект направлен на повышение медиаграмотности членов этнокультурных НКО и повышение (или приобретение) ими навыков сотрудничества со СМИ и продвижения своего контента в сфере медиа. Всего обучение прошли 160 человек, ими подготовлены и опубликованы более 170 материалов. В статье исследуются программа курса, его практическая значимость и итоги. Делается вывод о необходимости расширения опыта проекта на другие регионы Российской Федерации.

Ключевые слова: межнациональные отношения, СМИ, этнокультурные НКО, обучение, этно контент, медиа

MEDIA EDUCATION FOR ETHNOCULTURAL NGOs AS A TOOL TO PROMOTE THE THEME OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE MEDIA

Andreeva M. A. (Voronezh, Russia)

Abstract: The article examines the experience of implementing the project «School of Media Communications for Ethnocultural NGOs», implemented in 2020 in 12 cities of the Russian Federation by the Guild of Interethnic Journalism. The project is aimed at increasing the media literacy of members of ethnocultural NGOs and increasing (or acquiring) them the skills of cooperation with the media and promoting their content in the media. A total of 160 people were trained, they prepared and published more than 170 materials. The article examines the program of the course, its practical significance and results. It is concluded that it is necessary to expand the project experience to other regions of the Russian Federation.

Keywords: interethnic relations, media, ethnocultural NGOs, training, ethno content, media

Одной из значимых частей государственной программы «Реализация государственной национальной политики» является информационное сопровождение этой программы. Освещение темы межнациональных отношений в СМИ является социально значимым. Можно отметить прогресс в том, как в последние годы российские СМИ – и федеральные, и региональные – подходят к этой теме: растет число

материалов, становится более разнообразной их тематическая направленность, улучшается качество контента. Показательными являются итоги ежегодного Всероссийского конкурса средств массовой информации «СМИротворец» на лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений. Так, еще в 2015 году его участниками стали 942 СМИ с числом работ чуть более 10 тысяч. В 2020 году в конкурсе участвовали 1378 СМИ и блогов, было представлено свыше 14 тысяч работ. Показательно, что в конкурсе появилась новая публикация «Блоги», это стало реакцией на интерес блогосферы к этноконенту.

Вместе с тем, тема межнациональных отношений остается для СМИ сложной. Журналисты не всегда могут увидеть потенциально интересный и важный инфоповод, до сих пор не так уж редко освещение этой темы сводится к «фестивально-праздничному формату». Как отмечают специалисты, одна из причин этого – не налаженный диалог между участниками этнокультурного сектора. Так, на Медиафоруме региональных и национальных СМИ, который прошел в Москве в 2019 году, председатель Ассамблеи народов России Светлана Смирнова акцентировала проблему отсутствия взаимопонимания между журналистским сообществом и НКО [1, с. 13]. Сложности есть с обеих сторон: представители национально-культурных организаций имеют довольно смутные представления о том, как работать в современном медиaprостранстве, как заинтересовать журналистов своими мероприятиями. В свою очередь, журналисты не всегда разбираются в сложной теме межнациональных отношений. В такой ситуации необходимо помочь сторонам найти общий язык. Сделать это могут образовательные проекты.

Одним из них стал проект Гильдии межэтнической журналистики «Школа медиакоммуникаций для этнокультурных НКО». Он начал свою работу в апреле 2020 года. Как заявляют сами организаторы, цель проекта – «научить пресс-секретарей и руководителей национально-культурных некоммерческих организаций азам общения с прессой и медиаграмотности» [2].

Проект работал при поддержке Фонда президентских грантов. Занятия проводились в 12 городах России: Астрахани, Барнауле, Екатеринбурге, Иванове, Йошкар-Оле, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Ставрополе, Сыктывкаре, Улан-Удэ, Ханты-Мансийске. Также к московской школе в дистанционном режиме присоединились две жительницы Нарьян-Мара.

Слушателями Школы стали представители этнокультурных НКО, их пресс-секретари или сотрудники, отвечающие за связи со СМИ,

сотрудники этнографических музеев, Домов Дружбы и народного творчества, муниципальные служащие, курирующие мероприятия по реализации государственной национальной политики.

Кураторами групп выступили практикующие журналисты – члены отделений Гильдии межэтнической журналистики. Во-первых, это способствует большей практической работе с контентом. Во-вторых, помогает узнать точку зрения «другой стороны» и на практике научиться общаться с журналистским сообществом.

Специально для «Школы медиакоммуникации для этнокультурных НКО» была разработана программа учебного курса. Ее авторами стали практикующие журналисты и пресс-секретари, а также преподаватели факультета журналистики Московского государственного университета. Программа рассчитана на два месяца занятий и включает в себя следующие пункты [3]:

1. Вводное занятие, тестирование слушателей.
2. Для чего НКО нужны журналисты? Формы коммуникации НКО и СМИ. ч. 1.
3. Формы коммуникации НКО и СМИ. ч. 2.
4. Грамотный пресс-релиз - от подготовки до распространения.
5. Формирование пресс-листа НКО, «вербовка своих» журналистов.
6. Презентация НКО.
7. Пул ньюсмейкеров от НКО – от тестирования к регулярной работе. Жесткие и мягкие информационные поводы.
8. Подготовка к интервью лидера /руководителей НКО.
9. Нужен ли НКО фотограф и видеограф?
10. Работа НКО в соцсетях.
11. Как НКО отслеживать информационный поток и встраиваться в него?
12. Презентация дипломных работ, финальное тестирование слушателей.

Особенность курса – максимальная практическая ориентированность. После изучения той или иной темы слушатели выполняли задания: искали и предлагали инфоповоды, составляли пресс-листы, писали и разбирали пресс-релизы, работали с соцсетями своих организаций, разрабатывали план пресс-мероприятия. Также проходили онлайн-встречи с группами из других регионов. На них участники обсуждали актуальные проблемы своей деятельности, делились наработками, завязывали рабочие связи. Кроме того, проводились экскурсии в редакции местных СМИ – для знакомства с их работой и налаживания контактов.

К началу курса Гильдия межэтнической журналистики выпустила пособие «Медиакоммуникации для этнокультурных НКО. Нескучное пособие от журналистов для пресс-секретарей». Его содержание полностью повторяет учебную программу курса и может служить основательным учебно-методическим пособием. Его особенность в том, что оно написано не специальным, научным языком, а понятным и доступным даже людям, достаточно далеким от журналистики. Помимо собственно учебной информации здесь приведены конкретные рекомендации. Например, под рубрикой «Не делайте так»: «Часто пресс-релизы от этнокультурных организаций приходят в последнюю минуту, можно сказать, перед началом мероприятий, в лучшем случае вечером накануне, да ещё и в выходной. То есть даже если журналист и захочет к вам прийти, ему уже будет крайне сложно перестроить свой график» [4, с. 7]. Все эти советы стали результатом многолетней практики общения и работы авторов-журналистов с пресс-секретарями различных организаций, а, значит, выверены временем и опытом.

В конце каждого раздела даны задания для закрепления усвоенного материала. Например, к теме «Формирование пресс-листа НКО, «Вербовка» своих журналистов» обучающийся получает такое задание: «Разделитесь на две группы. Пусть каждая из ваших групп напишет план пресс-релиза анонса. И попробуйте заинтересовать вторую группу своим мероприятием»; «Напишите пострелиз о последнем событии, которое вы проводили на работе. Постарайтесь избежать всех перечисленных ошибок. Принесите его на следующее занятие, презентуйте своим коллегам» [4, с. 19].

Из-за пандемии коронавируса часть занятий в Школе медиакоммуникаций прошли в дистанционном режиме. В некоторых регионах пандемия увеличила продолжительность занятий до трех месяцев.

По итогам обучения слушатели должны были выполнить выпускную работу – представить расширенный медиаплан и защитить его. Каждый, кто успешно прошел курс обучения и защитил свою выпускную работу, получил сертификат о прохождении курса «Школы медиакоммуникации для этнокультурных НКО».

Всего обучение завершили 160 человек. За время работы в Школе они опубликовали в СМИ более 170 материалов о деятельности своих НКО.

«Школа медиакоммуникаций для этнокультурных НКО» получила высокую оценку от своих выпускников. Они отмечали ее практическую пользу и улучшение своих навыков общения со СМИ. Слушательница проекта в Нижнем Новгороде, сотрудник общественной организации

«Региональная национально-культурная автономия татар Нижегородской области» Динара Халилова, отметила: «Такой проект был очень нужен в нашем регионе, потому что часто представители национальных организаций знают, как рассказать о традициях, о культуре, но не знают, как это представить в СМИ, поэтому курс – именно то, что нужно» [5]. По словам и. о. руководителя АНО «Центр Славянской Культуры» Веры Верченко, участие в проекте натолкнуло слушателей на идею начать новые проекты, что тоже является очень важным итогом: «В рамках этого обучения у нас родилось несколько проектов, направленных на возрождение национальных культурных ценностей нашей страны, на интеграцию традиций в современность, на популяризацию семейных ценностей и здорового образа жизни среди молодежи» [6]. Однако важнейшим результатом стали приобретенные умения взаимодействия со СМИ и продвижения своего контента. «Зачастую НКО не может позволить себе нанять профессионального пресс-секретаря, который бы качественно взаимодействовал со СМИ и грамотно позиционировал деятельность регионального отделения. Эту роль мы выполняем самостоятельно. На протяжении трех месяцев нас обучали журналисты ведущих федеральных и региональных СМИ. Мы учились составлять пресс-релизы по итогам мероприятий, разбирали допущенные ошибки при их составлении, просматривали видео уроки о грамотном ведении социальных сетей организации. Нам рассказывали, как привлекать журналистов к мероприятию, как правильно подготовить информационное письмо в редакцию СМИ. Считаю, что проект Гильдии межэтнической журналистики позволяет сформировать навыки высокоэффективного взаимодействия и коммуникации со СМИ», – так оценивает работу проекта председатель Совета регионального отделения Молодежной Ассамблеи народов России «Мы россияне» в Югре Юлия Трушкова [7].

Подобные оценки и практические результаты проекта свидетельствуют о его успешности и высокой значимости. Учитывая, что проблема продвижения этноконента и темы межнациональных отношений в СМИ является характерной для всей страны, продолжение работы «Школы медиакоммуникаций для этнокультурных НКО» и распространение ее опыта в других регионах Российской Федерации можно считать весьма полезным.

Литература

1. III Медиафорум этнических и региональных СМИ. Стенографический отчет. М., 2019. 59 стр.

2. Школа медиакоммуникаций для этнокультурных НКО// URL: <https://nazaccent.ru/schools/2020-0/>
3. План занятий Школы медиакоммуникаций для этнокультурных НКО// URL: https://nazaccent.ru/school_content/2198/
4. Медиакоммуникации для этнокультурных НКО. Нескучное пособие от журналистов для пресс-секретарей. – М.: Первая Образцовая типография, 2020. – 56 стр.
5. Нижегородские выпускники школы медиакоммуникаций для этнокультурных НКО получили дипломы// URL: https://nazaccent.ru/school_content/2378/
6. Завершается обучение в Школе медиаграомтности для этнокультурных НКО// URL: https://nazaccent.ru/school_content/2211/
7. Успехов вам, медиакоммуникаторы! // URL: https://nazaccent.ru/school_content/2353/

ФЕНОМЕН ШКОЛЫ С ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В СИСТЕМЕ СТОЛИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Арзыматов Б. М. (Каракол, Кыргызстан)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы образования детей из семей мигрантов. Анализируется опыт Москвы в сфере организации доступа детей из семей мигрантов к образованию в образовательных учреждениях. Обосновывается необходимость разработки и реализации в российском образовательном пространстве единого концептуального подхода к социально-культурной, языковой и социально-психологической адаптации обучающихся из семей иноэтничных мигрантов. Доказывается, что образование этих детей – важный долгосрочный стратегический приоритет и инвестиция в будущее России и всего мира. Показан опыт московской системы образования по созданию так называемых «Школ русского языка» и общей системы языковой и социально-культурной адаптации детей из семей мигрантов. Модель одногодичной «Школы русского языка» как средства адаптации и интеграции детей мигрантов была востребована и вызывала большой интерес у регионов России и зарубежных стран. Также в статье отражена работа разговорного клуба «Скоро в школу», организованного для детей мигрантов из Кыргызстана.

Ключевые слова: этнокультурный компонент, образование детей мигрантов, социальная адаптация мигрантов, полиэтничная школа, кыргызская диаспора, разговорный клуб, посольство

PHENOMENON OF THE SCHOOLS WITH ETHNOCULTURAL COMPONENT IN THE SYSTEM OF THE CAPITAL CITY EDUCATION

Arzymatov B. M. (Karakol, Kyrgyzstan)

Abstract: The article deals with the problems of education of children from migrant families. The author analyzes the experience in organizing access for children from migrant families to education in educational institutions in Moscow. The article substantiates the necessity to develop and implement a unified conceptual approach to socio-cultural, linguistic and socio-psychological adaptation of the children from families of foreign migrants in the Russian education area. It is proved that the education of these children is an important long-term strategic priority and investment in the future of Russia and the whole world. The experience of the Moscow education system in creating so-called «Russian language schools» and the general system of linguistic and socio-cultural adaptation of children from migrant families is shown. The model of a one-year «Russian Language School» as a means of adaptation and integration of children of migrants was in demand and

aroused great interest among regions of Russia and foreign countries. The article also reflects the work of the conversation club «Soon to School», organized for children of migrants from Kyrgyzstan.

Keywords: *ethno-cultural component, migrant children education, social adaptation of migrants, multi-ethnic school, Kyrgyz diaspora, conversation club, embassy*

Международная миграция растет не только по своим масштабам и скоростным показателям, она характеризуется также увеличением количества участвующих в ней стран и людей. В миграционные процессы вовлечены люди самых разных национальностей, которые говорят на различных языках, исповедуют разные религии, живут по разным обычаям. При этом вплоть до 60–70-х годов XX века большинство мононациональных стран, принимавших иммигрантов, справлялись с передачей им своих культурных образцов. Включаясь в новое общество, люди по большей части отказывались от культурных и политических традиций прежней родины, утрачивали приверженность ее порядкам. Начиная с 80-х годов прошлого столетия, повсеместным явлением стала массовая иммиграция в западные страны без обязательной и всеобъемлющей адаптации инокультурных иммигрантов к нормам и ценностям основных этносов. Воспрепятствовать притоку иммигрантов и не реально, и не в интересах национального развития. В то же время необходимость осуществления целенаправленной государственной политики на этом направлении становится все более очевидной. Мигранты, прибывающие из зарубежных стран, как правило, недостаточно владеют русским языком, знаниями о культурном наследии и истории, основах российского законодательства и реалиями российского быта. Сами этнические мигранты далеко не всегда ориентированы на освоение принятых в среде принимающего города обычаев и норм поведения. В 2004/2005 учебном году в московских образовательных учреждениях обучалось, по самым осторожным оценкам, более 25 тысяч детей мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. Этнический состав детей мигрантов – учащихся московских школ всегда отражал многокультурное разнообразие мира [1, с. 55]. В связи со снижением роли русского языка и качества образования на русском языке в сопредельных России государствах – основных поставщиках рабочей силы для российского рынка труда, приезжает все больше молодых людей, получивших школьное образование в условиях сокращения количества часов, отведенных на изучение русского языка [2, с. 46].

Наличие в российской системе образования проблемы адаптации детей из семей мигрантов, для которых русский язык не является родным, на данный момент является актуальной темой. Успех адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов может быть обеспечен за счет сочетания развития поликультурного компонента в государственных школах и активизации деятельности национально-культурных объединений в этой сфере. Для этого надо решить следующие задачи:

1) Рассмотреть влияние современной миграционной ситуации на развитие поликультурности школы на примере московского образования, но в контексте российского и международного опыта.

2) Исследовать опыт реализации образовательных программ адаптации мигрантов, накопленный в Москве, и выявить в нем наличие и роль этнокультурного компонента.

3) На основе анализа московского опыта выявить и определить факты культуротворческой среды с ее поликультурным содержанием, на примере русского и кыргызского этносов. Школ с кыргызским этнокультурным компонентом нет в системе московского образования, потому что, когда этнокультурное образование в Москве активно развивалось, число кыргызских мигрантов, имеющих семьи и детей, еще не было столь велико, активизация этих процессов началась позже. Но элементы учета и изучения кыргызской культуры были внедрены в некоторых столичных поликультурных школах.

Проблема языковой адаптации является достаточно острой, поскольку ее решение перекладывается с семьи на иные социальные институты (школу, дополнительное образование, вне семейного социального окружения). Проблему эту нужно будет решать на ином организационном уровне. Создавать возможности предварительного обучения детей мигрантов в адаптационных центрах, специализированных школах русского языка, где преподается русский язык как иностранный, и дальнейшая образовательная траектория ребенка напрямую зависит от успешности его освоения. Целесообразно начинать с создания: информационной базы (демографической статистики по мигрантам, статистики детской миграции по образовательным учреждениям, статистики по опорным школам, разработки методологической базы, понятийного аппарата, результатов репрезентативных исследований по проблемам школ и т.д.); методической базы; системы подготовки и переподготовки учителей во взаимосвязи с вузами округа; системы взаимосвязи школ и дополнительного образования для мигрантов, школ и учреждений культуры, ориентирующихся на решение проблемы социокультурной

адаптации мигрантов; системы обмена информацией управления образованием и УФМС, управления образованием и органами внутренних дел. Также тесно работать с активными представителями кыргызской диаспоры по всем этим направлениям. Выделим основные условия для адаптации граждан Кыргызстана в Российской Федерации:

изучение русского языка;

получение базового образования в системе среднего и высшего профессионального образования;

приобретение специальности на краткосрочных курсах.

Если будут решены эти задачи, то мигранты из Кыргызстана получают в России образование и опыт работы, который они могут использовать в России или на родине, но, в любом случае, зарплата будет выше, чем у людей, занятых неквалифицированным трудом. На сегодняшний день много учебных заведений Российской Федерации, которые готовы обучать граждан Кыргызстана по определенным специальностям. Также на основе наработанной клиентской базы некоторых известных кыргызских компаний будет проводиться мониторинг по кыргызским детям школьного и дошкольного возраста по Москве для инициирования открытий полиэтнических школ на базе государственных школ города Москвы.

Наиболее значимым и успешным является опыт московской системы образования по созданию так называемых «Школ русского языка» и общей системы языковой и социально-культурной адаптации детей из семей мигрантов. С 2006 по 2012 г. в Москве действовала сеть подготовительных групп на базе общеобразовательных школ, где ежегодно проходили интенсивную языковую и социально-культурную адаптацию около 500 школьников из 25–34 зарубежных стран. Модель одногодичной «Школы русского языка» как средства адаптации и интеграции детей мигрантов была востребована и вызвала большой интерес у регионов России и зарубежных стран. Но в связи с внедрением в Москве (а чуть позже – и на федеральном уровне) новых принципов финансирования образования с 2013 г. расходы по содержанию «Школ русского языка» постепенно перекладывались на бюджет самих образовательных организаций. Численность групп, в которых обучаются русскому языку дети мигрантов, не может, по международным стандартам, превышать 8–12 человек, иначе процесс обучения будет неэффективным. Поддерживать в течение года такие маленькие подготовительные классы стало невыгодным и, соответственно, нежелательным даже для тех школ, где традиционно училось много детей-инофонов. С 2012–2013 гг. системная работа по адаптации и интеграции мигрантов в столичной системе образования

отошла на второй план. Более важными стали задачи укрупнения московских образовательных организаций – создания больших образовательных комплексов, внедрения новых управленческих и финансовых механизмов, повышения качества образования и участия в разнообразных международных рейтингах. Постепенно «Школы русского языка» стали одна за другой закрываться, с наступлением 2017/2018 учебного года их работа была полностью прекращена. Таким образом, уникальный опыт, наработанный в московской системе образования, сейчас остается невостребованным и, к сожалению, не имеет развития [3, с. 313].

Но именно сегодня, после создания ЕАЭС, в рамках которого активизируются и миграционные процессы, приобретает особое значение возобновление работ над полиэтническими школами на примере образовательного комплекса ГБОУ города Москвы «Школа с углубленным изучением иностранного языка № 1236 школьное отделение № 250». Здесь используются современные педагогические технологии, в том числе информационные, направленные на развитие познавательной активности и творческих способностей учеников. Школа помогает еще и адаптации юных иностранцев к российским реалиям, прежде всего – через ускоренное изучение русского языка на основе специальных методик, разработанных российскими специалистами. Пройдя девятимесячный курс, ребята после тестирования могут продолжить учебу или в этом комплексе, или в каком-нибудь другом общеобразовательном учреждении российской столицы. Сотрудничество национальных диаспор в различных проектах полиэтнических школ, содействие как организационное, так и по возможности материальное. Поддерживать полезные инициативы школ, установить кураторство над школьниками – соотечественниками. Использовать всевозможные фонды для облегчения материальной нагрузки для родителей мигрантов для обучения в образовательных заведениях Российской Федерации. Предлагаем активнее включить и ресурсы ЕАЭС. Это поднимет их престиж и авторитет. Тем более в их Уставе написано, что «Дети трудящегося государства-члена, совместно проживающие с ним на территории государства трудоустройства, имеют право на посещение дошкольных учреждений, получение образования в соответствии с законодательством государства трудоустройства». Включить в программу образования в дошкольных учреждениях, школах, колледжах и высших учебных заведениях учебные дисциплины, укрепляющие межнациональные отношения. Проводить творческие вечера известных деятелей культуры народов мира. Преподавание для

детей российских кыргызов на базе общеобразовательных школ, где присутствует большое количество кыргызских детей таких дисциплин, как «Кыргызский язык и литература», «Манасоведение», «История кыргызского народа» в блоке дополнительного образования. Или в этих школах организовывать разговорные клубы, где совместно с родителями дети будут изучать культуру своих предков. Сделать обучение для детей бесплатным за счет финансирования со стороны государственных структур и фондов Кыргызской Республики или совместных фондов Кыргызской Республики и Российской Федерации. Также обучение силами преподавателей волонтеров из кыргызской диаспоры.

В июле 2019 года в Москве прошла церемония вручения сертификатов участникам разговорного клуба «Скоро в школу», организованного для детей мигрантов из Кыргызстана. Памятные документы получили 30 ребятишек в возрасте 6–7 лет, которые по этому случаю вместе со своими педагогами подготовили праздничную программу. «У многих маленьких кыргызстанцев, которые собираются этой осенью в первый класс российских школ, есть очень большая проблема. В семьях говорят только на родном языке, и когда ребенок приходит в школу, он не понимает учителей и одноклассников, ведь преподают-то на русском. Из-за этого у ребенка возникают серьезные проблемы с социализацией. А платная подготовка многим родителям не по карману. Вот мы и решили как-то поспособствовать решению проблемы, дав таким детям первичные навыки владения русским языком», – рассказала руководитель клуба и директор школы «Мир вам» Роза Адышева. По ее словам, в школе «Мир вам», также созданной Адышевой и существующий с 2017 года, русский язык осваивают соотечественники самых разных возрастов. Но особого внимания требуют дошкольники, которые приезжают из Кыргызской Республики, совсем не адаптированы к жизни в РФ и совершенно не знают русского. Именно таких и отбирали в клуб «Скоро в школу», который представляет из себя краткосрочные языковые курсы, действующие на бесплатной основе [4].

Идею его создания поддержал посол Кыргызской Республики в Российской Федерации Аликбек Джекшенкулов, а помещение для занятий предоставило посольство, на территории своего консульского отдела. На помощь также пришла действующая в Москве Ассоциация учителей-кыргызстанцев «Агартуу билим борбору». Из ее рядов было выбраны несколько педагогов-волонтеров, которые вместе с Адышевой взялись за проведение учебы. 12-часовую программу разработала сама Роза Адышевна. Инициативу кыргызских

преподавателей и посольства поддержали власти российской столицы. На открытии клуба, состоявшегося 20-апреля 2019-года, председатель комиссии по науке и образованию Совета по делам национальностей при правительстве Москвы Елена Омельченко передала учебники для кыргызских детей. Первый урок для них помогли провести Полина Сбигнева, Карина Кашаф и Луиза Барикзай, студентки Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, которые изучают кыргызский язык как первый иностранный. В июне 2019 года в этом вузе состоялся первый выпуск специалистов со знанием кыргызского после защиты студентами дипломных работ по истории и культуре Кыргызстана.

«Наши занятия проходили еженедельно по субботам. В одну из них мы также посетили праздник в честь Дня защиты детей, организованный активистами кыргызской диаспоры, а в другую – побывали в московской детской библиотеке. И вот 27- июля подведены первые итоги. Их с успехом продемонстрировали сами наши маленькие слушатели, которые на выпускном празднике пели, читали стихи, сказки на русском, подготовили целую сценку. Сертификаты каждому вручил лично посол Аликбек Джекшенкулов, который напутствовал детей. Его участие в мероприятии придавало для ребят и их детей особую торжественность происходящему», – продолжает Роза Адышева. Шестеро из выпускников это клуба с началом учебного года отправятся на подготовительные отделения московских школ, а остальные – уже в их первые классы. Но проект, который является пилотным, будет продолжен. Роза Адышева намерена и дальше заниматься со своими подопечными – уже после школьных уроков, помогая им выполнять домашние задания, адаптироваться к жизни в Российской Федерации. В дальнейшем, при необходимой поддержке, предусматривается расширять масштабы деятельности клуба, охватив им детей, чьи родители сами испытывают в России проблемы с русским языком. Надеемся, что через светское образование и духовное просвещение наши соотечественники сделают «шаг в будущее» и займут достойное место во всем мире. Обеспечение получения детьми из семей мигрантов качественного образования – это вклад не только в их будущее, но и в будущее всего населения их стран, в будущее мира, вклад в устойчивое развитие.

Литература

1. *Горячев Ю. А., Захаров В. Ф., Курнешова Л. Е., Омельченко Е. А., Савченко Т. В.* Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. М.: Этносфера, 2008. 112 с.

2. *Омельченко Е. А.* Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт. М.: Этносфера, 2018. 416 с.
3. *Омельченко Е. А.* Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 306–316.
4. *Денисенко Е.* В Москве обучили русскому языку детей мигрантов из КР. URL: https://www.vb.kg/doc/380281_v_moskve_obychili_rysskomu_iazyky_detey_migrantov_iz_kr.html

ЭТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВРАЧЕБНОЙ ОШИБКИ

Белкина А. П., Попов Е. А. (Барнаул, Россия)

Аннотация: В последние десятилетия изучение различных проблем в рамках социологии медицины возросло, в первую очередь это связано с заинтересованностью государства в улучшении здоровья населения. В статье рассматривается такая актуальная проблема как врачебная ошибка, а именно её эτικο-культурный аспект. Ставится вопрос о существующих и возможных границах ответственности врача за совершенную ошибку. Утверждается, что отношение к врачебной ошибке в обществе менялось в зависимости от роли врача в культуре. В статье предлагается переместить фокус внимания с внешних факторов на внутреннюю этическую позицию врача, уровень его медицинской культуры, привитые в стенах вуза. Рассматривается влияние преподавателей на формирование медицинской этики в студенческой среде и отношение пациентов к нарушению врачами врачебной этики.

Ключевые слова: социология медицины, врачебная ошибка, этика нравственность, врач, пациент

ETHICAL AND CULTURAL ASPECT OF MEDICAL ERROR

Belkina A. P., Popov E. A. (Barnaul, Russia)

Abstract: In recent decades, the study of various problems within the framework of the sociology of medicine has increased, primarily due to the state's interest in improving the health of the population. The article deals with such an urgent problem as medical error, namely its ethical and cultural aspect. The question is raised about the existing and possible limits of the doctor's responsibility for the mistake made. It is argued that the attitude to medical error in society changed depending on the role of the doctor in the culture. The article proposes to shift the focus of attention from external factors to the internal ethical position of the doctor, the level of his medical culture, instilled in the walls of the university. The influence of teachers on the formation of medical ethics in the student environment and the attitude of patients to the violation of medical ethics by doctors is considered.

Keywords: sociology of medicine, medical error, ethics, morality, doctor, patient

В настоящее время врачебные ошибки представляют собой сложную и очень актуальную проблему. Врачебные ошибки уносят десятки тысяч жизней в год и приводят к необратимым последствиям, а самым главным последствием является возрастание недоверия пациентов к врачам и медицине в целом, самолечение и несвоевременное обращение за помощью. Выявлением и

доказательством врачебных ошибок занимается специальное научно-практическое учреждение – судебно-медицинская экспертиза, но и в этом случае порой очень сложно доказать вину врача, пациенты годами могут бороться в суде, но все безрезультатно. Степень ответственности в причинении вреда пациенту зависит от того, как квалифицируется данное событие (заблуждение, несчастный случай, халатность и т. п.), от этого зависят и применяемые меры.

В отношении врачебных ошибок имеются сложности, этические и правовые. Что касается правового аспекта, то в нормативно-правовой базе нашего государства не закреплено понятие «врачебная ошибка» и, как следствие, не ведется статистика, нет профилактических мероприятий и зачастую нет виновных. Если с правовыми проблемами более или менее все ясно, то что делать с этическими? К основным этическим проблемам врачебных ошибок можно отнести: установление вины и ответственности; действия в отношении пострадавшего и его родственников (а именно – проблема раскрытия информации о врачебной ошибке); моральные аспекты возмещения или исправления причиненного вреда; разрешение моральных конфликтов в коллективе в связи с врачебной ошибкой.

Безусловно, мы наблюдаем множество проблем, связанных с врачебными ошибками, но ведь многих можно избежать, если будет уделяться больше внимания медицинской этике на этапах подготовки специалиста. Последнее время среди будущих медиков наблюдается безответственное отношение к врачебной этике, во время занятий они могут посмеяться над результатами анализов некоторых пациентов, а также некоторые утверждают о бесполезности таких предметов как философия, социология и медицинская этика, нас как исследователей врачебной ошибки данный феномен пугает, ведь через несколько лет мы, возможно, попадем именно к такому врачу. Данное явление заставляет задуматься об актуальности медицинской культуры, ведь именно она сохраняет и передает из поколения в поколение традиции, практический опыт в их профессиональной сфере, она предполагает наличие опытного наставника, специалиста, который на своем опыте и своим личным примером передает культурный, духовный и практический багаж. Если мы представим такую идеальную картину, где ведущие врачи рассказывают, как важно соблюдать медицинскую этику, внимательно слушать пациента и ставить своей целью жизни спасение других людей, то при выпуске мы будем получать тех специалистов, которым будут доверять, на прием к которым будут ходить своевременно, тем самым врачебных ошибок станет гораздо меньше. Зачастую выздоровление пациента зависит не только от

научных знаний и практического опыта врача, но и от культуры общения врача с пациентом, от его владения искусством психологического взаимодействия. Важно также помнить, что конечной целью учебно-воспитательного процесса будущих врачей является личностный рост и профессиональное развитие будущего врача [1, с. 92].

В настоящее время мы наблюдаем смягчение наказаний за совершенную врачебную ошибку в связи с возникшим вопросом о правовой защите врачей, что также повлияло на рост недоказанных врачебных ошибок. В XX веке было предложено создать специальные комиссии для анализа врачебных ошибок и их изучения с целью принятия дальнейшего решения о наличии или отсутствии вины врача. В первоначальной редакции закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» была норма о профессиональной ошибке медицинского работника, но впоследствии эту норму убрали, и сейчас врачебной ошибки просто не существует, и некоторые врачи осуществляют свою деятельность халатно и знают, что им ничего не будет.

Помимо этого, в современной медицине наблюдается переход из сферы социальной помощи в сферу оказания услуг, где пациент уже не страдающий человек, нуждающийся в помощи, а потребитель медицинских услуг, где он может диктовать свои требования, условия и т. д., тем самым превращая врача из субъекта медицинской деятельности в объект реализации собственных притязаний [4, с. 52–53]. На самом деле, это страшная ситуация, где пациент что-то захотел, заплатил деньги и ждет результат. Мы уже привыкли наблюдать ситуации с неудачными пластическими операциями, где пациент, не учитывая возможные риски, оплачивает ту или иную операцию и получает плачевный результат, где вроде вина и врача, и пациента, врач зарабатывает и кормит себя, калеча людей. Мы наблюдаем рост частных медицинских клиник, где пациент заплатил и его любезно обслуживают, обратная картина в поликлиниках, где тебя еще и обругают. Получается, врач будет вести себя этично, только если ему заплатить, это, так называемая, культура за деньги. Таким образом, ошибка во врачебной деятельности — это не столько добросовестное заблуждение врача при исполнении им служебных обязанностей. Скорее это следствие личностного субъективного выбора врача, это следствие личностного поступка и принятия на себя личной ответственности.

Многие исследования показывают, что только уважение и культура участников взаимоотношений врача и пациента может

принести терапевтическую пользу и человеческое удовлетворение [3, с. 17]. На сегодняшний день пациенты не рассматривают медицинского работника как «злодея и губителя», они очень часто оправдывают возникновение врачебных ошибок и считают, что ошибки врача должны оставаться на его совести, а врач не должен подвергаться наказанию. Граждане не верят в преднамеренность врачебных злодеяний. Показательно, что врачи высказывают более жесткое отношение к врачебным ошибкам и ответственности за них. По нашему мнению, это свидетельствует о высокой профессиональной ответственности современных отечественных врачей. Такое отношение пациентов к врачам и объективное признание профессиональных ошибок врачами свидетельствуют о взаимопонимании, конструктивном и доверительном контакте между врачом и пациентом [2, с. 73].

Подводя итоги, важно отметить, что от любых действий врача зависит жизнь человека. Не зря говорят, «врач – это призвание», еще на этапах подготовки специалиста необходимо прививать множество профессиональных качеств будущему врачу. Значимость наставника и старшего товарища также играет важную роль, ведь именно он передает опыт, навыки, традиции, культуру и этику врача.

Литература

1. *Зорин К. В.* Проблемы этико-деонтологического воспитания студентов-медиков // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. 2021. Т. 10, № 1. С. 89–92.
2. *Конаныхина А. К., Комаров Г. А., Кочубей А. В.* Право на ошибку: врачебные ошибки глазами врачей и пациентов // Клиническая практика. 2018. № 3. С. 70–73.
3. *Фарбер Е. В., Сергеев Ю. Д., Шурупова Р. В.* Социологические и правовые аспекты ошибок, совершаемых врачами и пациентами // Социология медицины. 2015. № 14 (2). С. 16–18.
4. *Чалдышкина М. В.* Врачебная ошибка: философский, этико-культурный, правовой аспекты проблемы // Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 51–54.

МИР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Бобунова М. А. (Курск, Россия)

Аннотация: В статье проводится сопоставительное описание наименований музыкальных инструментов в разных фольклорных жанрах. Базой исследования явились тексты онежских былин, исторических песен и необрядовой лирики, записанной в разных регионах России. Выявлены общежанровые, межжанровые и специфически жанровые конструкции. В группе общежанровых лексем оказалось наиболее частотное существительное гусли, которое зафиксировано во всех анализируемых текстах, что говорит о его значимости в русской фольклорной картине мира. Подробно описаны межжанровые наименования, общие для лирических и исторических песен, а также для былин и необрядовой лирики. Особое внимание уделено одножанровым лексемам, характерным прежде всего для лирических песен. Делается вывод о жанровой специфике анализируемого языкового материала, о чем свидетельствует ассортимент лексем, их частотность, сочетаемость и особенности употребления.

Ключевые слова: устное народное творчество, былина, необрядовая лирика, историческая песня, язык фольклора, жанровая специфика

THE WORLD OF ARTICTIC CULTURE

IN THE RUSSIAN FOLKLORE

Bobunova M. A. (Kursk, Russia)

Abstract: The article presents the comparative description of music instrument denominations in different folk genres. The texts of the Onega Bylinas, historical songs and non-ritual lyrics recorded in different Russian regions were chosen as basis of the research. The common-genre, inter-genre and specific genre constructions are determined. The common-genre group of lexemes comprises the most frequently used noun «гусли» (psaltery/gusli) which was used in all the analyzed texts that signifies its importance in the Russian folklore picture of the world. A detailed description is given to the inter-genre denominations which are common for both lyrical and historical songs as well as for bylinas and non-ritual lyrics. Particular attention is paid to the single-genre lexemes which are characteristic to lyrical songs, above all. The variety of lexemes, frequency, combinability and peculiarities of usage lead to certain conclusions about genre specifics of the language material under analysis.

Keywords: oral folk art, bylina, non-ritual lyrics, historical song, folklore language, genre features

В устном народном творчестве мир художественной культуры представлен широко и разнообразно. В данной статье мы ограничимся описанием наименований музыкальных инструментов в разных фольклорных жанрах. Базой исследования явились тексты онежских былин [8], исторических песен [5; 6; 7] и необрядовой лирики, записанной в шести регионах России (в Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской, Казанской и Курской губерниях) в XIX в. [3].

Путем сплошной выборки нами были составлены словники, куда вошли наименования духовых (дудка, труба), струнных (гитара, гусли) и ударных (барабан, цимбалы) инструментов. Как оказалось, самый широкий перечень указанных лексем характерен для лирической песни, в то время как в онежском эпосе упоминаются лишь четыре инструмента, причем три из них единично.

Сопоставление словников позволило выявить общежанровые, межжанровые и специфически жанровые конструкции. Группу общежанровых лексем представляют три слова: *гусли*, *скрипка* и *музыка*. Самым упоминаемым в русском фольклоре музыкальным инструментом являются гусли.

Добрый молодец в гусли грает,

Красную девушку пробуждает [3, т. 2, № 2].

Уж и гусли, вы гуслицы!

Не выигрывайте, гусельцы, молодцу на досадушку! [6, № 230].

Да садился Добрыня на упечинку,

Начал во гусли наигрывать [8, т. 3, № 222].

Название древнего струнного щипкового музыкального инструмента зафиксировано во всех анализируемых нами текстах, что говорит о его значимости в русской фольклорной картине мира. Наиболее употребительно это существительное в онежском эпосе, где оно является высокочастотной лексемой [1]. В разных жанрах фольклора фиксируются многочисленные диминутивные формы (*гусельцы*, *гуслицы*, *гуселечки*, *гусёлка*, *гусельшики*, *гусельшок*), подтверждающие особое отношение к этому инструменту, которое в русском фольклоре воспринимается идеализированно. Более подробно о жанровых и территориальных особенностях этого слова в устном народном творчестве см.: [2].

Другое общежанровое существительное *скрипка* (*скрипочка*, *скрипица*, *скрипица*) можно отнести к разряду низкочастотных в песнях и единичных в эпосе.

Чернышев Захар Григорьевич,

По темнице похаживает,

Во злату скрипку поигрывает,

Сам по скрипке приговаривает [6, № 368].

Милый в скрипку заиграл [3, т. 4, № 527].

Особого внимания заслуживает существительное *музыка*, которое в фольклорном тексте реализует значение «музыкальный инструмент» [10, вып. 18, с. 338], о чем свидетельствуют синтагматические связи слова (*играть на музыке, играть в музыку*).

Там вси скачут, пляшут оны, песенки поют,

Во музыки да во скрипочки наигрывают [8, т. 3, № 530].

Я на разныя музыки

Прикажу слугам играть [3, т. 4, № 527].

Давно барабанщики зореньку пробили,

Давно музыканты в музыку играли [5, № 291].

К межжанровым наименованиям мы относим слова, общие для двух жанров. Так, в лирических и исторических песнях упоминаются барабан, гитара, свирель, труба, цимбалы и сиповка «тростниковая, бузинная, ивовая (из снятой коры) дуда, дудка, свирелка» [4, с. 188].

Например:

По этой улице

Детинушка шел-прошел,

Нес гитару под полой [5, № 101].

За конем-то его милая идет,

Во руках она гитарочку несет [3, т. 5, № 319].

За реченькой за быстрою цымбалики бьют [3, т. 5, № 660].

Однако если в необрядовой лирике эти существительные в целом низкочастотны и территориально ограничены в употреблении, то в исторической песне картина иная. Это прежде всего касается слов *труба* (*трубонька, трубушка, трубынка*) и *сиповка* (*сиповинка, сиповочка*). Полагаем, что частотность указанных лексем обусловлена их участием в устойчивых поэтических приемах (сравнение, образный параллелизм, формула). Например:

Атаман речь говорил, словно в трубу трубил [5, № 148].

Перед ним-то стоит граф Кутузов,

Он речи говорит, что в трубу трубит [7, № 36].

Что не золотая трубушка вострубила,

Не серебряна сиповочка возыграла,

Что возговорит наш батюшко, православный царь [6, № 32].

Тут не золоты трубоньки вострубили,

Не серебряны сиповинки возыгрывали,

Тут вскричал атаман громким голосом [6, № 37].

В устойчивом в исторических песнях ассоциативном ряду *труба ... сыповка* второй компонент может заменяться другим названием музыкального инструмента, например:

*Не золотая **трубонька** вострубила,
Не серебряная **свирелочка** взговорила,
Возговорил речь атаманушка [6, № 157].
Не золотая **трубоцька** вострубливала,
Не серебряна **цимбалоцька** возыгрывала –
Воспроговорил сам да благоверной царь [5, № 81].*

Многозначное существительное *труба* и его диминутивные формы *трубочка* и *трубонька* в фольклорном тексте используются в разных значениях («пустой столб над печью для выхода дыма – печная труба», «оптический прибор – подзорная труба», «духовой медный инструмент»), определить которое помогают атрибутивные и глагольные связи слова. Однако в отдельных случаях происходит смешение функций, например:

*И как он во первую ступень вступил
И в **подзорную трубу** трубил –
Казакi ближе подвигалися [6, № 368].*

Частотно в исторических песнях и существительное *барабан* (*барабанушек, барабанчик*). И это неудивительно, т.к. этот ударный инструмент использовался в армии для подачи разных сигналов. Барабанный звук всегда сопровождал солдат на марше и в нужный момент поднимал их в атаку.

*Все солдатушки во поход идут,
Барабанщицки в **барабаны** бьют [6, № 246].
Барабанщицки в **барабаны** бьют – город взяли [6, № 89].
Барабанушки пробили по-веселому,
Ай указушки прочитали по-печальному [7, № 130].*

Нередко в исторических песнях слово *барабан* включается в ассоциативный ряд с другими наименованиями музыкальных инструментов.

*Барабанщицки во **барабаны** бьют,
Музыкантицки во **трубы** трубят [7, № 496].
Барабанщицки в **барабаны** пробивали,
И сыповщицки в **сыповки** заиграли [6, № 68].*

В необрядовой лирике существительное *барабан* встречается, как правило, в солдатских песнях, где оно тоже коррелирует со словом *труба*.

*Стали в **трубочки** трубить,
В **барабаны** стали бить [3, т. 6, № 80].*

*А в турецкой [роте] **барабаны** бьют,
А в литовской **трубы** трубят,
А в московской девка плачет,
Замуж не хочет [3, т. 6, № 353].*

Общим для необрядовой лирики и былины оказалось слово *гудок* «старинный русский народный трехструнный смычковый инструмент» [10, вып. 7, с. 202]. В эпосе оно встретилось один раз в былине, записанной от сказителя Захарова, а в песнях эта частотная лексема фиксируется повсеместно. Исследователи отмечают, что гудок был «в большом употреблении в южной России, Малороссии, и низовых губерниях, где вместе с волынкою, бубенчиком, балалайкою и дудкою, служит для сопровождения песен и хороводных плясок. Игра на нем очень проста, как по несовершенству самого инструмента, так и по простоте строя» [10, вып. 7, с. 202].

*А в третьём терему-то **гудки** гудят [8, т. 3, № 199].*

Они срезали по пруточку,

*Они сделали по **гудочку** [3, т. 3, № 187].*

*Вы, **гудочки**, не гудите,*

Моего батюшку не будите! [3, т. 3, № 183].

В былинах одножанровых наименований музыкальных инструментов нами обнаружено не было. В исторических песнях эта группа слов представлена одной лексемой – *литавры*.

Что слышав, вору-шведы догадались,

Что ударили они в барабаны,

*Наши русские солдатушки – в **литавры** [6, № 81].*

А в анализируемых необрядовых лирических песнях выявлен целый ряд специфически жанровых слов, среди которых *балалайка* (*балалаечка, балалаица*) – Вятская, Курская и Пермская губернии; *гармоника* (*гармошка, гармоньюшка «Ласк. Гармонь»* [10, вып. 6, с. 145]), *тальянка* «друхрядная гармоника» [10, вып. 43, с. 253] (*тальяночка*) – Вологодская губерния; *волынка* – Курская и Пермская губернии; *дудка, жалейка* – Курская губерния.

*Стану **балалаечкой** играти,*

Стараго мужа пробуждати [3, т. 2, № 350].

Ходил милой на беседушку,

*Со своей большой **гармоньюшкой**,*

Со своей он с полюбовницею [3, т. 6, № 26].

*Кто в **тальяночку** играет,*

Тот и песенки поет [3, т. 5, № 751].

Сама села на скамейку,

*Заиграла во **жалейку** [3, т. 6, № 59].*

Среди одножанровых лексем встретились диалектные и даже «темные» слова: *винтовка* «музыкальный инструмент – вертушка» [10, вып. 43, с. 143] – Архангельская губерния, *тринобой* «музыкальный инструмент [какой?]» [10, вып. 45, с. 99] – Пермская губерния.

В руках несет сыповку,

*На плече несет **винтовку**,*

Во карман несет гусли [3, т. 3, № 322].

Славна улица Невьянска,

Слобода наша Глинска,

Всячиною изукрашена –

Все гудками да вольнками,

*Да звончатыми **тринобаями!** [3, т. 2, № 364].*

Как видно из примеров, в необрядовой лирике понятие о музыке и музыкальных инструментах, на которых играют и мужчины, и женщины, тесно связано с понятиями веселья, праздника, развлечения.

Таким образом, сопоставительное исследование наименований музыкальных инструментов показало, что для русского фольклора эта сторона жизни значима. В разных жанрах устного народного творчества мир художественной культуры представлен по-своему, о чем свидетельствует ассортимент языковых единиц, их частотность, сочетаемость и особенности употребления. Это в очередной раз подтверждает мысль о том, что «в фольклоре все преломляется в жанре, начиная со стиля и кончая конкретными языковыми явлениями» [9, с. 97]. В то же время выявляются и общие черты, связанные с употреблением многочисленных диминутивных форм и концентрацией нескольких лексем указанной тематической группы в пределах одного контекста. Интересно будет продолжить данное исследование за счет привлечения к анализу текстов других жанров (например, сказок, причитаний, баллад) и иных регионов для выявления не только жанровой, но и территориальной специфики языкового материала.

Литература

1. *Бобунова М. А.* Онежские былины: Частотный словарь. Курск: Изд-во КГУ, 2003. 90 с.
2. *Бобунова М. А.* Гусли звончатые мои! // Русская словесность. 2006. № 3. С. 69–72.
3. Великорусские народные песни: в 7 т. / изд. проф. А. И. Соболевским. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. 2–6 (в примерах указывается номер тома и номер песни).

4. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 4. 688 с.
5. Исторические песни XVII века. М.-Л.: Наука, 1966. 388 с.
6. Исторические песни XVIII века. Л.: Наука, 1971. 356 с.
7. Исторические песни XIX века. Л.: Наука, 1973. 284 с.
8. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. Изд. 2-е. СПб.: Типография Императорской АН, 1894–1900. Т. 1–3 (в примерах указывается номер тома и номер былины).
9. *Оссовецкий И. А.* Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 93–112.
10. Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2012. Вып. 1–45.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Борисова О. В. (Барнаул, Россия)

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России» (2020–2021 гг.).

Аннотация: Предметом исследования статьи является анализ оценок социальной безопасности населением приграничного региона России на основе данных социологического исследования, а также официальной статистики. Приграничное положение региона имеет как свои плюсы, так и минусы. Представлены результаты исследования, проведенного научным коллективом Алтайского государственного университета в 2019–2020 гг. ($n = 400$ в возрасте от 15 до 75 лет). Для более полного понимания исследуемой проблемы был проведен анализ социально-экономического положения Псковской области. Полученные данные свидетельствуют о неблагоприятной и нестабильной экономической ситуации в регионе (как по данным из официальных источников, так и по оценкам жителей области), увеличению числа внешних угроз перед нашей страной. Однако такая ситуация не оказывает негативного влияния на миграционные настроения населения региона, так как большинство респондентов не собираются уезжать из Псковской области.

Ключевые слова: приграничный регион, население, социальная безопасность, социально-экономическое положение региона, внешние угрозы

ON THE ISSUE OF SOCIAL SECURITY OF THE BORDER REGION (THE EXAMPLE OF THE PSKOV REGION)

Borisova O. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: The subject of the article is the analysis of assessments of social security by the population of the border region of Russia based on sociological research data and official statistics. The border position of the region has both pluses and minuses. The results of the study conducted by the research team of Altai State University in 2019–2020 are presented ($n = 400$ aged from 15 to 75 years old). For a more complete understanding of the problem under study, an analysis of the socio-economic situation of the Pskov region was carried out. The data obtained indicate an unfavorable and unstable economic situation in the region (both according to the data from official sources and according to the estimates of the residents of the region), an increase in the number of external threats to our country. However, this

situation does not have a negative impact on the migration sentiments of the region's population, as most respondents do not intend to leave the Pskov Oblast.

Keywords: *border region, population, social security, socio-economic situation in the region, external threats*

Безопасность является базовой потребностью каждого человека. Наличие безопасности позволяет оптимизировать расход ресурсов, направить их не на защиту от негативных воздействий, а на воспроизводство материальных и нематериальных благ. Однако такое состояние скорее цель, нежели реально существующий факт. Социальная безопасность представляет собой разноплановое явление, комплексную характеристику состояния государственных, экономических и общественных институтов и социальных общностей [1, с. 36]. Также социальная безопасность, помимо реальных общественных угроз, определяется ощущением безопасности самим человеком [3, с. 154].

Рассмотрим некоторые особенности социально-экономического положения Псковской области по данным Росстата и других источников статистической информации.

Псковская область – это приграничный регион, соседствует с Ленинградской, Новгородской, Смоленской и Тверской областями. Имеет государственную границу с Белоруссией, Латвией и Эстонией, входит в Северо-Западный федеральный округ. Согласно рейтингу социально-экономического положения субъектов Российской Федерации по итогам 2020 года, Псковская область занимает 75-е место [4]. По численности населения регион небольшой. В области проживает 626,1 тыс. человек, в т. ч. городское – 443,8 тыс. человек (70,9 %), сельское население – 182,4 тыс. человек (29,1 %). Большинство городского населения сосредоточено в двух городах – Псков (210,3 тыс. чел.) и Великие Луки (90,9 тыс. чел.) [5].

Псковская область относится к самым демографически неблагополучным регионам. С социально-экономической точки зрения область не привлекательна для мигрантов. В регионе ежегодно наблюдается естественная убыль населения. В 2019 году этот показатель значительно превысил среднероссийский (-2,2) и составил -8,4. В регионе на протяжении многих лет сохраняются низкие показатели рождаемости и высокие показатели смертности населения. В 2019 году рождаемость в области составила 8,5 промилле (среднероссийский показатель – 10,1 промилле), а смертность – 17 промилле, (среднероссийский показатель – 12,3 промилле). Этнический

состав населения области достаточно разнообразен. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года в Псковской области подавляющее большинство составляют русские (95 %), украинцы – 1,33 %, белорусы – 1,04, цыгане – 0,5 %, армяне – 0,37 %, азербайджанцы – 0,2 %, татары – 0,2 %, другие национальности – 1,36 % [5].

Географическое положение Псковской области, граничащей с Эстонией, Латвией и Белоруссией, во многом определяет особенности ее социально-экономического развития и инвестиционной привлекательности. По данным рейтинга инвестиционной привлекательности, Псковская область занимает 64 место и включена в группу регионов со средней инвестиционной привлекательностью [2]. В экономике региона преобладают отрасли обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и торговли. Также в регионе активно развивается туризм. В 2019 г. 18 псковских памятников истории и архитектуры были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Ежегодно Псковскую область посещает порядка 400 тыс. туристов.

Уровень занятости населения региона составляет 59 %, что на уровне общероссийского показателя (59,7 %). Уровень безработицы в 5,2 % зафиксирован в 2019 году (среднероссийский показатель – 4,6 %). При этом ситуация с безработицей в регионе одна из самых благоприятных в Северо-Западном федеральном округе. В регионе отмечается самый низкий уровень заработной платы по Северо-Западному федеральному округу и высокая доля людей с уровнем дохода ниже прожиточного минимума (16,2 %) [6].

В опросе населения, проведенного Алтайским государственным университетом, приняли участие респонденты в возрасте от 15 до 75 лет (n = 400), среди них 54 % женщин и 46 % мужчин, что отражает данные о составе населения региона в оценках Росстата. Что касается распределения по возрастным группам, то доля респондентов в возрасте от 15 до 29 лет составила 7,5 %, от 30 до 49 лет – 47,8 %, от 50 до 75 лет – 44,6 %.

Данные официальной статистики относительно социально-экономического положения Псковской области подтверждаются и оценками населения региона, среди которых преобладают негативные (47,1 % населения региона считают область бедным, депрессивным регионом, 41,1 % – слаборазвитым и неблагополучным). Согласно результатам опроса, большая часть населения Псковской области ощущают себя в безопасности (вариант ответа «скорее ощущаю себя в безопасности» выбрали 56,9 % респондентов, вариант ответа «полностью ощущаю себя в безопасности» – 21,1 % населения региона).

Почти поровну разделились ответы респондентов на вопрос относительно увеличения числа внешних угроз для нашей страны за последнее время. Так, 53,2 % населения области считают, что проблем и угроз, стоящих перед российским обществом, стало больше, а 45,3 % респондентов указали на то, что проблем столько же, сколько было и раньше. Приграничное положение Псковской области для многих жителей региона является фактором, усиливающим опасности, стоящие перед жителями приграничных территорий (вариант ответа «определенно да» выбрали 19,6 % респондентов, «скорее да» – 40,2 % респондентов). Однако, несмотря на неблагоприятную экономическую ситуацию в регионе, более 70 % респондентов не планируют никуда переезжать (76,2 %). Каждый десятый респондент решил переехать из Псковской области, но еще не выбрал, куда именно уедет. Другой регион России для переезда выбрали 9,8 % жителей области. И только 1,6 % населения планируют уехать в другую страну.

Можно сделать выводы о том, что Псковская область является экономически неблагоприятным регионом как по разного рода социально-экономическим показателям, так и по личным оценкам жителей региона. Несмотря на это, большинство жителей ощущают себя в безопасности и не хотят менять место жительства.

Литература

1. Горбунова А. А., Борисова О. В., Максимова С. Г. Социальная безопасность приграничных регионов России // Политика и Общество. 2019. № 1. С. 36–45.
2. Национальное рейтинговое агентство. URL: <http://www.ranational.ru> (дата обращения 21.06.2021).
3. Никулина М. А., Колодиев М. Ю. Социальная безопасность в Российской Федерации: критерии, угрозы, направления обеспечения // Манускрипт. 2017. URL: <http://cyberleninka.ru/artide/n/sotsialnaya-bezopasnost-v-rossiyskoy-federatsii-kriterii-ugrozy-napravleniya-obespecheniya> (дата обращения 16.06.2021).
4. Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». URL: <http://www.ria.ru/research/> (дата обращения: 07.06.2021).
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. URL: <https://pskovstat.gks.ru/> (дата обращения 21.06.2021).
6. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 05.06.2021).

ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОСТИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В
МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Боровинская Ю. К., Данилова М. В., Недосекова Е. С.

(Барнаул, Россия)

***Аннотация:** Авторы статьи рассматривают вопросы доступности дошкольного образования в межкультурном пространстве Российской Федерации в социально-правовом контексте. В работе отмечается, что на сегодняшний момент растет популярность этого уровня образования, а также потребность в нем, но из-за наличия ряда проблем (дефицит мест в детских садах и др.) эта сфера дисфункциональна. Кроме того, рассматриваются особенности получения дошкольного образования детьми мигрантов, приводятся различные взгляды об образовании для мигрантов.*

***Ключевые слова:** социология образования, межкультурное пространство, дошкольное образование, общественное мнение, дети мигрантов*

PROBLEMS OF ACCESS TO PRE-SCHOOL EDUCATION IN THE
INTERCULTURAL SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION (SOCIAL AND
LEGAL ASPECTS)

Borovinskaya Y. K., Danilova M. V., Nedosekova E. S.

(Barnaul, Russia)

***Abstract:** Authors address accessibility issues to pre-school education in the intercultural space of the Russian Federation in the social and legal context. The paper notes that today the popularity of this level of education is increasing and the need for it, but this field is dysfunctional, because of a number of problems (shortage of places in kindergartens, etc.). In addition, the place of migrant children in pre-school education is highlighted, there are different views on whether Russia should educate them or not.*

***Keywords:** sociology of education, intercultural space, pre-school education, public opinion, children of migrants*

Успешная социализация и освоение навыков и умений XXI века, характеризующегося значительными переменами в жизни человечества под воздействием научно-технического, социального и информационного факторов, а также развитие творческого и физического потенциала ребенка – вот с чем ассоциируется дошкольное образование и воспитание детей в современном мире по данным исследования «Социальный барометр» 2014 года (объем

выборки 2640 семей). Стоит упомянуть и частую отсылку на возможность родителям вернуться к активной трудовой деятельности без «существенных потерь в квалификации» и тревог за жизнь и здоровье своего ребенка [3, с. 5]. Практика дошкольного образования сегодня показывает, что посещение коллективных занятий в группах раннего развития является уже не просто модой, а некоторой социальной нормой для успешного старта подрастающего поколения.

В целом, сектор дошкольного образования на сегодняшний день активно развивается для удовлетворения социальных запросов населения. Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации говорится о том, что право на получение образования гарантируется независимо от «пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» [1]. Кроме того, на федеральном уровне провозглашается общедоступность и бесплатность дошкольного образования, что зачастую нарушается в реалиях российского общества.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» общим положениям о системе дошкольного образования посвящена статья 64, где говорится о том, что данная ступень образования направлена на общекультурное развитие детей, на развитие физических, интеллектуальных и других качеств у детей дошкольного возраста. Ключевой задачей дошкольного образования является разностороннее развитие с учетом всех особенностей каждого ребенка.

Таким образом, на законодательном уровне зафиксирована особая важность дошкольного образования, которое является первоначальной ступенью развития и социализации полноценного гражданина Российской Федерации.

В настоящее время дошкольное образование находится в фокусе внимания не только властных структур, но и исследователей общественного мнения, что объясняется его противоречивыми тенденциями: с одной стороны, растет доверие родителей к дошкольным организациям, с другой стороны – дефицит мест в государственных дошкольных учреждениях, несмотря на все усилия властей по решению этой проблемы, провоцирует негативные настроения.

В письме Минобрнауки России от 5 августа 2013 г. № 08-1049 «Об организации различных форм присмотра и ухода за детьми с целью реализации права на доступное дошкольное образование» отмечается,

что, несомненно, наиболее популярной и доступной формой остается присмотр и уход за детьми в группах полного дня, удлиненного дня, а также круглосуточного пребывания в государственных и муниципальных учреждениях.

Популярность данной формы дошкольных образовательных учреждений (далее ДОУ) подтверждается исследованиями общественного мнения. По данным инициативного всероссийского опроса, проведенного 5 октября 2020 года среди 1,6 тыс. россиян в возрасте от 18 лет методом телефонного интервью, семьи сегодня отдают предпочтение дошкольному образованию как первому уровню образования детей. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) указал, что две трети респондентов готовы разделить ответственность за воспитание и обучение детей с дошкольными образовательными организациями: даже при отсутствии материальных трудностей только 3% россиян готовы к найму профессиональной няни для ребенка, 27% доверяют воспитание своих детей бабушке и/или дедушке, а абсолютное большинство – 66% – считают лучшим вариантом детский сад [5].

Стоит обратить внимание и на особенности получения места ребенком в детских садах. В соответствии с законодательством Российской Федерации существуют льготные категории граждан, которые имеют право на внеочередной (дети судей, дети прокуроров и др.) и первоочередной (дети военнослужащих, дети из многодетных семей и др.) прием в дошкольные учреждения. Официально формируется три группы родителей: «первая получает место в ДОУ вне очереди, вторая имеет первоочередное право на путевку в ДОУ, третья ожидает своей очереди в общем порядке» [6, с. 243]. Так, мы видим, что, несмотря на социальную поддержку отдельных групп населения, возникает противоречие, которое заключается в затруднительном получении мест в ДОУ семьями, стоящими в общей очереди, чьи шансы на бесплатное место для ребенка в детском саду существенно снижаются.

Кроме того, лица, которые не входят в категорию льготников, но материально низко обеспечены, а также родители, чьи дети с ограниченными возможностями здоровья нуждаются в особых условиях ухода, сталкиваются с барьером доступности дошкольного образования. Нельзя оставить без внимания и язык, на котором ведется обучение и воспитание в дошкольных учреждениях, что осложняет положение иноязычных детей.

Что касается альтернативных форм организации дошкольного образования (коммерческие и семейные детские сады, гувернерство,

детские центры и др.), по результатам мониторинга Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) [3, с. 5], они не пользуются популярностью у большинства родителей вследствие их дороговизны.

В рамках представленной работы хотелось бы отдельно остановиться ещё на одной не менее важной проблеме на сегодняшний день в России – образовании (дошкольном, в частности) детей мигрантов. Ученые-исследователи, во избежание терминологической путаницы, отмечают, что на данный момент различные страны (даже в рамках Европейского союза) не договорились, как более правильно называть эти категории детей: дети-мигранты, дети мигрантов и др. Но суть у них общая – это дети, «живущие не в той стране, в которой они родились». Не всегда дети мигрантов – это дети, не имеющие гражданства. Например, «в Великобритании дети британских граждан автоматически получают британское гражданство, даже если их родители родились за границей». Что касается Российской Федерации, то некоторые исследователи предпочитают термин «дети из семей мигрантов», так как «мигрант» – пока единственный термин, используемый российским законодательством, отмечает Е. А. Омельченко [7, с. 307].

Стоит сказать, что в российском законодательстве нет пунктов, которые наделяли бы мигрантов особыми правами в сфере дошкольного образования. Нельзя, на наш взгляд, вести речь и о том, что мигранты испытывают серьезную дискриминацию, так как в Приказе Минобрнауки № 293 говорится о том, что «в приеме в государственную или муниципальную образовательную организацию может быть отказано только по причине отсутствия в ней свободных мест», то есть теоретически доступ к дошкольному образованию есть и у мигрантов. Специалисты все же отмечают, что доступ к дошкольному образованию у детей мигрантов все же ограничен. В качестве аргумента исследователи проблемы приводят положения того же приказа Минобрнауки № 293 [4].

В самом приказе говорится о том, что прием иностранных граждан и лиц без гражданства в образовательные организации за счет федерального и регионального бюджетов в Российской Федерации осуществляется в соответствии с международными договорами. Кроме того, в Приказе отмечено, что родители или законные представители детей, не проживающих на закрепленной территории, предъявляют дополнительно свидетельство о рождении ребенка. Иностранцам гражданам необходимо все документы представить на русском языке в установленном законодательством порядке [2]. Также исследователи

отмечают, что доступ к дошкольному образованию для детей из семей мигрантов осложняется переходом регионов Российской Федерации на электронную систему записи в образовательные организации, так как для реализации этого права нужно наличие регистрации в системе пенсионного обеспечения – номера СНИЛС [7, с. 307].

Кроме того, поскольку существует острая проблема нехватки мест в дошкольных учреждениях, то в пункте 3 статьи № 64 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» говорится о том, что родители, чьи дети получают семейное образование, имеют право на «получение методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи без взимания платы, в том числе в дошкольных образовательных организациях и общеобразовательных организациях, если в них созданы соответствующие консультационные центры» [1].

Как уже отмечалось выше, дети из семей мигрантов имеют право посещать в России детские сады и проходить обучение в школе, тем не менее, эта животрепещущая тема занимает умы россиян и периодически освещается средствами массовой информации с различных ракурсов. Поэтому в данной статье, нами был проведен анализ не только правовой области закрепления доступности дошкольного образования для детей мигрантов, но и сфера реальных проблем, которые интересуют непосредственно российскую общественность.

В апреле 2011 года в рамках авторской программы «Азбука перемен» журналистка Ирина Ясина провела беседу с генеральным директором Центра этнополитических и региональных исследований Эмилем Паином и учителем-логопедом московской общеобразовательной школы № 1987 (где обучается значительная доля мигрантов) Аллой Ивановной Коваленко. Вниманию участников были предложены следующие вопросы: «Зачем нам учить детей мигрантов?» и «Как уменьшить уровень конфликтности между приезжими и местным населением?».

Ирина Ясина отмечает, что идея обучения детей мигрантов в российских образовательных организациях имеет как сторонников, так и противников. Первые говорят, что «мигранты, а главное их дети...» посредством воспитания и обучения должны становиться «...людьми нашей российской культуры», вторые делают отсылку на низкое «качество человеческого материала» [8]. А. И. Коваленко подтверждает, что «где бы ребенок ни жил, ему надо учиться», поэтому в их школе организованы дополнительные языковые занятия, результаты которых видны по срезам знаний. Таким образом, дети приобщаются к

языку и культуре приютившей их страны, интегрируются в ее общество. Э. Паин указывает, что именно обучение детей мигрантов сглаживает «конфликтность между пришлым и местным населением», а вот отказ от него повышает социальную напряженность.

Дискуссия сосредоточена на школьниках младшего возраста, тем не менее, все сказанное можно с легкостью применить и к детсадовцам старших групп – чем раньше ребенок будет знакомиться с нашей страной, тем легче он ее примет и станет ее частью.

В октябре 2013 года РИА Новости сообщили о внесении на рассмотрение в Госдуму законопроекта, который разрешает принимать в детские сады и школы детей только тех иностранных граждан, которые подтвердили статус налогового резидента в Российской Федерации в течение всего срока своего пребывания в стране. Его авторы – Алексей Журавлев («Единой Россия») и Сергей Жигарев (ЛДПР) – предполагают остановить бесконтрольное увеличение числа детей мигрантов в образовательных учреждениях. Отмечено, что «по законам РФ многодетные семьи имеют преимущественное право на получение места в дошкольном учреждении», а семьи мигрантов в основном многодетные, следовательно, приезжая в Россию, они получают преимущество на устройство в детсады.

В пояснительной записке к законопроекту предоставлены данные Федеральной службы госстатистики, согласно которым «лишь 58 % российских детей имеют возможность посещать детские сады», так как «за последнее время в детсадах и школах резко увеличилось число детей мигрантов из стран СНГ и Средней Азии, что в условиях ограниченности социнфраструктуры привело к тому, что нехватка мест стала ощущаться остро» [8]. Конечно, по словам авторов, такими поправками основная проблема не решится, но ситуация будет улучшена.

В марте 2021 года глава комитета Совета Федерации по образованию и науке Лилия Гумерова предложила создать в России единую систему учета детей мигрантов, так как данные, получаемые от разных ведомств, часто расходятся. Такая база данных должна помочь отслеживать текущую ситуацию по стране и своевременно применять необходимые меры социальной заботы со стороны государства [8].

Кроме того, президент России Владимир Путин заявил, что «доля детей мигрантов в российских школах должна быть такова, чтобы можно было адаптировать их к языковой и культурной среде, а также не допустить ситуации, как в Европе и США, где формируются целые школы, укомплектованные только такими детьми» [8]. Владимир Владимирович отметил, что в России этот вопрос еще не приобрел

такой остроты в связи с неконтролируемым наплывом мигрантов, тем не менее, он указал на необходимость внимательно следить за развитием ситуации, особенно в городах-миллионниках и отдельных национальных республиках.

Постепенное увеличение категории мигрантов среди жителей Российской Федерации вынуждает обращать внимание на место их детей в системе дошкольного образования, которое, несомненно, волнует не только властные структуры, но и население, потому что сегодня существуют барьеры, ограничивающие его доступность для всех категорий граждан.

Нынешняя система уже выявила свои слабые стороны, которые требуют определенной модификации со стороны государства. Из анализа правовых и социальных особенностей получения дошкольного образования (в том числе, детьми мигрантов), можно сделать вывод, что этому вопросу уделяется достаточно широкое внимание. Российская Федерация, провозглашенная многонациональной страной, должна учитывать различные культурные особенности всех уже проживающих и только поступающих на территорию страны граждан.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс:
URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 04.05.2021).
2. Приказ Минобрнауки России от 08.04.2014 № 293 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам дошкольного образования»// Законы, кодексы, нормативные и судебные акты. URL: [https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-08042014-n-293/#:~:text=\(дата обращения: 08.05.2021\).](https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-08042014-n-293/#:~:text=(дата%20обращения%3A%2008.05.2021).)
3. *Абанкина И. В., Филатова Л. М.* Дошкольное образование: взгляд родителей и педагогов. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 28 с.
4. *Бабушкин А. В.* Права детей Мигрантов: как их защитить? // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/4080/> (дата обращения: 08.05.2021).
5. База результатов опросов россиян «Спутник» // ВЦИОМ. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=294&q_id=28437&date=11.10.2020 (дата обращения: 06.05.2021).

6. *Матвеева Н. В.* Барьеры доступа к дошкольному образованию. Анализ ситуации. Пути решения // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2012. № 5. С. 238–245.
7. *Омельченко Е. А.* Образование детей международных мигрантов как вклад в устойчивое развитие? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Том 19. № 2. С. 306–316.
8. РИА Новости // МИА «Россия сегодня». URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 11.05.2021).

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ БЕДНОСТИ

Голотвин Р. Л. (Барнаул, Россия)

Аннотация: в данной статье рассматривается несколько моделей реализации социальной политики по преодолению проблемы бедности. Необходимость такой работы обуславливается наличием многих факторов, которые не позволяют слепо скопировать какой-либо успешный опыт решения проблемы бедности. Выбор модели реализации социальной политики станет основой пути преодоления бедности, определит задачи и расставит приоритетность их решения.

Ключевые слова: бедность, социальная эксклюзия, социальная политика, социальная помощь

FOREIGN EXPERIENCE IN SOLVING THE PROBLEM OF POVERTY

Golotvin R. L. (Barnaul, Russia)

Abstract: this article examines several models of social policy implementation, which is used as a tool for solving the problem of poverty. Such work is necessary because there are many specific factors that do not allow to simply copy any successful experience of solving the problem of poverty. The choice of a model for implementing social policy should be the basis for overcoming poverty, it will determine the tasks and prioritize their solution.

Keywords: poverty, social exclusion, social policy, public assistance

Бедность как проблема является глобальной социальной опасностью. Сегодня нет государства не знакомого с проблемой бедности, существуют лишь различия в ее проявлении и масштабах. Способ решения данной проблемы зависит от многих факторов, поэтому разработка такого способа обладает в каждом отдельном случае собственной спецификой. Одним из инструментов борьбы с бедностью является социальная политика, реализуемая государством. Уполномоченные государственные органы той или иной страны, учитывая особенности региона своего местонахождения, пытаются разработать как можно более эффективные меры по преодолению проблемы бедности. Подобные программы снижения уровня бедности применялись внутри государства, но позже они получили развитие и возможность применения на международном уровне.

Примером программы снижения уровня бедности на международном уровне может служить Парижский саммит 1972 года, в ходе которого была утверждена Европейская программа действий в

сфере социальной политики на 1975–1980 гг. [1]. Реализация данной программы позволила привлечь внимание к так называемой «новой» бедности, которая характеризовалась слабыми возможностями интеграции человека в общество. Таким образом, обозначилась новая проблема (социальная эксклюзия), решение которой так же способно снизить уровень бедности.

Социальная политика, ориентированная на повышение уровня жизни граждан, должна быть продуманной и взвешенной. Ошибки и недочеты при разработке программы, направленной против бедности, могут привести к регрессу и ухудшению положения в ходе ее реализации. Так, например, ряд программ в США подвергались серьезной критике как тормозящие экономическое развитие и способствующие росту социально-экономической зависимости среди населения [2]. Социальная сфера стала нуждаться в проведении реформ, во-первых, направленных на снижение негативных последствий бедности, а, во-вторых, изменяющих идеологическую основу общности. Таким образом, принцип самодостаточности перевел вектор борьбы с бедностью в направление войны с зависимостью. Появился закон о персональной ответственности и возможности трудоустройства, ограничивающий срок предоставления пособий по безработице пятью годами и требующий от реципиентов обязательного участия в общественных работах. В свою очередь, закон стимулировал разработку и принятие новой социальной программы, известной как «Временная помощь нуждающимся семьям», которая требовала от получателей пособий проявления активности в поиске работы на рынке труда. Результатом реформ и реализации новых программ стало заметное снижение уровня безработицы, люди получили обеспечение работой, а значит и заработной платой, уровень которой повлиял на сокращение бедности.

Борьба с бедностью в той или иной стране, имея собственную специфику, охватывает все аспекты социальной политики государства и включает в себя системы социальной защиты, социального обеспечения и социального страхования. Исследователями было замечено, что реализацию социальной политики в области преодоления бедности можно разделить на четыре вида: континентальную, англосаксонскую (либеральную), скандинавскую и южноевропейскую [6].

Континентальная (бисмарковская) модель реализации социальной политики (Германия, Нидерланды, Австралия, Швейцария, Франция) предусматривает взаимозависимость между уровнем социальной защиты и продолжительностью трудовой деятельности. В

ее основе лежит обязательное социальное страхование (медицинское, пенсионное и страхование по безработице).

Государство принимает меры против засилья дешевой рабочей силы на рынке труда. В Нидерландах, Дании, Германии, Бельгии, Франции в основе системы профилактики бедности лежит установление обязательной для всех работодателей минимальной ставки заработной платы, достаточной для удовлетворения основных потребностей работающего. Так, например, во Франции минимальная заработная плата составляет почти 60 % от среднего уровня заработной платы по стране. Так же можно отметить успехи Чехии, где самые низкие показатели нищеты и разницы в доходах между богатыми и бедными среди Европейских стран [4].

Другая модель – либеральная (Великобритания, Ирландия, США, Япония) представляет систему социальной защиты, основанную на принципах всеобщности и единообразия социальных услуг, то есть, охвате всех нуждающихся в материальной поддержке и равный размер такой поддержки. К примеру, в Великобритании еще в 1999 году была поставлена цель прекращения детской бедности с последующим принятием ряда инициатив способных благоприятно повлиять на возможности детей из бедных семей. Так же были выделены средства для борьбы с бедностью пенсионеров. В итоге, налоговый кредит на пенсии оказался эффективным и помог более чем 2 млн пенсионеров преодолеть состояние нищеты.

В рамках данной модели можно выделить некоторые особенности, например, США и Японии, где программы социальной помощи разрознены и имеют адресную направленность на отдельные категории неимущих. Пособия устанавливаются на таком уровне, чтобы сдерживать процесс обеднения, но не устранять его. Подобная политика исходит из логики, что состояние бедности является результатом личного выбора индивида.

Южноевропейская (рудиментарная) модель социальной защиты (Италия, Испания, Греция, Португалия) характеризуется относительно низким уровнем социального обеспечения, а социальная защита считается прерогативой семьи и родственников. Особенностью такой модели является и асимметричная структура социальных расходов. Так, в Италии это проявляется в том, что наиболее крупную часть социальных расходов составляет пенсионное обеспечение, тогда как на поддержку семьи, образования и политику занятости затрачиваются незначительные средства.

Социал-демократическая (скандинавская) модель (Дания, Швеция, Финляндия, Норвегия) имеет широкий охват разных социальных

рисков и жизненных ситуаций, требующих поддержки общества. Социальные услуги гарантируются всем жителям страны и не обусловливаются занятостью и уплатой страховых взносов. Уровень социальной защиты высокий, что сводит бедность в этих странах к самым низким в мире показателям. Социальная политика основана на том, что бедность является болезнью общества, а бедными становятся в ходе рыночного процесса, не успевая приспособиться к условиям изменяющегося рынка труда. Наиболее ярко данная модель представлена в Швеции, где наблюдается один из самых низких уровней бедности в странах Западной Европы.

Наличие разнообразия моделей реализации социальной политики свидетельствует об отсутствии простого единого для применения в любой точке мира плана регулирования уровня бедности. Особенности и индивидуальная специфика каждого отдельно взятого государства не позволяет слепо копировать успешный опыт борьбы с бедностью какой-либо развитой страны. Разрабатывая концепцию отечественной социальной политики, необходимо учитывать, что исторически задача преодоления депривации и относительной бедности в странах Евросоюза была поставлена после того, как бедность абсолютная была, в основном, преодолена. Ряд экспертов высказывают мнение о том, что Россия, как и США в свое время, должна ориентироваться на преодоление социально-экономической зависимости, иждивенческих настроений у населения, а для этого необходимо построение либеральной модели социальной политики [3]. Так же, часть исследователей считает, что российскому обществу необходима модель, которая находилась бы между либеральной и патерналистской. «В ее основе должен лежать механизм дифференцирующего воздействия средствами либеральной идеологии на социально активных, адаптированных к рынку людей и патерналистской – в отношении социально уязвимых групп населения. Система социальной защиты должна включать элементы государственных гарантий, социальной поддержки и либерализма» [5].

Литература

1. *Bauer M. W.* Limitations to Agency Control in European Union Policy-Making. The Commission and the Poverty Programmes // JCMS. 2002. V. 40. № 3. P. 381–400.
2. *Midgley J.* The United States: welfare, work and development // International Journal of Social Welfare. 2002. V. 10. № 4. P. 284–293.

3. *Балабанова Е. С.* Социально-экономическая зависимость: теория, история и современность. Н. Новгород: изд-во Нижегородского государственного университета, 2009. С. 269.
4. *Воронкова О. В.* Государственная политика регулирования уровня бедности населения в России и других странах // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). 2009. Том 7. № 2.
5. *Кулешова Г. П.* Региональная система социальной защиты населения в современном российском обществе // Саранск. 2005. С. 365.
6. Страны ЕС: проблемы социальной защиты // Экономика и управление в зарубежных странах (по материалам иностранной печати). Ежемесячный информационный бюллетень. 2006. № 4.

АССИМИЛЯЦИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУР

Дорожинская А. Р., Молодцова Д. Д. (Барнаул, Россия)

Аннотация: Целью статьи является изучение ассимиляции как неотделимой части развития этноса и мультикультурной отрасли в американском и советском обществах. Дается определение понятия «ассимиляция». Рассматриваются работы американских социологов и культурологов, таких как Р.Парк, М. Гордон и Л. Уорнер. Также детально изучены выявленные данными учёными виды ассимиляции. Отдельно выделена насильственная ассимиляция, которая рассмотрена на примере сложившейся в СССР в 1940–1950е гг. ситуации, а также заимствование иностранных слов на примере английского и русского языков. Научная новизна заключается в изучении влияния ассимиляции на малые группы и этносы, а также в междисциплинарном рассмотрении вопроса с привлечением трудов современных американских учёных и изучении статей наших соотечественников.

Ключевые слова: ассимиляция, аккультурация, виды ассимиляции, спецрасселение, наказанные народы, правильное население

ASSIMILATION AS A FACTOR OF ETHNOCULTURAL INTEGRATION

Dorozhinskaya A. R., Molodtsova D. D. (Barnaul, Russia)

Abstract: The purpose of the article is to study assimilation as an inseparable part of the development of an ethnic group on the example of American and Russian society. The definition of the concept of assimilation is given. The work of American sociologists and cultural scientists, such as Robert Park, Milton Gordon and Lloyd Warner, is considered. The types of assimilation are specified. Forced assimilation is considered on the example of the USSR in the 1940–1950. The article also provides borrowing of foreign words on the example of English and Russian languages. The scientific novelty lies in the study of the impact of assimilation on small groups and ethnic groups, as well as in the interdisciplinary consideration of the issue with the involvement of the works of modern American scientists and the study of articles by our compatriots.

Keywords: assimilation, acculturation, types of assimilation, special settlement, punished peoples, correct population

В настоящее время термин культурной ассимиляции является неотделимым от этноса и мультикультурной отрасли. Изучая историю этнических меньшинств, то и дело можно столкнуться с их культурной ассимиляцией с более крупным, тесно проживающим этносом.

Считается, что лидеры государств должны руководствоваться простым правилом: одна нация, одно государство, одна культура. Но

если мы имеем дело с населением, которое говорит на разных языках, отмечает разные праздники, молится разным богам, то это требование очень трудно реализовать.

Ассимиляция – это процесс очень неоднозначный и непростой, где существуют разные ее типы, по разным параметрам она происходит в разном скоростном режиме и может быть даже разнонаправленной. Под ассимиляцией мы еще понимаем слияние одного народа с другим, с утратой одного из них своего языка, культуры, национального самосознания [4, с. 141–158].

Исследования миграции в Америке зародились еще в начале двадцатых годов. Одним из наиболее значимых ученых в этой области стал представитель Чикагской школы Роберт Парк. Он вместе с коллегами стал публиковать в «Американском социологическом журнале» статьи, которые были посвящены отдельным группировкам американских мигрантов, а также положению афроамериканцев в обществе, их дискриминации, межнациональным бракам.

Роберт Парк разработал концепцию ассимиляции мигрантов, которая значительно повлияла на дальнейшие исследования в этой научной области. Согласно его теории расовых отношений существуют четыре типа ассимиляции человека в обществе: 1) *контакт (знакомство)*; 2) *конфликт (соперничество)*; 3) *попытка аккомодации*; 4) *безвыходная ассимиляция* [2, с. 5].

Одной из основных работ по ассимиляции стала книга Ллойда Уорнера под названием «Социальные системы американских этнических групп», написанная им в середине 1940-х гг. В ней говорится о том, что меньшинства в Америке – это временное явление, и они неизбежно ассимилируются естественно или насильственно с американцами благодаря равным для всех законам, социальной системе [1, с. 34].

Современные исследователи между тем полагают, что мигранты должны «отбросить свои ценности и представления, воспринимаясь новым обществом как второсортные, чтобы в полной мере усвоить новую культуру» – это уже относится к насильственной ассимиляции [3, с. 62–75].

В настоящее время существуют различные формы культурной ассимиляции. Некоторые из них схожи с аккультурацией, где группа или культурное меньшинство полностью ассимилируются с доминирующей культурой, в которой определяющие характеристики культуры меньшинства менее выражены или полностью исчезают. Ассимиляция также включает так называемую аддитивную

аккультурацию, когда вместо замены культуры предков индивид расширяет свой существующий культурный объем.

Важно отметить, что концепция Парка легла в основу книги Милтона Гордона «Ассимиляция в американской жизни», выпущенной им в начале 1960-х гг. В данной работе Милтон Гордон выделяет семь типов ассимиляции: *аккультурация* (принятие норм, ценностей и образа жизни нового общества), *структурная ассимиляция* (включение в институты общества), *брачная ассимиляция* (когда возникает чувство единения скорее с принимающим обществом, чем со своей родной страной) [2, с. 4]. Также он выделяет *поведенческую, ценностную и гражданскую* ассимиляции, когда человек больше не испытывает конфликта внутренних представлений и ценностей принимающей культуры. Стоит помнить, что в годы опубликования книги ассимиляция представлялась как единственный, естественный и неизбежный способ включения представителей иных культур в общество, и она проходила больше не естественным, а насильственным путем [1, с. 33–37].

Ассимиляция *этническая насильственная* имеет место в государствах, где существует дискриминация, и она обязательно будет сопровождаться открытым или скрытым принуждением по отношению к ассимилируемому этносу, что приводит к утрате своего национального языка, национальной культуры, традиций.

Обычно насильственная ассимиляция представляет собой определенные действия от государства или местных в области образования или в других социальных аспектах, направленных на искусственное ускорение процесса ассимиляции путем подавления или стеснения языка и культуры национальных меньшинств, давления на их самосознание и т. д.

Кроме миграционных процессов в Америке, примером насильственной ассимиляции служит ситуация в СССР в 1940–1950е гг., где ряд действий органов государственной власти и администрации свидетельствовали об этом. Так, С. В. Лурье в своей научной статье «От советского народа к российскому: проблема ассимиляции в СССР и Российской Федерации через призму межэтнической брачности» пишет о том, что депортации и ссылки в момент сталинских репрессий были сделаны не для осуществления порядка в обществе, а являлись своего рода «чисткой» среди структуры общества для создания «правильного населения» [4].

В данной статье также говорится о том, что государство добивалось не полного уничтожения отличительных черт меньшинств, а переубеждения и реформирования из депортантов населения в

нужный состав, который гарантировал бы его лояльность режиму. Для выстраивания «правильной» структуры населения государство решило даже воссоединить малые семьи, являвшиеся нормой для социалистического общества.

Следует полагать, что основной целью была «лепка правильного населения» посредством переформирования социально-классовой структуры того времени. Главной и основной движущей силой на пути общества к коммунизму считался рабочий или средний класс, который и должен был быть той основой для будущего бесклассового общества, к которому в СССР так стремились. Как следствие, доля народных меньшинств в составе населения среднего класса уменьшилось в 2,5 раза. Данные факты свидетельствуют об основной цели государственной политики спецпереселения. Принудительное переселение «наказанных народов» было единым комплексом мер, обеспечивавшим формирование необходимого государству состава населения [2, с. 3–8].

Ещё одним примером ассимиляции служит заимствование этносом слов у других народов. Рассмотрим данный вид ассимиляции на примере русского и английского языков.

Еще в шестнадцатом веке произошли первые заимствования русских слов из английской речи, когда англичане и американцы познакомились с русским культурным бытом.

Наглядным примером проявления английского языка в русском служит межъязыковое взаимодействие и обмен. В России английский язык все больше ассимилируется и интегрируется, начиная функционировать как средство выражения не только иностранной, но и русской культуры. Иными словами, ассимилированные в России английские фразы начинают включать в себя приобретаемые русские значения или оттенки смысла. Например, английское слово shoes (туфли, ботинки, обувь) ассимилировалось в русском языке, как «шузы», выражая не только исходное значение, но и отношение к вещам. Современный русский язык заимствует в английском языке не только слова, но и некоторые модели словообразования: мейкер, бейкер, мерчендайзер, киллер, фрилансер и т.д. [5, с. 7–11].

То же самое происходит и с другими языками, которые перенимают слова, смысл, выражения из других языков. Так происходит процесс межкультурной интеграции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ассимиляция является основным путем адаптации и аккультурации этнокультур в прошлом и настоящем. Ассимиляция как феномен была изучена Робертом Парком в работах по исследованию американской миграции,

далее продолжилась в работах и Уорнера и других представителей Чикагской школы. Основными вариациями интеграции этнокультур является естественная и насильственная ассимиляция, которая чаще всего выступает в «слиянии» народов.

Литература

1. *Вакула А. В.* Культурная ассимиляция и диаспоризация общества в современных условиях // *Философия права.* 2016. № 2 (75). С. 33–37.
2. *Иванов А. С.* Сталинская политика в отношении «Наказанных народов» (1940–1950-е гг.): геноцид, ассимиляция, «Политика населения» // *Вестник НВГУ.* 2015. № 4. С. 3–8.
3. *Костенко В. В.* Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // *Журнал Социологии и Социальной Антропологии.* 2014. № 3. С. 62–75.
4. *Лурье С. В.* От советского народа к российскому: проблема ассимиляции в СССР и российской Федерации через призму межэтнической брачности // *Идеи и идеалы.* 2019. № 4–1. С. 141–158.
5. *Мильруд Р. П.* Межрегиональная ассимиляция языков: русский и английский // *Филологическая регионалистика.* 2012. № 1 (7). С. 7–11.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, КАК СРЕДСТВО
РЕАЛИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ В СФЕРЕ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Журба В. В. (Барнаул, Россия)

Аннотация: *Международный туристско-спортивный фестиваль «Большой Алтай» – это соревнования, в которых принимают участие представители четырех стран Большого Алтая. Более 10 видов спортивного туризма и национальные виды спорта в природной среде. Спортсмены России, Казахстана, Китая и Монголии раз в два года состязаются на территории одного из государств. Мы предлагаем, наряду со спортивными состязаниями, включить в программу фестиваля проведение научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и безопасности «Большого Алтая». В рамках конференции участникам предоставится уникальная возможность научного сотрудничества с целью обмена знаниями и передовым опытом в продвижении научных разработок в области физической культуры, спорта и туризма «Большого Алтая».*

Ключевые слова: *сотрудничество, Большой Алтай, конференция, соревнования, фестиваль, физическая культура, спорт*

SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE AS A MEANS OF
IMPLEMENTING COOPERATION OF THE COUNTRIES OF GREAT ALTAI IN
THE SPHERE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

Zhurba V. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: *The International Tourism and Sports Festival «Great Altai» is a competition in which representatives of four countries of the Great Altai take part. More than 10 types of sports tourism and national sports in the natural environment. Athletes from Russia, Kazakhstan, China and Mongolia compete once every two years on the territory of one of the states. We propose, along with sports competitions, to include into the festival program the holding of a scientific-practical conference «Actual problems of the theory and practice of physical culture, sports and safety of the Great Altai». Within the framework of the conference, the participants will have a unique opportunity for scientific cooperation in order to exchange knowledge and best practices in the promotion of scientific developments in the field of physical culture, sports and tourism of the «Great Altai».*

Keywords: *cooperation, the Great Altai, conference, competition, festival, physical culture, sport*

Раз в два года на территории одной из стран Большого Алтая проводится международный туристско-спортивный фестиваль «Great Altai». Большой Алтай представляет из себя союз, в который входят Алтайский край, Республика Алтай, Китай, Монголия и Казахстан. В данном фестивале представители четырех стран проводят спортивные состязания в различных видах спортивного туризма, национальных видах спорта, а также на протяжении всего времени находятся в условиях автономного существования. В процессе взаимодействия представителей стран образуется волна передачи практических навыков, обмен опытом, что подвигает к дальнейшему сотрудничеству.

Сотрудничество представляет собой обмен передовым опытом, знаниями, совместную работу и взаимопомощь с целью достижения единого результата. Как правило цель такого сотрудничества – усовершенствование уже имеющихся видов спортивной подготовки в направлении спортивного туризма. Помимо данного направления, это поиск альтернативных методик, разработка новейшего оснащения и возможность реализации дальнейшего сотрудничества за пределами фестиваля.

Исходя из программы фестиваля, он включает в себя только соревнования в различных видах спортивного туризма и национальных видах спорта. Но в таком формате члены команды упускают возможность более углубиться в обмен знаниями, опытом и пообщаться с друг с другом. Как правило, прежде чем приступить к какой-либо практической деятельности, изучаются её теоретические аспекты. С целью максимальной реализации такой возможности возникает вопрос реализации такой деятельности. Таким образом мы приходим к выводу о необходимости внедрения в программу фестиваля научно – практической конференции «Актуальные вопросы физической культуры и спорта Большого Алтая». Известно, что любая научно-практическая конференция проводится с целью обмена компетенциями между её участниками, поиском единомышленников, дальнейшего сотрудничества и работе в одном направлении. Это самый оптимальный вариант взаимодействия как для раскрытия теоретического потенциала представителей стран, так и для демонстрации новейших разработок. Для наибольшей эффективности формат конференции предлагается «круглый стол». Он подразумевает работу с докладом и его детальное обсуждение. Такой формат позволит лучше принять, обработать информацию и поделиться мнениями, опытом всем участникам мероприятия. Исходя из анализа методик обучения по данным 2019 года, метод беседы и обсуждения имеет огромную эффективность в обучении чему-либо.

Внедряя такой формат взаимодействия к уже имеющимся, мы решаем дополнительно ряд следующих задач: ознакомление с результатами новейших достижений в сфере интересов представителей стран согласно тематике фестиваля, развитие научных контактов, развитие междисциплинарного, межрегионального и международного сотрудничества, обмен знаниями, опытом, демонстрация новейших разработок.

Фестиваль «Great Altai» имеет большое значение в сплочении народов стран Большого Алтая. Благодаря этому событию представителям всех четырех стран выпадает уникальная возможность проявить себя на территории одного из государств, а также организовать сотрудничество, обмен компетенциями, найти общие интересы. Но более детально поделиться своими идеями, разработками, обсудить их в таком формате мало удастся. Исходя из данного вывода, возникла идея о внедрении научно-практической конференции, которая позволит в полной мере реализовать вышеизложенное.

Литература

1. Физическая культура и физическая подготовка: Учебник / Под ред. Кикотия В. Я., Барчукова И. С. М.: Юнити, 2017. 288 с.
2. *Пилькевич Е. В.* Роль международных спортивных соревнований в развитии межгосударственного сотрудничества. Магист. дисс-ция. Санкт-Петербург, 2016. 99 с.
3. *Шувалов В. Ю.* Сравнительная оценка эффективности методик обучения на основе анализа данных образовательной информационной системы Extanet. Екатеринбург, 2019. 119 с.
4. Фестиваль «Great Altai 2019». URL: <http://rus19.greataltai.com/Great Altai 2019> (дата обращения: 23.04.2020).

ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНА

Замятина О. Н., Кода Е. А. (Барнаул, Россия)

Аннотация: Современное общество относительно недавно встало на путь постмодерна, что повлекло за собой ряд изменений в общественном сознании. Одним из следствий изменений является объединение подавляющего большинства культур под эгидой развитых стран Запада. Постмодерн затронул и индивидуальность человека. Современное общество заинтересовано в одномеризации общекультурного пространства человека, начиная от ценностей и заканчивая мышлением. Таким образом, общество предстает перед нами в лице единой массы, не способной на принятие какого-либо самостоятельного решения. Под угрозой «порабощения» единым эталоном находится человек. С каждым днем ситуация усугубляется и необходимо применять меры принудительного характера. Только идеализация общества способна укрепить ценности и сохранить культурную самобытность.

Ключевые слова: постмодерн, этнокультурное взаимодействие, социокультурная интеграция, культура, этнос

THE PROBLEM OF SOCIO-CULTURAL INTEGRATION IN POSTMODERN CONDITIONS

Zamyatina O. N., Koda E. A. (Barnaul, Russia)

Abstract: Modern society has recently embarked on the path of postmodernism, which has led to a number of changes in the public consciousness. One of the consequences of the changes is the unification of the vast majority of cultures under the auspices of the developed countries of the West. Postmodernity has also affected the personality of a person. Modern society is interested in the one-dimensionalization of the general cultural space of a person, starting from values and ending with thinking. Thus, society appears to us in the face of a single mass, which is not capable of making any independent decision. Under the threat of «enslavement» to single standards is a person. Every day the situation is getting worse and it is necessary to apply coercive measures. Only the idealization of society can strengthen values and preserve cultural identity.

Keywords: postmodern, ethno-cultural interaction, socio-cultural integration, culture, ethnos

В настоящее время вопросы социального взаимодействия в постмодерне приобретают особую актуальность, поскольку крайний индивидуализм дает широкий простор для индивидуальных действий и смыслов этих самых действий. Отсюда социальные интеракции

становятся менее последовательными, менее постоянными, что приводит к определенным социальным деформациям, которые в свою очередь, изменяют всё общественное сознание. Отсюда возникает необходимость тщательного изучения вопросов социального взаимодействия, интеграции в условиях постмодерна для создания метапарадигмальной теории, которая позволит, так или иначе, трактовать социальные действия, происходящие в постмодерне.

Мир вступил в постмодерн сравнительно недавно, где-то 40 лет назад западное общество и западный мир, а около 15 лет назад – российское общество постепенно стали переходить в эпоху постмодерна [1]. Следует отметить, что скорость этого перехода была настолько высокой, что многие отрасли социальной жизни попросту не успевали адаптироваться к новым реалиям. Рациональность в исследовании мира была отменена, как и потенциальная возможность объективно познавать социальную реальность. Разум и рациональное не являются больше определяющим мирового общества. Радикальная гетерогенность, катастрофическая дифференциация мирового пространства продемонстрировали качественно новый мир осколков рационального, и такой мир постмодернисты объявили естественным положением вещей.

Следует отметить, что естественность такого рода событий едва ли возможна, поскольку мир так или иначе подчиняется законам формальной логики, и отрицание этих законов социальными взаимодействиями есть противоречие объективной природе мироздания. При этом физические законы нарушаться не будут, а вот законы здравого смысла полностью трансформируются, чтобы объяснять социальные действия постмодерна.

Идеи модерна, просвещения, гуманности ушли в прошлое после развития системы массовых коммуникаций. Благодаря им постмодерн вышел из рамок философских трактатов и полноценно стал руководить сначала только потребительским обществом в узком понимании этого термина, а после и практически всем миром. Современная массовая культура старается максимально деконсолидировать и разложить наше общество таким образом, чтобы количество рациональных социальных интеракций неуклонно снижалось, и росли контакты сиюминутного спроса для удовлетворения какой-либо сложившейся в данный момент потребности.

Постмодерн привел за собой глобализацию как общественное явление, поскольку огромное многообразие этнокультурного взаимодействия пришло в такой упадок, что эти культуры вынуждены бороться за собственное выживание и самоопределение в новом

глобальном мире, не говоря уже о полноценном развитии. Так, культурная унификация разными способами и методами от поглощения одной культуры другой, так называемая американизация образа жизни, до полного уничтожения носителя культуры – народа – ослабляет социокультурные взаимодействия, лишь обостряя отношения разных этносов.

Выходит новый тип межкультурного взаимодействия – интегративные процессы культур друг в друга, при этом каждая культура сохраняет свои определенные особенности и самобытность. Как удачный пример интеграции следует привести русскую культуру, где удачно сошлись элементы славянской культуры, немецкой культуры, национальных культур коренных народов и т.д. Но ведь эта интеграция способна и поглощать другую культуру, так разделение мира по Валлерстайну приводит к тому, что в Африке можно купить легко напитки американского бренда, а вот что-то исконно национальное и колоритное изрядно сложно. Такая интеграция в ее здоровом проявлении допускает определенную степень обособленности культур, но ни в коем случае не допускает изоляция культуры от социальных интеракций.

Выбор интеграции как формы этнокультурного взаимодействия позволяет не только повышать устойчивость и культурное многообразие этноса, но и обеспечивать всестороннее взаимодействие таких групп, как в экономическом, так и социальном, политическом, духовном планах. Это и позволяет преодолевать дезинтегративные тенденции постмодерна на сегодняшний день, но следует обратить внимание на тот факт, что постмодерн пытается унифицировать все культуры, а не плавно интегрировать одну культуру в другую [2].

Социальным наукам еще предстоит решать многие вопросы в этой области и это касается форм социальных процессов, которые связывают этнокультурные интеграции и дезинтеграции. Возникает больше вопросов, чем ответов в данной области. Пока лишь понятно, что интеграция этносов основывается на «социальном инстинкте самосохранения», биологическом, когда начинается борьба за существование различных культур, вернее глобализированной культуры и индивидуальной этнокультуры каждого народа.

По мнению А. Дугина, постмодерн есть качественный переход общества от одного уровня к другому, но этот переход может стать последним в жизни общества в самом широком смысле этого слова. Дело все в том, что постмодерн отвергает всякую власть прошлого, переводя тексты модерна и рационального в нужные цитаты для подтверждения множественных разрозненных позиций, однако и

знание становится равно разрозненным. Речь идет о концепции интертекстуальности, когда конструкция цитат заменяет классический текст.

В таких условиях поднимается важнейший вопрос формирования внутреннего этнокультурного патриотизма индивида, который позволит культурно впускать хорошее в реалии своей культуры и различать с культурно чужим для своей реальности. Опять же позитивный пример организации этнокультурных интеграций в современной России заставляет задуматься, в частности, о странах ближнего зарубежья. У нас достаточно тесный социальный контакт, который позволяет нам беспрепятственно знакомиться с культурой ближайших к нам народов и взаимно обмениваться социокультурным опытом и, вследствие этой метапарадигмальности культурного подхода, сформировать нечто качественно новое, что будет успешно противостоять тенденциям «макдональдизации» общественного сознания и социальных реалий.

Осложняет изучение данного феномена и следующий противоречивый факт мира постмодерна. На первый взгляд может показаться, что постмодерн противник расцвета религии и отказ от метанарративов, отрицание объективной истины в природе, критика авторитетов, рост рефлексии, изрядная ирония – всё это окончательно «расколдовывает» мир и тем самым подрывает окончательно позиции религии, что является фундаментальной основой различных культур [3]. Но, наоборот, в условиях постмодерна интерес к религии как к социальному конструкту резко возрастает, и критика метанарративов, рационального знания подрывает авторитет науки в целом и общей логики в частности до той степени, что мир становится противоречиво полярной субстанцией, не имеющей общего логического основания, что говорить о культурах. Равно допустимы любые мировоззрения от крайне научных до светских и от светских до крайне религиозных. И если каждый человек в рамках одной культуры будет придерживаться диаметрально противоположных позиций, то возможность консолидации общества, а тем более этнокультурной, социокультурной интеграции ставится под вопрос, как и дальнейшее существование обособившихся культур в принципе.

Деиндустриализация Запада и России, которая была сознательно осуществлена с конца 80х годов прошлого столетия, превращает страну в энергетический придаток Запада, что приводит к субъектному разочарованию от слабости своего социального положения. Более того разрушаются культурные достижения модерна и творческое начало в целом, поскольку искусство становится делом всех, а не

профессионалов, отсюда культура становится менее ценной как социальный конструкт.

Очевидны крайне серьезные процессы деформации, которые происходят на макросоциальном уровне. Хантингтон был прав, предсказывая «войну цивилизаций», тот случай, когда множатся связи и каналы социальных интеракций обществ, этносов, цивилизаций в целом и уже очевидное доминирование западной культуры не дает производить иным культурам социокультурную интеграцию мирным и спокойным путем, без значительных потрясений. Мир уходит в паракультурные отношения – отношения, связанные на неочевидной борьбе между господствующими интересами разных сторон, проявляющиеся в выбросах массовой и иной культур в общественное сознание, тем самым разлагая его основы.

Если спуститься на уровень индивидуального, то можно увидеть личность постмодерна, созданную мировым сообществом. Такая личность занята в непроизводственной отрасли, представляя собой офисный планктон, замкнута на потреблении и его качестве. Также человек постмодерна обладает определенным снобизмом к простому человеку, имеет изрядный уровень группового эгоизма и крайне приземленную систему ценностей. Он лишен высшей ценности Родины, патриотизма, общего блага. В его деятельности нет творчества, как истинной его формы, есть лишь бледное подобие творческой деятельности, которое вытекает из использования базовых форм культурных множеств.

Отсутствие фундаментального знания, узость и примитивность интересов, клиповое, упрощенное мышление – все это не позволяет современному человеку постигать мир во всем многообразии его социальных конструктов. Все, что четко способен усвоить такой человек, это оценки СМИ, суждения в Интернете себе подобных, а говорить об усвоении профессионализированных форм культуры не приходится. Такой человек является носителем квазиформы истинной духовной культуры во всем многообразии ее проявлений.

Безволие и неспособность к целенаправленным действиям в постмодерне приводят к тому, что жизнь каждого индивида по отдельности и целых этносов больше походит на бессодержательную развлекающую игру, где проявляются определенные фантомные черты и теряется чувство реальности, отсюда возникает новая волна мифологизации культуры и культурных взаимоотношений [4]. А отсюда, в свою очередь, человеку нового мышления проще отвергнуть старые и надежные основы, которые требуют достаточно долгого и тщательного изучения и принять разжеванные основы чужеродной для

самого индивида культуры, и такая культура прекрасно встраивается в социальные взаимодействия такого индивида и, разумеется, части определенных этносов и культур. Возникает важнейшая проблема того, как человек, который сам является культурно неопределенным субъектом, будет детерминировать социокультурные взаимодействия в сложнейшую эпоху постмодерна. Ведь деформируется сознание, а за ним и понимание важности и необходимости интеграции и взаимодействия культур.

Решение такого рода проблем требует безотлагательных мер воздействия по укреплению социокультурного и этнокультурного взаимодействия разных народов и индивидов в частности, поскольку подобное расслоение окончательно дезинтегрирует общественное сознание. Возможно следует прибегнуть к идеологизации как форме укрепления общих ценностей для сохранения культурной самобытности и усиления социокультурных взаимодействий в условиях постмодерна.

Литература

1. *Александр Дж. С.* Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. Т. 6. № 1, 2007. С. 17–37.
2. *Литвинцева Г. Ю.* Гиперреальность в эпоху постмодерна // Вестник СПбГИК. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/giperrealnost-v-epohu-postmoderna> (дата обращения: 09.05.2021).
3. *Матецкая А. В.* Постмодерн и религия // Манускрипт. 2017. № 12–3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-i-religiya> (дата обращения: 09.05.2021).
4. *Найдыш В. М., Комарова Н. П.* Постмодерн и кризис цивилизации // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodern-i-krisis-tsivilizatsii> (дата обращения: 08.05.2021).

ОБРАЗ НАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ

Злобина Ю. И. (Барнаул, Россия)

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению образа нации в социологическом аспекте этнокультурного восприятия России в массовом сознании китайцев. Дается теоретическое осмысление понятий «нация» и культура. Сравнивая с объективным существованием собственной жизни и культурной реальностью, можно составить представление о других нациях, однако при этом естественные различия культуры обычно не учитываются, а «чужие» культурные феномены оцениваются как соответствующие или не соответствующие нормам, существующим в «своей» культуре. Приводятся практические результаты представлений о русских как о нации в форме эксперимента, направленного на выявление реакций в массовом сознании китайцев на определенные маркеры, связанные с образом русских и России. На основе результатов эксперимента предлагаются предварительные выводы о сложившемся образе и стереотипах.*

Ключевые слова: *нация, Россия, китайцы, сознание, социологический аспект, этнокультурное восприятие*

THE IMAGE OF THE NATION IN THE SOCIOLOGICAL ASPECT OF ETHNOCULTURAL PERCEPTION OF RUSSIA IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE CHINESE

Zlobina Y. I. (Barnaul, Russia)

Abstract: *The article is devoted to the consideration of the image of the nation in the sociological aspect of the ethnocultural perception of Russia in the mass consciousness of the Chinese. The theoretical understanding of the concept of «nation» and culture is given. Comparing with the objective existence of one's own life and cultural reality, one can get an idea of other nations. However, in this case, the natural differences of culture are usually not taken into account, and «alien» cultural phenomena are assessed as corresponding or not corresponding to the norms existing in «their» culture. The practical results of the perception of Russians as a nation in the form of an experiment aimed at identifying reactions in the mass consciousness of the Chinese to certain markers associated with the image of Russians and Russia are presented. Based on the results of the experiment, preliminary conclusions are proposed for the prevailing image and stereotypes.*

Keywords: *nation, Russia, Chinese, consciousness, sociological aspect, ethnocultural perception*

В последние 200 лет научное определение содержания понятия «нация» было предметом долгих дискуссий. И в настоящее время нет единого мнения о том, что такое нация, что входит в ее культурный фронт, какова территория распространения, по каким критериям можно отнести тех или иных людей к определенной нации.

Символически всех исследователей, которые решали вопрос: «Что такое нация?» с научной точки зрения, можно условно разграничить на философов, историков и социологов. Первые (Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердер, И. Г. Фихте, Н. А. Бердяев) пытались найти философское объяснение природы нации через априорную категорию, вторые (Х. Сетон-Уотсон, Дж. Бройи, Э. Х. Карр) описывали процесс устройства нации, третьи (Э. Ренан, М. Вебер, Д. Армстронг, Б. Андерсен, Э. Геллнер, У. Коннор, Э. Смит, Э. Хобсбаум, М. Хрох) с социологической точки зрения определили «национальный» феномен и то, что он объясняет, и какое влияние оказал социальный и политический процесс последних 200 лет на возникновение и формирование «наций» как направляющая сила образования современных народов.

В социологии можно выделить два направления исследования вопросов, касающихся нации: примордиализм и модернизм.

Приверженцы примордиализма считают, что основу нации составляет особая культура народа, которая закладывается рождением человека (К. Гирц, Д. Армстронг, У. Коннор, Э. Смит). Люди, рожденные в рамках национальной культуры, будут их носителями независимо от того, в каком обществе они будут жить в будущем. В то же время сами культурные нормы передаются не с помощью организма, а через культурную структуру, запечатленную в человеческом сознании в младенчестве. С точки зрения примордиалистов, сама нация имеет исторически сложившуюся древнюю природу, и ее формирование не зависит от влияния капиталистических отношений на традиционную социальную структуру общества [8].

С другой стороны, модернизм рассматривает нацию как продукт новой эпохи. Согласно «модернистскому» взгляду, возникновение нации связано с объективным процессом влияния индустриального капитализма на европейскую социальную структуру общества. Традиционные культурные значения, символы и ценностные ориентации при этом разрушаются и заменяются новыми культурными смыслами (Э. Геллнер, М. Манн, Э. Хобсбаум) [2; 10, с. 36]. Итогом этих процессов является формирование комплекса убеждений, чувств и мыслей, образующих представление о сообществе людей, составляющих нацию (М. Вебер, Б. Андерсон, К. Дойч) [1]. В то же время положительным моментом этого процесса можно назвать развитие

средств коммуникации, которые сокращают социальное пространство и усиливают процесс социального взаимодействия (К. Дойч, Б. Андерсон). К. Дойч видел возможности использования коммуникации при формировании интеграционных объединений. В-первых, интеграция для него – это реальная возможность обеспечить мирное сосуществование народов. Этого можно достичь путем организации торговых контактов, свободного передвижения людей, проведения различных консультаций и переговоров [11]. Результатом является социальная интеграция национальных символов, индивидуальных и коллективных методов сохранения, передачи новых комбинаций, отвечающих текущим и будущим потребностям экономической и социальной мобилизации населения и социальным возможностям создавать, усваивать, сохранять и распространять новые знания, цели и действия, которые передавались из поколения в поколение [5].

Однако в современном мире происходит интеграция и/или изменение в восприятии национальных символов и кодов в национальной системе, принадлежащей иной культуре; разные культуры и этносы создают собственные представления о другой, «не своей», нации. Образ чужой страны и ее культуры представляет страну и чужую культуру в глазах ее собственного народа, это своеобразное проявление «мягкой силы» конкретной страны и способ стремления придерживаться интересов этой страны в рамках глобализации и межкультурного общения, когда образ страны и зарубежной культуры становится все более важным.

Понятия «образ», «имидж», «имагология» и «имиджелогия» являются основой для изучения этнокультурного восприятия русских и России в «другой» культуре. В современных гуманитарных науках сформировалась особая отрасль научного знания, темой которой стал образ «других», «чужих» наций, стран, культур и народов, незнакомых с собственной культурой. Е. В. Папилова отмечает, что имагология является отраслью гуманитарного знания, имеющей предметом изучения образы «других», «чужих» наций, стран, культур, народов, инородных для восприятия субъекта [6, с. 31]. В социогуманитарном познании современного общества понятия «образ» трактуется более широко: образ, в отличие от имиджа, не носит искусственного характера, он естественно связан с уже существующими, сложившимися самостоятельно представлениями. В настоящее время существует много описаний различных «образов»: «социологический портрет молодежи России» [3], «социальный портрет студента» [4, с. 102], «социальный портрет региона» [7] и т. д.

В данной статье мы рассмотрим образ русских как нации «глазами» китайских студентов, обучающихся в Алтайском государственном университете г. Барнаула. Для исследования этнокультурного восприятия русских и России в массовом сознании китайцев проводился эксперимент, направленный на выявление суждений о понимании культурных составляющих образа России. В эксперименте приняли участие китайские студенты в возрасте от 21 года до 25 лет, всего 81 человек. Китайские информанты получили анкету с вопросами, которые казались их представлений о России, написали ответы на русском языке, при этом можно было выбирать несколько вариантов. Рассмотрим реакции информантов, данные на первый вопрос.

При анализе полученных данных мы отметили, что при ответе на стимул: «Какие русские для вас?», опрошенные сравнивали «свою нацию» и русскую, их ответы можно разделить на информационные блоки: по внешности: русские красивые (40 %), высокие (31 %), по характеру – открытые (32 %), прямые (12 %), грубые (6 %), по качествам – вежливые (61 %), гостеприимные (53 %), ленивые (52 %), смелые (47 %), трудолюбивые (9 %), грубые (6 %), сильные (3 %). Респонденты отметили также, что русские религиозные. Все ответы были связаны с наблюдением за жизнью и поведением русских, беседах с ними, со столкновением с их бытом и привычками.

Таблица 1 – Реакции информантов на стимул: «Какие русские для вас?», %.

Реакция на вопрос	Количество реакций (%)
Вежливые	61
Гостеприимные	53
Ленивые	52
Смелые	47
Красивые	40
Открытые	32
Высокие	31
Прямые	12
Трудолюбивые	9
Грубые	6
Религиозные	5
Сильные	3

Рассмотрим реакции анкетированных, данные на второй и третий вопросы. Вопросы «русские любят» и «русские не любят» охватили круг важных для китайцев вопросов – культуру еды, а также развлечения, обычаев и привычек. Ответы на эти вопросы по содержанию похожи, например, русские любят пить алкоголь – 91 %; есть хлеб – 62 %, есть шоколад – 32 %, пить чай – 28 %, китайскую кухню – 4 %; русские не любят есть острую еду – 48 %, пить воду – 13 %; русские любят цифру семь – 8 %; не любят цифру тринадцать – 15 %, желтый цвет – 5 %, черных кошек – 9 %; русские любят вставать в очередь – 3 %; русские не любят несоблюдение правил – 13 %, делать не по очереди – 7 %.

Все эти вопросы составляют целую систему, отражающую фрагмент картины мира (языкового сознания) [9, с. 176] носителей китайского языка. Образ России включают особенности внешности, характера, общие качества, специфику национальной кухни, отношение к работе, проведение свободного времени, обычаи, традиции русских и т. д., характер и общие качества русских оказываются тесно связаны с привычным поведением. Русские люди, таким образом, формируют образ России в сознании китайцев.

Рассмотрим реакции анкетированных, данные на четвертый вопрос. При анализе ответов мы обратили внимание, что существует схожесть в определении русских и России: на первый план выходят внешние характеристики (красота, размер). Сама Россия воспринимается китайцами как красивая и большая страна (47 % и 46 %). Так сложилось исторически, что большая территория России всегда привлекала внимание других государств, кроме того, Россия является самой большой страной по площади в мире. На втором плане условно называемые «внутренние» качества: уникальность, смелость, дружелюбие. Также отметим, что китайцы очень гордятся величием и древним происхождением своей цивилизации, для них это важный критерий, поэтому достаточно высок процент выбора (21 %) характеристики «старинная».

Таблица 2 – Реакции информантов на стимул: «Что русские любят (делать или предмет)?», %.

Реакция на вопрос	Количество реакций (%)
Пить алкоголь	91
Есть хлеб	62
Искусство	51
Есть шоколад	32

Пить чай	28
Курить	22
Разговаривать	21
Цветы	11
Цифру 7	9
Китайские блюда	8
Загорать	5
Вставать в очередь	3

Таблица 3 – Реакции информантов на стимул: «Что русские не любят (делать или предмет)?», %.

Реакция на вопрос	Количество реакций (%)
Шуметь	58
Есть острую еду	48
Использовать зонтик	37
США	28
Говорить громко	24
Улыбаться	22
Несоблюдение правил	18
Цифру 13	15
Пить воду	13
Черных кошек	9
Делать не по очереди	7
Желтый цвет	5

Таблица 4 – Реакции информантов на стимул: «Какая Россия?», %.

Реакция на вопрос	Количество реакций (%)
Красивая	47
Большая	46
Чудесная	34
Уникальная	32
Старинная	21
Прекрасная	16
Дружеская	14
Смелая	5

Таким образом, ответы китайских студентов выявляют не только образ самих русских как нации, но и особенности китайской культуры,

в том числе отношение к нормам социального поведения в китайском обществе. Например, в Китае обычно нет очередей, а если они появляются, это указывает на неэффективность работы чиновника, продавца и т. д. Как мы увидели, у китайцев есть представление о русских как о «ленивых» людях, носители китайского языка устанавливают связь между часто наблюдаемыми в России очередями и нежеланием эффективно работать у русских вообще; отсюда такое представление о русских.

В целом в массовом сознании китайских студентов складывается положительный образ нации и страны, однако для разрушения все еще бытующих стереотипов о русских (пьют алкоголь, едят хлеб и шоколад, курят и т.д.) нужно популяризировать национальную культуру, создавать привлекательные образы русской культуры для молодежи и активно продвигать привлекательный образ русских как нации в Китае. Это способствует эффективному взаимодействию России с Китаем, разрешению международных конфликтов и позитивному формированию культурного влияния на окружающий мир.

Литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истории и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 286 с.
2. *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. М. Бредниковой, М. Тюнь-киной. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
3. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
4. *Карпенко М. П., Лапшов В. Н., Кибалкин М. В.* Социальный портрет студента негосударственного вуза // СОЦИС. 1999. № 8.
5. *Нации и национализм* / Ред.: Б. Андерсон. Пер. с англ. и нем. Л. Пере-славцевой, М. Панина, М. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. 416 с.
6. *Папилова Е. В.* Имагология как гуманитарная дисциплина // Rhema. Рема. 2011. № 4. С. 31–40.
7. *Плотникова Е. Б.* Социологический портрет Пермского края: региональные социокультурные традиции в условиях политико-административных инноваций: монография / авт. колл.: Е. Б. Плотникова, Н. В. Борисова, И. А. Германов, Н. А. Несевря, Л. А. Хачатрян, В. Г. Попов; под общ. ред. Е. Б. Плотниковой, Н. В. Борисовой. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. 164 с.

8. *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. Смирнова, Ю. Филиппова, Э. Загашвили и др. М.: Практикс, 2004. 458 с.
9. *Тарасов Е. Ф.* Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988. С. 176–177.
10. *Хобсбаум Э.* Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // *Логос*. 2005. № 4. С. 33–43.
11. *Deutsch K. W.* The nerves of government Models of political communication and control. [2-d print]. New York: Free press; London: Collier-Macmillan, 1995.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Калинина Ю. Н. (Барнаул, Россия)

Аннотация: *Решение социальных вопросов является основой экономической и политической устойчивости в стране, важнейшей составляющей стратегий ее социально-экономического развития. Роль бизнеса в обеспечении социального развития не исчерпывается уплатой обязательных взносов. Для России характерно увеличение социальных расходов крупных предприятий, формирование благотворительных фондов, расширение корпоративных социальных программ. Тема социальной роли бизнеса исследуется учеными уже более двух столетий. По мере развития технологий и общественного сознания, идеология и методы деятельности частного бизнеса существенно изменились и усилили социальную направленность. Условия функционирования экономики формируют зависимость успешности и прибыльности предприятия от отношения и мнения общества о его социальной репутации. Социальная репутация предприятия зависит от проводимой социальной деятельности. В современных экономических условиях для успешного и прибыльного функционирования, предприятие должно реализовывать социальные программы. Социальная ответственность компаний – одна из важнейших тенденций мирового бизнеса. Все больше компаний участвуют в благотворительных акциях, направляют средства в поддержку социальных проектов, стремятся к созданию необходимых условий для повышения качества жизни населения.*

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, социальное предпринимательство, некоммерческие организации, социально-ответственный бизнес, социальные проекты, направления социального предпринимательства, социально-значимые цели*

SOCIAL AND LEGAL ASPECTS OF BUSINESS ACTIVITY AS A FACTOR OF PUBLIC RELATIONS

Kalinina Y. N. (Barnaul, Russia)

Abstract: *The solution of social issues is the basis of economic and political stability in the country, the most important component of the strategies of its socio-economic development. The role of business in ensuring social development is not limited to the payment of mandatory contributions. Russia is characterized by an increase in social expenditures of large enterprises, the formation of charitable foundations, and the expansion of corporate social programs. The topic of the social role of business has been studied by scientists for more than two centuries. With the development of technology and public consciousness, the ideology and methods of private business have changed significantly and strengthened their social*

orientation. The conditions for the functioning of the economy form the dependence of the success and profitability of an enterprise on the attitude and opinion of society about its social reputation. The social reputation of an enterprise depends on the social activities carried out. In modern economic conditions, for a successful and profitable operation, an enterprise must implement social programs. Corporate social responsibility is one of the most important trends in global business. More and more companies are participating in charity events, channeling funds to support social projects, striving to create the necessary conditions to improve the quality of life of the population.

Keywords: *entrepreneurial activity, social entrepreneurship, non-profit organizations, socially responsible business, social projects, areas of social entrepreneurship, socially significant goals.*

В данной статье представлена часть первого этапа исследования социально-правовых аспектов предпринимательской деятельности как фактора общественных отношений.

Рассуждая о роли предпринимательской деятельности в решении социально-значимых проблем общества, необходимо обратиться к истокам понятия предпринимательства, предпринимательской деятельности.

Одним из первых, кто обратил своё внимание на предпринимательство, был А. Маршалл. Он показал, что «предприниматель является ускорителем изменений, спонтанно и конструктивно развивающихся в обществе» [4, с. 426]. Й. Шумпетер обращает наше внимание на противоречивую природу предпринимательства. С одной стороны, предпринимательство он рассматривает как источник объединения ресурсов в новые, принципиально уникальные новаторские комбинации, с другой, – как движущую силу социальных преобразований.

Единого закона о предпринимателях в России пока нет, начинающим и действующим предпринимателям приходится изучать немало нормативно-правовых актов, регулирующих эту сферу.

Согласно основополагающему закону государства – Конституции Российской Федерации, статьей 34 определено, что каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, вместе с тем, не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию [5].

Согласно Гражданскому Кодексу Российской Федерации, предпринимательская деятельность это самостоятельная,

осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от владения имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено законом.

Регистрация предпринимательской деятельности осуществляется в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

В современном обществе предпринимательство имеет важное значение в реализации экономического потенциала как отдельного человека, так и общества в целом. Благодаря предпринимательству создаются новые социальные связи, термин «предпринимательство» употребляется всё чаще, когда речь идёт о решении экономических и социальных проблем.

В ходе решения социальных проблем используется термин «социальное предпринимательство», имеющий широкое распространение в научной среде и среде предпринимателей.

Решение социальных проблем с помощью социального предпринимательства даёт результаты куда более эффективные по сравнению с теми, которых добиваются государство и некоммерческие организации.

С учетом проводимой политики в этой области, можно сделать выводы о заинтересованности властей в сфере социального предпринимательства. Существует тенденция поддержки малого предпринимательства, занимающегося социально-значимой деятельностью.

Долгое время понятие «социальное предпринимательство» отсутствовало в российском законодательстве. Данное определение обнаруживается в приказе Минэкономразвития России от 24.04.2013 № 220 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего бизнеса субъектами Российской Федерации», который предназначал данное определение исключительно для получателей поддержки по указанной министерством линии.

Для снижения налоговой ставки социальные предприниматели регистрируются как представители малого и среднего бизнеса или некоммерческие организации.

С 2013 года в стране неоднократно предпринимались попытки доработать законодательство в области социального предпринимательства, формах его поддержки. В 2019 году Федеральным законом от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» вводится понятие социального предпринимательства как деятельности, при которой малое или среднее предприятие обеспечивает занятость социально уязвимых категорий граждан, способствует реализации производимой ими продукции, само производит товары для социально уязвимых групп или осуществляет деятельность, направленную на «достижение общественно полезных целей, способствующих решению социальных проблем граждан и общества в целом». Также для социально ориентированных предприятий предусмотрены меры финансовой и имущественной господдержки.

Принятие указанного закона является большим шагом в сторону правового регулирования социального предпринимательства, вместе с тем, анализируя положения закона, можно прийти к выводу о наличии ряда проблем в нем.

Закон не даёт однозначного ответа, относятся ли к субъектам социального предпринимательства некоммерческие организации. Из заключения Общественной палаты Российской Федерации следует, что понятие «социальное предпринимательство» включает в себя, в том числе, деятельность социально-ответственных некоммерческих организаций и вводится, в том числе с целью создания условий для развития законодательства о некоммерческих организациях, вместе с тем, законодательные изменения введены лишь для субъектов малого и среднего предпринимательства. Таким образом, принятый закон не действует в отношении некоммерческих организаций.

Закон направлен на достижение общественно полезных целей и способствование решению социальных проблем граждан и общества. При этом указанные понятия не раскрываются.

Среди категорий граждан, в отношении которых реализуется деятельность социальных предпринимателей, названы выпускники детских домов в возрасте до 23 лет. Однако зачастую выпускники более длительное время нуждаются в помощи по трудоустройству и социализации. Согласно действующему законодательству, все сиротские учреждения официально называются организациями для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Детские дома являются только одним из типов этих организаций. Такая

формулировка может создать препятствия для оказания поддержки выпускникам иных организаций для детей-сирот.

Целесообразно было бы включить в социально уязвимую категорию населения, нуждающуюся в поддержке наравне с представителями неполных семей также представителей полных семей, воспитывающих детей-инвалидов, в которых единственным кормильцем в семье является один из родителей, а другой родитель, вынужденный отказаться от трудовой деятельности, осуществляет уход за ребенком, а также опекунов детей-инвалидов. Кроме того, необходимо расширить социально уязвимую категорию граждан за счет обучающейся молодёжи; лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации; граждан, уволенных с военной службы; женщин с детьми дошкольного возраста.

Говорить о конкретных проблемах законотворчества в настоящее время достаточно сложно из-за отсутствия достаточной практики применения законодательства в указанной сфере.

Развитие социального предпринимательства тормозит недостаточная проработанность теоретической базы, законодательство Российской Федерации не имеет отдельного общеправового раздела, посвященного социальному предпринимательству. Законодательная база социального предпринимательства недостаточно проработана, что является препятствием для его развития.

Литература

1. *Гюлджян А. Г.* Социальное предпринимательство в России: вызовы и пути развития // Молодой ученый. 2019. № 37. С. 79–81.
2. *Московская А.* Зачем нужен закон о социальном предпринимательстве? // Мир социального предпринимательства. 2019. № 10. С. 4–11.
3. *Суворов А. Н.* Основные социальные проблемы России и пути их решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 1936–1940. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970714.htm>. 01.05.2021.
4. *Сидоров В. А., Кузнецова Е. Л., Болик А. В.* Общая экономическая теория: учебник для высших учебных заведений. Майкоп: ООО «ЭЛИТ», 2017. 603 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-

- ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) / Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
 7. Закон РФ от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». [Электронный источник], справочно-правовая система «Консультант Плюс».
 8. Закон РФ от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». [Электронный источник], справочно-правовая система «Консультант Плюс».
 9. Приказ Минэкономразвития РФ от 24.04.2013 № 220 «Об организации проведения конкурсного отбора субъектов РФ, бюджетам которых в 2013 году предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего бизнеса субъектами РФ». [Электронный источник], справочно-правовая система «Консультант Плюс».

ПЛАЧ КАК ОСОБЫЙ СИМВОЛ КЫРГЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Калыкова Ч. И. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: В статье раскрываются особенности плача в контексте кыргызской культуры.

Ключевые слова: утро, похороны, смерть, загробная жизнь, кыргызская культура, этническая культура, обычаи и традиции, юрта, кочевники

MOURNING AS A SPECIAL SIGN OF KYRGYZ CULTURE

Kalykova Ch. I. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: This article is devoted to the mourning as a special sign of Kyrgyz culture.

Keywords: mourning, funeral, death, afterlife, Kyrgyz culture, ethno cultural, customs and traditions, yurta (tent), nomads

Customs, traditions and material culture of Kyrgyz nation passed the difficult way of historical development. Nomads and shepherds together with their family and relatives often moved from one place to another for seeking the best places for pasture and water source. There were exchange of information, cultural values, work experience, mutual enrichment of culture and household – domestic technology. Customs and traditions which were passed from generation to generation for our days perform rich and difficult ethnocultural complex. All Kyrgyz traditions we may divide conditionally into several types: customs and traditions, the customs and rituals associated with childbirth, the customs and rituals associated with the matchmaking, engagement and wedding, funeral customs and rites of the Kyrgyz people [1].

The customs and rituals associated with migrations, receiving guests, gift, calendar customs and rituals, cults. The most traditional custom in the Kyrgyz – like all people – is hospitality. Since ancient times, everyone whose path passes through Kyrgyz village, never left it, not separated from the masters table and shelter. Folk traditions, customs and rituals of Kyrgyz people to determine the nomadic way of life. Notable among them are the family and everyday practices that adding up over the centuries, reflecting the accumulated wisdom of many generations. Kyrgyz death rites are closely linked with the Kyrgyz traditional worldview, kinship system, and oral tradition. With the adoption of Islam, the nomadic Kyrgyz incorporated many Muslim beliefs and practices. Death rites present an interesting case for understanding Kyrgyz identity, kinship relations, and local forms of incorporating Islam in Kyrgyz society [2].

Almost all the funeral customs of the Kirghiz been heavily influenced by pre-Islamic or Islamic traditions. It is obligatory rituals with cutting horse or a cow on the day of death, by money, animals, matter present at the funeral. The most significant part of the funeral rites – respect for the dead. In the dying state of every person leaves a will, which is performed as desired by the deceased. When the dying young man, through the upper frame of the yurt exhibited a pole with a red flag, if the middle-aged man - a black flag, if the dying old man, it exhibited a white flag. It was a ritual sign for arriving at the funeral guests. A contemporary Kyrgyz funeral involves essential Muslim death rites such as washing of the deceased's body and wrapping it in a white shroud (kepin), the performance of the janaza prayer by an imam or mullah, digging the grave with two compartments and placing the body in it with its head facing the direction of Mecca, and dedication of Quranic recitations to the spirit of the deceased. People stop crying and singing laments when the Quran is recited, an act of respect for the Quran. These adopted Muslim funeral practices however, do not fully replace pre-existing nomadic death rites which include: erecting a yurt for the funeral and keeping the body unburied for more than 24 hours; sacrificing animals and serving food to people; women's lament songs and men's loud crying; displaying sets of new clothes inside the yurt and distributing them to those who wash the body; livestock or monetary contributions by kinsmen and in-laws to the deceased's family; hosting groups of special guests in the neighboring houses by killing sheep; and offering periodic memorial feasts. Although the Kyrgyz gave up their nomadic way of life about a century ago and no longer live in yurts, the yurt remains a key marker of cultural identity and is used for special occasions, including funerals [3].

All important funeral rituals and customs take place inside and outside the yurt. Kyrgyz keep their dead for a day or two before the burial to allow for various rituals and the arrival of relatives. Mourning etiquette differs for men and women and also from region to region. In the Aksy and Talas regions for example, men sit outside the yurt and cry loudly in a standing position facing the wall of the yurt where the body lies inside. Women sing lamentations in a sitting position inside the yurt facing the wall of the yurt where the deceased's body is placed, and this ritual (koshok koshuu) is an essential aspect of Kyrgyz death rites. Kyrgyz scholars believe that koshok is one of the oldest genres in Central Asian oral literature and that many Kyrgyz heroic epic songs like Manas grew out of koshoks. Like epic songs, which usually narrate the life story of the main hero and glorify his deeds, koshoks sung for well-known historical personalities such as rulers (khans), tribal leaders (biys), and heroes (baatyr) have also turned into epic songs. When well-known people died, aqyns and professional lamenters (koshokchus)

were invited to sing a *koshok*. With the incorporation of Islamic beliefs Muslim expressions have been added and used as traditional opening and closing lines. For example, the lamenter might express Muslim faith in God and describe reciting the Quran for the deceased's spirit as the most righteous response to the death of a loved one. While some Muslim clergy discourage women from singing *koshok* on the grounds that it violates Shariat's law, the ritual of singing *koshok* still remains a broadly used and effective palliative that brings consolation and solace. Most Kyrgyz cannot imagine a funeral without an animal sacrifice and eating food. Animal sacrifice honors the deceased's spirit and provides food to people and mourners who in turn dedicate Quranic recitations to the deceased's spirit and express condolences. There is also a belief that the deceased man will ride a horse in the other world. While funeral feasts may be expensive, in villages people continue to foster the idea of mutual help and rely on kinship support and values when holding major life cycle celebrations, or as people say at «good and bad times». People reinforce kinship ties by attending major family celebrations, exchanging gifts of clothes, and adding contributions in livestock or money (*koshumcha*) [4].

Funeral and mourning rites are marked over time with the celebration of memorial feasts. *Ash* is the final major memorial feast offered in honor of the deceased person and brings closure to both the deceased's spirit and the mourning family. The Kyrgyz of the Akxy region practice an old ritual called *ochok komuu* where male relatives turn the large *ochok* where the meat is cooked upside down and standing around the fire cry out loud, then dedicate a recitation from the Quran to the spirit of the deceased. Women sing their last *koshok* and through the ceremony of *ak kiydi* change their mourning clothes to brighter colors. Sweets are placed on the hem of new colorful dresses which are offered to other women who bless and wish them a long and happy life. The old mourning clothes of women are burned, an act which signifies the end of the mourning period and resuming of a normal life. With the revival of Islam in post-Soviet Kyrgyzstan there are discussions and disputes about Kyrgyz beliefs and customs (*salt*) which sometimes are seen to contradict Islamic practice. For example, some Muslims criticize the central role of women in lamentation, the delay of burial until all relatives have arrived or the animal sacrifice and feasting that accompanies both funerals and subsequent mourning feasts. However, most rituals successfully incorporate both traditional nomadic and Islamic components. Regardless of the outcome of these discussions, traditional Kyrgyz rituals have survived and it is in their enduring practice that Kyrgyz cultural heritage continues to adapt and survive.

In the tent, where was the body of the deceased, could only be female. If the husband died, the wife untwist hair, scratched her face and wailed loudly. All the women in the tent sat face to the wall and wailing loudly. Wife of the deceased only in the seventh or fortieth day allows you to collect hair.

Cycle seeing off the deceased on his last journey consisted of several stages: the funeral rites – notification of death of the deceased husband's image, dressing in sackcloth, weeping, and the location of reception guests, washing of corpse, wrapping a corpse in a shroud, farewell, funeral, rites after funeral – general crying returning from the graves of people, distribution of clothes and personal belongings of the deceased. And if a woman dies, then handed out small-sized (50x50 cm) sections of tissue, and a memorial common meal. Memorial cycle consisted of three-day, seven-day, forty days and anniversaries. The final ceremony ends with the mourning for the dead.

With respect to the dead and ancestors existed a number of cults, the basis of which was animistic representations originating from the idea of the actual existence of the spirits of the dead and ancestors. It was believed that the spirits of ancestors patronize surviving relatives. Funeral meals must eat up to the end, because they believed that the spirits will be fed and satisfied from the meal, arranged in their honor. There was an idea that the spirits of the dead eat the smell of meat or bacon, from time to time for the family and relatives staged funeral meal.

In the funereal and commemorative ceremonies Kyrgyz manifest the best, the noble features of the people: compassion, the general state of mourning. All the relatives of clear and timely perform their functions: someone was responsible for warning someone for the reception and location of visitors, some for cooking, etc., the overall direction was carried out by the Council of the closest relatives of the deceased. Provided with full order and the safety of the participants of the funeral process. During the funeral manifested the best qualities of the person, ability to work cohesively in a group, obediently followed the instructions of senior, there were special tact and propriety in the relationship. If there were any arguments, the decisions they were left to after funeral time. The manifestation of bad temper, arrogance, conflict, indifference to the events was considered an act of disrespect to the memory of the deceased, such person immediately suspended from the funeral. At the funeral were required to attend all family members, wherever they are. It was a tribute to the memory of the deceased. No cause could justify the absence of any of the relatives of the deceased.

The burden of funeral expenses falls on relatives and relatives, as well as matchmakers. Each group of participants brought with them a mandatory basis a certain number of cattle. As a result of the family of the deceased is not deteriorated [5].

An integral part of funeral and memorial ceremonies, it was customary to arrange horse-racing competitions. They were divided into small and big jumps. Small staged on the day of the funeral, they differed numerically small parties. Big races were held on the anniversary. They differed crowded, the number of large prizes and a variety of competitions themselves. These competitions fully able to arrange only rich families and genera. They lasted for several days and turned into a grandiose spectacle, a nationwide theater. In between the major competitions were held a variety of small games and entertainment, in which women participated. They also participated in large, i. e. men's matches, as bouts of peaks, struggle and a race, etc.

In the last day of the commemoration ceremony staged withdrawal of mourning. Close relatives of the deceased, wife, daughter shot a black mourning clothes and burned. All boilers are brewed commemorative dishes, left for several days in an overturned by standing, and the image of the deceased was taken to the grave. Only after these rituals the family, born late to go to a normal daily life. Many rites funereal and commemorative cycle, with the exception of equestrian sports and games, which were held on the anniversary of a person's death, continue to exist today.

Literature

1. *Abazov R.* The Formation of Post-Soviet International Politics in Kazakstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan, 1999.
2. *Anderson J. R.* Kyrgyzstan: Central Asia's Island of Democracy, 1999.
3. Asian Development Bank. Technical Assistance to the Kyrgyz Republic for Support to the National Strategy for Poverty Reduction, 2000.
4. *Bauer A. A.* Generation at Risk: Children in the Central Asian Republics of Kazakstan and Kyrgyzstan, 1998.
5. *Women and Gender Relations: The Kyrgyz Republic in Transition, 1997.*

ИЗУЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К НАКАЗАНИЮ

Каплун О. Ю., Шао Юйпей, Каплун А. В. (Владивосток, Россия)

Аннотация: В данной статье представлены некоторые результаты российского этапа международного исследования отношения к наказанию, которое на протяжении десятилетия проводится во многих странах мира. Авторы данной работы подключились к проекту в 2018 году, опросив студентов Дальневосточного федерального университета (ДФУ). В результате анкетирования были получены данные о субъективном отношении студентов к наказанию. Полученные нами результаты позволяют сделать вывод о том, что отношение к наказанию не зависит социально-демографических признаков (гендерная принадлежность, удовлетворенность уровнем доходов).

Ключевые слов: наказание, преступление и наказание, отношение к наказанию, мужчины и женщины, студенты

ATTITUDES OF STUDENTS TO PUNISHMENT

Kaplun O. Yu., Shao Yupei, Kaplun A. V. (Vladivostok, Russia)

Abstract. Attitudes to punishment are influenced by cognitive, emotional, and behavioral processes. The author of this paper personally interviewed 239 Far Eastern Federal University (FEFU) students (Vladivostok, Russia). The study is comprehensive and consists of 80 questions. Our study shows that punitive attitudes have almost no connection to the variables of gender and an income.

Keywords: punishment, crime and ppunishment, aattitude to punishment, crime, men and women, students

Предпосылки и цели исследования. Изучение отношения к наказанию – предмет изучения комплексного международного исследования, к которому авторы данной работы подключились в 2018 году. С помощью анкетирования было опрошено 239 студентов Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). Анкета включала 80 вопросов. Студентов, добровольно согласившихся принять участие, просили как можно полнее и правдивее заполнить анкету, не указывая своего имени.

Наказание используется как способ регуляции и профилактики нежелательного поведения членов общества. В настоящее время эффективность применения наказания подвергается сомнению [1, с. 240]. Отношение к наказанию можно рассматривать на двух уровнях. Первый, макросоциологический уровень, учитывает

объективное отношение к наказанию, т.е. характеристика, такая как строгость приговоров, вынесенных судьями на правонарушители.

Второй, микросоциологический уровень, учитывает субъективное отношение к наказанию, характеристику общественного мнения, то есть отношение людей, которые живут в данном обществе и их желание видеть наказание более или менее серьезным [2, с. 92]. Именно в рамках этой второй точки зрения было проведено комплексное междисциплинарное, международное исследование, результаты российского этапа которого будут рассмотрены ниже.

Цель исследования – получить результаты, отражающие отношение студентов к наказанию за преступления; определить, какие факторы могут оказывать влияние на отношение к наказанию. Для достижения поставленной цели был выдвинут ряд гипотез. В рамках данной работы представим результаты проверки одной гипотезы о том, что отношение к наказанию зависит от демографических переменных.

Основные результаты. Отношение к наказанию и социально-демографические переменные. Так как исследование во Владивостоке производилось на выборке студентов, то их возраст, уровень образования, социальный статус и место проживания, а также некоторые другие социально-демографические признаки не обладают большой степенью вариативности. В силу специфики студенческой выборки, при интерпретации полученных данных мы не учитывали влияние таких переменных как возраст и уровень образования. Средний возраст опрошенных укладывается в диапазон 18–25 лет (234 из 239 респондентов). Что касается уровня образования, то опрошиваемые получают первую ступень высшего образования (бакалавриат). В основном респонденты обучались на гуманитарном (45 %), инженерно-строительном (25 %) и финансовом (16,7 %) факультетах. Большинство респондентов проживают отдельно от родителей (38,8 %) в общежитии либо на съемной квартире (23,5 %), более половины оценивают свое материальное положение как удовлетворительное (51,1 %). Чуть больше трети студентов оценили свое финансовое положение как хорошее (36,5 %), другие как плохое (7,7 %). Крайние значения выбрало небольшое число респондентов – очень хорошо оценили свое материальное положение 3,45 % студентов, а очень плохо 1,2 %.

Более половины респондентов ответили, что они «довольны» и «относительно довольны» размером своих доходов (63 %), «недовольны» 30 % опрошенных и лишь 1,7 % ответили, что они «совершенно недовольны» размером своих доходов. С оптимизмом

смотрят в будущее 96,8 % опрошенных, что во многом объясняется спецификой юного возраста респондентов.

Как отмечалось выше, выборка исследования составила 239 человек, из них 142 девушки и 95 юношей, 2 человека не ответили на данный вопрос. Для целей нашего исследования представляется важным изучить вопрос о том, имеет ли пол респондента влияние на его отношение к наказанию. Нами была предпринята попытка выяснить, являются ли мужчины сторонниками применения более жестокого наказания, чем женщины.

В международных исследованиях в качестве фильтра, показывающего отношение респондентов к наказанию, представлен случай 21-летнего молодого человека, который признан виновным в повторном проникновении в жилище, в этот раз он украл цветной телевизор. Интервьюируемых просили определить меру наказания, которое, по их мнению, наиболее подходит для такого случая. Варианты, предлагаемые респондентам, варьируются от штрафа до пожизненного заключения (также предусмотрен свой вариант). Спектр мер наказания также включает общественные работы, условный срок и лишение свободы. Если интервьюируемый выбрал в качестве наказания тюремное заключение, то его просили указать его продолжительность.

Такой подход позволил создать шкалу отношения к наказанию, согласно которой респондентов, которые «выносят» тюремное заключение на срок более шести месяцев, относят к группе, ратующей за применение строгого наказания; тех, кто «приговаривает» к тюремному заключению сроком на шесть месяцев или менее – представителями средней позиции; а тех, кто считает целесообразным наказание, не связанное с лишением свободы, относят к группе с мягким отношением к наказанию.

Отметим, что по результатам нашего исследования, опрошенные в России респонденты крайне редко выбирали срок тюремного заключения менее шести месяцев (всего один респондент за некоторые виды преступлений). Соответственно, отношение к наказанию в нашем исследовании имеет две характеристики: строгая и мягкая позиции.

Результаты, полученные нами, показали, что мужчины и женщины удивительно единодушны в отношении к наказанию 21-летнего молодого человека, который признан виновным в повторном проникновении в жилище. Пол респондентов не оказывает влияние на выбор степени тяжести наказания. Полученные нами данные отличаются от результатов международных исследований, согласно

которым мужчины являются сторонниками применения более жестоких мер наказания, чем женщины [2].

Таким образом, результаты нашего исследования показали, отношение к наказанию практически не связано с полом респондентов; российские респонденты (и мужчины, и женщины) удивительно единодушны в отношении к наказанию.

Литература

1. *Кури Х, Ильченко О. Ю.* Эффективность наказания: результаты международных исследований // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2(26). С. 240–256.
2. *Kury H.* Harsh Punishment or Alternatives: Which is the Better Crime-Prevention? *Juridica International. Law Review University of Tartu.* 2017. Estonia 25, 91–99.

О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ЭТНОГЕНЕЗА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
КУЛЬТУРОГЕНЕЗА (ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ГАГАУЗОВ В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ И ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Квилинкова Е. Н. (Минск, Беларусь)

Аннотация: В статье обосновывается важность изучения процесса этнокультурного взаимодействия как части этнической истории. Подчеркивается значимость кооперации этнологов с представителями смежных наук. Отмечается, что изучение динамики культуры, а также влияния на нее социокультурных факторов и иноэтничного окружения является актуальным особенно для тех народов, вопрос о происхождении которых по-прежнему остается неразрешенным. Для изучения их этнической истории автор разработал и апробировал этнорегиональный подход, результаты которого рассматриваются на примере гагаузов. Благодаря применению данного подхода были выявлены как основные компоненты этнического ядра их культуры, так и свойственные ей региональные особенности. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу о том, что анализ этногенеза гагаузов невозможен без рассмотрения процессов культурогенеза. Делается вывод о том, что всестороннее исследование этнорегиональных и этнокультурных особенностей может стать ключом не только к изучению функционирования генетического механизма культуры в прошлом, но и к объяснению ее феноменов в настоящем.

Ключевые слова: культурогенез, этнорегиональный подход, междисциплинарность, гагаузы

ON THE IMPORTANCE OF STUDYING THE ISSUES OF ETHNOGENESIS
THROUGH THE PRISM OF CULTUROGENESIS (FROM THE EXPERIENCE OF
STUDYING THE TRADITIONAL SPIRITUAL CULTURE OF THE GAGAUZ
PEOPLE IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY AND ETHNOREGIONAL
STUDIES)

Kvilinkova E. N. (Minsk, Belarus)

Abstract: The article substantiates the importance of studying the process of ethnocultural interaction as a part of ethnic history. The importance of cooperation between ethnologists and representatives of related sciences is emphasized. It is noted that the study of the dynamics of culture, as well as the influence of socio-cultural factors and foreign ethnic environment on it, is relevant especially for those peoples, the question of whose origin is still unresolved. To study their ethnic history, the author developed and tested an ethno-regional approach, the results of which are considered on the example of the Gagauz. Thanks to the application of this approach, both the main

components of the ethnic core of their culture and its inherent regional characteristics were identified. As a result of the study, the author came to the conclusion that the analysis of the ethnogenesis of the Gagauz people is impossible without considering the processes of cultural genesis. It is concluded that a comprehensive study of ethnoregional and ethnocultural characteristics can become the key not only to studying the functioning of the genetic mechanism of culture in the past, but also to explaining its phenomena in the present.

Keywords: *cultural genesis, ethno-regional approach, interdisciplinarity, Gagauz*

Чтобы определить свою нишу в современном мировом этническом сообществе для каждого этноса важно понять собственное прошлое, осознать ценность наследия предков и выработать стратегию культурного развития в настоящем, чтобы сохраниться в будущем. Данные вопросы демонстрируют актуальность изучения социальной и исторической динамики культуры, то есть тех направлений, которые отражают понятие культурогенез. Исследование проблемы в таком ключе позволяет рассмотреть появление у этноса новых культурных форм и степень их включенности в саму систему культуры и жизнедеятельность этносообщества.

Отметим, что различные научные школы вкладывают свой смысл в понимание термина «культурогенез», что обусловило существование разных подходов к определению его смысловых границ. Поскольку в нашей статье акцент делается на прикладную этнологию, то мы лишь обозначим подход, которого придерживались в процессе изучения культурогенеза гагаузов. В осуществленных нами этнологических исследованиях культурогенез рассматривается через призму процессов коммуникации одного этноса с другими проживающими по соседству народами и адаптации к новым историческим, социально-экономическим, природно-географическим условиям и этнокультурному ландшафту, в ходе которых у него сформировались характерные этнокультурные маркеры. Иными словами, под культурогенезом мы понимаем процесс трансформации и развития культуры определенного этноса в конкретных исторических условиях, а также выработанные им способы ее трансмиссии.

Процесс этнокультурного взаимодействия, являющийся частью истории, этногенеза и культурогенеза многих народов, имеет глубокие исторические корни, особенно в ряде регионов и этноконтактных зон. Многие этносы веками живут по соседству, и процесс этнокультурного взаимодействия у них давний и довольно глубокий. Отсюда следует,

что вопрос об изучении культурных заимствований и межкультурных взаимодействий имеет особое значение.

Для этнологов важнейшим средством получения информации об этнических свойствах изучаемых объектов остаются полевые исследования. Учитывая, что этносы постоянно контактируют друг с другом, то в качестве объекта исследования для этнолога выступают как существующие формы историко-культурных взаимодействий с другими этническими общностями в пределах историко-этнографических областей, так и отражение результатов таких контактов в культуре изучаемого этноса. Поэтому в качестве объекта полевой этнографии следует рассматривать «локальные подразделения ныне существующих народов с учетом их историко-культурных связей с соседними народами» [18].

В связи с этим, одним из наиболее актуальных в этнологии вопросов является необходимость кооперации с представителями смежных наук, без чего просто невозможен научный подход к анализу динамики некоторых сторон народной жизни [10, с. 77]. *Междисциплинарный подход* позволяет значительно полнее раскрыть исследуемую проблему и сделать более глубокие выводы, в том числе о наличии архаических элементов в той или иной области традиционной культуры, о степени межкультурного взаимодействия и культурных интерференций.

Всестороннее изучение традиционной культуры возможно только с привлечением полевых материалов, относящихся к различным дисциплинам: этнографии, социальной и культурной истории, лингвистике, фольклористике, юриспруденции, религиоведению и др. При этом, как подчеркивал Л. Февр, речь идет не только о заимствовании понятий, но, прежде всего, о заимствовании методов и духа исследования. Он отмечал, что «крупные открытия чаще всего совершаются на стыке наук» [21, с. 20, 97].

Нередко при изучении одной области исследователь сталкивается с необходимостью сбора и анализа данных по смежным дисциплинам или использования характерных для них методов сбора источников. Например, изучение календарной обрядности невозможно без изучения обрядового фольклора, а исследование соционормативной культуры ставит перед исследователем задачу сбора и анализа материалов по терминологии родства и семейно-родственным взаимоотношениям, выявлению элементов обычного права в фольклоре и т.д. Фольклорные и лингвистические данные играют важную роль в изучении этнических взаимодействий. Мифология и

фольклор рассматриваются исследователями как важный источник для изучения этнических взаимодействий.

Необходимость кооперации этнологов с представителями смежных наук отмечалась многими учеными еще в последней четверти XX в.: «Без их участия сейчас зачастую невозможен научный подход к анализу динамики некоторых сторон народной жизни». При этом особое внимание этнологами должно уделяться изучению не только взаимовлияний, но и взаимоотталкиваний [1, с. 75–76].

В связи с развитием «новой исторической науки» разработан и применяется целый спектр междисциплинарных методов: контент-анализа, конкретно-социологического анкетирования (метод устной истории), моделирования, количественные (математические), историко-психологический, психоаналитический, картографический, лингвистический, историко-этнографический, этнопсихологический, историко-демографический, историко-биологический, историософский, историко-экологический, экономический, социокультурный, культурологический, космологический (космического детерминизма Л. Чижевского), религиозно-интуитивистский (метаисторический), метод «вживания» («вчувствования в эпоху»), метод выявления «трансцендентального характера предмета» и др. [19].

Таким образом, использование в этнологических исследованиях междисциплинарных методов и принципа историзма позволяет делать более глубокие и обобщающие выводы о наиболее устойчивых элементах народной культуры, культурном коде, этнических традициях и процессах, которые служат основой для сохранения ядра народной культуры.

Конкретизируя заявленную нами тему, отметим, что изучение динамики культуры, а также влияния на нее социокультурных факторов и иноэтничного окружения является актуальным особенно для многих малочисленных и младописьменных народов, вопрос о происхождении которых по-прежнему остается неразрешенным. Одним из таких этносов, проблема этногенеза которых до настоящего времени остается загадкой, являются гагаузы – малочисленный тюркоязычный и православный народ. Из более 20 существующих гипотез о происхождении гагаузов [10; 13], основными являются три: «тюркская», «болгарская» и «турецкая». Наиболее распространенной является точка зрения о тюркских корнях в этногенезе гагаузов (конгломерат различных северотюркских кочевых племен, осевших на Балканах в XI–XIII вв.). Многие болгарские ученые придерживаются гипотезы о том, что гагаузы – это болгары, утратившие в период

османского завоевания свой родной язык – болгарский, но сохранившие веру – православие. В пользу данной гипотезы свидетельствует значительное сходство гагаузской традиционной обрядности с болгарской и другие данные. Турецкие ученые считают гагаузов турками, сохранившими тюркский язык, но предавшими веру.

Сложность изучения проблемы этногенеза заключается не только в том, что до сих пор не выявлены или должным образом не интерпретированы археологические памятники, непосредственно относящиеся к этнической истории народа, но и в их дисперсном проживании на территориях различных государств (Молдовы, Украины, Болгарии, России, Греции и Румынии), а также в том, что этноним «гагаузы» встречается лишь с середины XIX в. Это подвигло нас на исследование проблемы их этногенеза через культурогенез (путем изучения происхождения культуры народа), который, наряду с антропогенезом (биологическое происхождение народа) и глоттогенезом (происхождение языка народа), является составной частью современной методики исследований процессов складывания и становления этнических общностей.

Исследования российских, молдавских и украинских ученых по антропологическому облику гагаузов, дерматоглифике, молекулярно-генетическим данным, ДНК маркерам пока не дали окончательного ответа. Тем не менее, ими делается однозначный вывод о том, что «гагаузы принадлежат к балканской популяции» [3]. Очевидно, при изучении вопроса этногенеза необходимо подключать данные по традиционной культуре, тем более что они могут служить важным этногенетическим источником, который в свою очередь требует объективной трактовки и научного объяснения. Однако ряд гагаузоведов изучает культуру и фольклор гагаузов в отрыве от других балканских народов. Делая чрезмерный акцент на тюркскости, они притягивают для этого этнографический и фольклорный материал (*в частности, по Волчьим праздникам и культуре волка* [11], *по дастанному эпосу, по традиционным блюдам и др.*).

Распространение в гагаузоведении в конце 90-х начале 2000-х гг. таких подходов поставило на повестку дня вопрос о необходимости разработки и обоснования иных исследовательских методов и подходов, которые позволили бы приблизиться к объективной трактовке этнической истории гагаузов через культурогенез. Поскольку гагаузский этнос находится в состоянии перманентной этнической мобилизации, то данная проблема остается актуальной.

Разрешение вопроса в значительной степени связано с методикой сбора полевого материала по традиционной духовной культуре

гагаузов. Так, нами была разработана программа-вопросник [16], позволяющая уточнить наличие и/или отсутствие в традиционной культуре исследуемого этноса того или иного обычая, обряда или элемента, которые распространены у соседних земледельческих народов, в частности те, что представлены в календарной обрядности проживающих по соседству болгар, но не зафиксированы в настоящее время у гагаузов.

Учитывая, что гагаузы тюркоязычные и православные, мы сравнивали все области их традиционной духовной культуры с обрядностью и фольклором тюркских народов, с одной стороны, и балканских православных народов, с другой стороны. Исследование изменений в данной области культуры дало возможность проследить не только степень сохранности гагаузами этнокультурных особенностей, но и степень их адаптации и аккультурации к иной среде и культурам соседних народов. Более того, удалось выявить устойчивые элементы традиционной культуры, служащие основой культурного кода гагаузов, а также этнокультурные маркеры.

В результате сравнительно-типологического изучения традиционной духовной культуры гагаузов были собраны данные, свидетельствующие о том, что она целиком вписывается в культуру православных народов Балкано-Дунайского региона. Это значительное сходство с обрядностью народов данного региона проявилось также в обрядности и мифологии, связанной в том числе и с волчьими праздниками и почитанием волка, ранее притягивавшимися некоторыми гагаузоведами без какой-либо научной аргументации к культуре исключительно тюркских народов.

Наряду с этим для изучения этнической истории гагаузов нами был разработан этнорегиональный подход [5; 6], суть которого сводится к необходимости исследования не всего региона, а истории и культуры определенной этнической группы в нескольких регионах. Это связано с тем, что чисто региональный подход не позволяет рассмотреть в комплексе проблему этнической истории и этногенеза малочисленного народа, части которого компактно проживают в различных географических регионах (вне пределов этнического ядра) в течение довольно длительного исторического периода [16].

Ввиду того, что первые упоминания о гагаузах в письменных источниках относятся к середине XIX в., рассмотреть процесс складывания этнической общности, формирования ее культуры и самосознания не представляется возможным без привлечения данных по другим группам гагаузов, раскрывающих региональные

особенности их этнической идентичности, социальных институтов и традиционной обрядности.

В ходе научных изысканий нами были выявлены и проанализированы региональные особенности, характерные для указанных групп гагаузов, появившиеся в результате длительного раздельного проживания, а также в ходе имевших место исторических процессов и межэтнических контактов. На основании полученных сведений рассмотрены адаптивные свойства народной культуры и ее роль на современном этапе. Помимо этого, благодаря собранному и проанализированному полевому и архивному материалу (из Национального архива Республики Молдова), удалось раскрыть особенности этнической и языковой идентификации, характерные для бессарабских и других групп гагаузов, а также значимость для них религиозной идентичности. В ходе исследования рассмотрены вопросы, связанные с процессом становления этнонима «гагауз» и глоттонима «гагаузский язык».

Использование этнорегионального подхода при изучении культурогенеза позволило взглянуть на проблему этногенеза гагаузов с другой стороны. Суть разработанного нами научного направления, обозначенного как «этнорегионалистика» [17, с. 338–341], заключается в симбиозе двух подходов – этнического и регионального, а также в междисциплинарности и многоуровневом анализе данных различных гуманитарных дисциплин. То есть, первоначально изучается основной этнический массив (этническое ядро): история поселения, способ социальной организации, самосознание, традиционная культура, особенности адаптации и взаимодействия с соседними этносами и др. Затем на основе историко-сравнительного метода исследуются «внешние» региональные группы этого этноса, то есть самосознание и этническая культура изучаются во времени и пространстве, синхронно и диахронно. Это позволяет выявить как основные компоненты этнического ядра культуры, так и свойственные ей региональные особенности. Если конкретизировать данный подход на основе гагаузской проблематики, то в качестве этнического ядра выступают гагаузы Молдовы (наибольшие по численности и добившиеся признания своей государственности в рамках Республики Молдова – этнотерриториальной автономии – Гагауз Ери). Этнорегиональными группами являются гагаузы Болгарии, Греции, Украины, Северного Кавказа, Казахстана и др.

В результате осуществленного нами междисциплинарного и этнорегионального исследования удалось установить, что форма и содержание традиционной духовной культуры гагаузов представляют

собой общебалканское явление, что подтверждает гипотезу о балканском происхождении гагаузского этноса. Вместе с тем анализ результатов процесса взаимоотталкиваний культур показал, что некоторые главные земледельческие обряды, характерные для соседних земледельческих народов, не были включены в традиционную обрядность гагаузов [4]. Кроме того, для гагаузов характерны определенные психологические особенности, отличающие их национальный характер от близких по культуре болгар. Полученные данные дают основание говорить как о факторе влияния тюркского языка на менталитет гагаузов, так и об особенностях формирования их генотипа.

Таким образом, через обоснование использованных методов и методики этнологических исследований в области традиционной духовной культуры гагаузов [4–16] мы выдвинули тезис о том, что анализ их этногенеза невозможен без рассмотрения процессов культурогенеза, без учета региональных особенностей в области языка, культуры и самосознания, свойственных различным группам этого этноса, проживающим в настоящее время в разных географических регионах и государствах. Всестороннее исследование этнорегиональных и этнокультурных особенностей может стать ключом не только к изучению функционирования генетического механизма культуры в прошлом, но и к объяснению ее феноменов в настоящем.

Литература

1. Автономова Н. С., Караулов Ю. Н., Муравьев Ю. А. Культура, история, память (О Некоторых тенденциях новейшей французской историко-методологической мысли) // Вопросы философии. 1988. № 3. С. 71–87.
2. Герд А. С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон // Псковский регионологический журнал. 2013. С. 107–116.
3. Дубова Н. Антропологический облик гагаузов // Гагаузы в мире и мир гагаузов. Т. 1. Гагаузы в мире. Ред М. Н. Губогло. М., 2012. С. 467–474.
4. Квилинкова Е. Н. Гагаузский народный календарь. Chişinău: Pontos, 2002. 184 с.
5. Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău: Pontos, 2005. 308 с.

6. *Квилинкова Е. Н.* Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.
7. *Квилинкова Е. Н.* Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев: Elan Inc, 2010. 390 с.
8. *Квилинкова Е. Н.* Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011. 568 с.
9. *Квилинкова Е. Н.* Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев-Благовград: Tip. Centrală, 2012. 600 с.
10. *Квилинкова Е. Н.* Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат–София, 2013. Tip. Centrală, 2013. 872 с.
11. *Квилинкова Е. Н.* Культ волка у гагаузов сквозь призму этнокультурных символов. Кишинев: Tip. Centrală, 2014. 472 с.
12. *Квилинкова Е. Н.* Курбан у гагаузов (Архаическая современность). Кишинев: Tip. Centrală, 2015. 488 с.
13. *Квилинкова Е. Н.* Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.
14. *Квилинкова Е. Н.* Хаджылык у гагаузов как религиозный и этнокультурный феномен: от прошлого к настоящему. Кишинев: Tipogr. Centrală, 2017. 420 с.
15. *Квилинкова Е. Н.* Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации. Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020. 344 с.
16. *Квилинкова Е. Н.* Методика и практика этнологических исследований (научно-методическое пособие). Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020. 224 с.
17. *Квилинкова Е. Н.* Этнорегиональный подход в изучении этнической истории гагаузов в контексте этно-регионалистики как нового научного направления в гагаузоведении // Международная научно-практическая конференция «Наука, образование, культура», посвященная 30-й годовщине Комратского государственного университета. Сборник статей. Т. 2. Комрат: КГУ, 2021. С. 338–341.
18. *Козьмин В. А.* Полевая этнография. СПб.: СПбГУ, б. г. URL: <https://textarchive.ru/c-1022660-pall.html> (дата обращения: 20.07.2019).
19. Междисциплинарные методы исследования. URL: <https://leksii.org/17-24309.html> (дата обращения: 19.11.2019).

20. Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Ванштейна по проблемам полевых исследований (Г. В. Старовойтова, В. И. Козлов, А. Н. Жилина, Г. Н. Грачева) // Советская этнография. 1985. № 4. С. 67–77.
21. *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.

УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В АВТОНОМНЫХ ОКРУГАХ, НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ И ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кузина Н. В. (Москва, Россия)

Исследование проводится в рамках Государственного задания ЦИПБ РАН на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годы (НИР 0006–2020–0005).

Аннотация: *События 2020–2021 гг. показали, что общая неудовлетворенность уровнем жизни, обострившая в силу пандемического кризиса, а также манипулятивные инфоповоды негосударственных СМИ, в том числе выполняющих функции иностранного агента или организаций, являющихся экстремистскими, сделали реальной угрозой внутривнутриполитической дестабилизации. В исследовании, завершеном автором в декабре 2020 г. были проанализированы статистические данные различных министерств и ведомств, находящиеся в открытом доступе, за первую половину 2020 г., выделены с использованием корреляционного анализа профили регионов с риском роста социальной напряженности. События начала 2021 г. подтвердили тот факт, что угроза социальных взрывов существует прежде всего в регионах, где помимо социальной напряженности, имеется выраженная этнокультурная напряженность, а также тенденции к сепаратизму. Данные регионы становились в начале 2021 форпостом возможного распространения протестных тенденций.*

Ключевые слова: *внутренняя политика, поликультурные регионы, безопасность, пандемия, регионоведение, социальная напряженность, дестабилизация*

THE LEVEL OF SOCIAL TENSION IN AUTONOMOUS DISTRICTS, NATIONAL
REPUBLICS AND BORDER TERRITORIES AS A FACTOR OF
DESTABILIZATION OF THE INTERNAL POLITICAL SITUATION IN THE
POLYETHNIC REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kuzina N. V. (Moscow, Russia)

Abstract: *Events 2020–2021 showed that the general dissatisfaction with the standard of living, exacerbated by the pandemic crisis and manipulative news, feeds of non-state media, including those performing the functions of a foreign agent or extremist organizations, made a real threat of internal political destabilization. The study, completed by the author in December 2020, analyzed the publicly available statistical data of various ministries and departments for the first half of 2020, using correlation analysis to identify the profiles of regions with a risk of increasing social tension. The events of early 2021 confirmed that the threat of social explosions exists primarily in regions where there is a pronounced ethnocultural tension and a tendency towards separatism and social tension. At the beginning of 2021, these regions became an outpost of a possible spread of protest trends.*

Keywords: *internal politics, multicultural regions, security, pandemic, regional studies, social tension, destabilization*

В настоящее время все более актуальными в связи с разворачивающимся экономическим и социальным кризисом [4–9, 14–16] становятся методики прогнозирования социальной напряженности в регионах Российской Федерации с целью своевременных мер, принимаемых региональными и федеральными органами власти с целью обеспечения социальной безопасности [3; 10; 13]. Одной из разновидностей социальной напряженности является этно-социальная напряженность, особенно значительная в исторически полиэтничных регионах Российской Федерации, а также в крупных городах и в субъектах Российской Федерации с высокой активностью потока внешних мигрантов [11; 12]. Феномен социальной напряженности рассматривается как триггер кардинальных, необратимых изменений в государственной социально-политической и экономической системах или скрытая, латентная форма бытования явления, обозначаемого как «социальный конфликт». Предметом изучения является то, как именно объективные предпосылки (цифровые, статистические репрезентации явлений в экономике, демографии, образовании, культуре, медицинском обслуживании, экологии и других сферах региональной жизни региона, обработанные с помощью статистических операций в рейтинги, коэффициенты и др.) могут коррелировать друг с другом и вызывать явление социальной напряженности как особого состояния

общества, населения региона, проявляющегося в поведении (в том числе – в росте преступности, безответственном кредитном поведении, снижении мотивации к труду и т. д.), а также то, как с помощью изучения массивов объективных статистических показателей возможно прогнозирование зон дестабилизации в регионах Российской Федерации. Даже с учетом возможной неполноты, проанализированные с помощью методов математической статистики официальные данные указывают на важнейшие закономерности возможных в будущем процессов, несущих потенциальные угрозы.

Особое внимание, как отмечают зарубежные ученые, необходимо уделять влиянию неблагоприятных условий пандемии на уровень стресса у широких рабочих масс. Комфортность труда и трудовых отношений помогает снизить общее напряжение, ситуационную тревожность, выработать адаптивные стратегии преодоления пандемического стресса [2]. Тенденции к дестабилизации возникают прежде всего в силу ситуации, вызывающей панику и фобии, и неопределенности будущего, как при отсутствии, так и в случае противоречивости поступающей информации. В подобных условиях социум склонен, как правило, ментально конструировать и поддерживать затем в актуальном состоянии наиболее катастрофичные варианты сценариев будущего, забывая трансформированную в соответствии с новыми реалиями формулу Екклесиаста (1, 2; 12, 8): «Помните, что это не первая и не последняя пандемия. Все проходит, и это пройдет» [1].

Были проанализированы 70 показателей экономической, финансовой, демографической, социальной ситуации в регионах Российской Федерации за первое полугодие 2020 г., а также сведения о динамике внешней миграции, преступности, образовании, медицине, прожиточном минимуме, тратах домашнего хозяйства и др. по регионам Российской Федерации с целью выявления наиболее уязвимых регионов в части возможного роста социальной напряженности. Использовались официальные статистические сведения, предоставляемые по регионам ГУ МВД, Генеральной Прокуратурой России, Росстатом России, Минобрнауки России, Минздрава России и др. [10, с. 166–206].

Проблема социальной напряженности, предвещающей этап «открытого социального взрыва», может быть изучена с помощью ряда приемов и подходов, распределенных по двум направлениям: 1) через изучение умонастроений и комплексов идей (заведомо не точный и не верифицируемый путь), 2) через изучение комплекса взаимосвязанных разнородных показателей официальной статистики

и ряда отчетов федеральных органов исполнительной власти, судебной практики, отчетов региональных администраций, отражающих результаты экономической активности и жизни регионов. В разное время отечественные исследователи, опирающиеся на материал постсоветской России, делают выводы об отсутствии «научно обоснованной политики региональных социально-экономических преобразований». Отмечается, что до сих пор принципиально не определены и не сформулированы основополагающие подходы в прогнозировании и предупреждении социальных конфликтов, как на региональном, так и на федеральном уровнях управления. И, как следствие этого, допускаются ошибки в управленческой деятельности в различных регионах страны, что приводит к появлению острых проблем в политической, экономической и социальной сферах.

При анализе социальной напряженности мы рассматривали данное явление как модель, включающую а) объект – личности (группы личностей, коллективы, общности, население региона) и их ценностно-мотивационную модель, иначе – мировоззренческие установки, менталитет, а также особенности психоэмоционального реагирования на раздражители внешней среды и на изменения внешних условий жизни, б) условия – предпосылки возникновения социальной напряженности (условия жизни – экономические, политические, демографические, сферы образования, медицинского обслуживания, культуры, дорожного строительства и т.п. показатели), в) актор (манипулятор) – третья сила (сообщества, организации, конкретные идеологи, имеющие целью дополнительное информирование личности/населения в связи с формирующимися настроениями по сравнению с тем, что становится очевидным лицу в процессе частной повседневной жизни и бытовых занятий (СМИ, институты гражданского общества, НКО, общественные группы, партии, лидеры) [13].

Данные, как меняющиеся в хронологической перспективе (население региона, количество умерших и родившихся, рабочей силы, вакантных рабочих мест, мигрантов и др.), так и достаточно постоянные (территория, количество учреждений высшего образования, количество больничных учреждений, оборот пищевых продуктов, потребление на члена семьи, количество домохозяйств) были обработаны с помощью непараметрических методик математической статистики (в данном случае – корреляционный анализ, коэффициент корреляции Спирмена, пакет STATISTICA 13).

Гипотеза исследования: рост социальной напряженности потенциально предполагаем в регионах, где суммарные показатели

экономической активности, демографии и социальной жизни будут резко отклоняться от средних значений, то есть 1) в регионах «донорах» и условно независимых от центра, а также 2) в регионах «дотационных», имеющих наиболее низкие показатели. Мы предполагали, что более всего социальная напряженность может зависеть от показателей закредитованности населения (кредитной нагрузки), а также процента расходов на питание в общих доходах домохозяйства. Чтобы прогнозирование и профилактика социальной напряженности были эффективными, необходим методологически и методически выверенный алгоритм расчетов комплексных показателей, указывающих на рейтинг региона – как в части экономики, так и в сфере эффективности социальной политики.

В процессе исследования были предварительно выявлены два основных профиля и семь подпрофилей регионов с риском роста социальной напряженности. Из них первый профиль представляют четыре подпрофиля (1а, 1б, 1в, 1г), характеризующие регионы с высоким уровнем потребления и более высоким уровнем жизни, существенными потоками внешних трудовых мигрантов, адекватными отчислениями в региональный и федеральный бюджеты, развитыми мерами социальной поддержки населения, однако и с высокой закредитованностью населения [10, с. 166–206]. Три подпрофиля (2а, 2б, 2в) представляют второй профиль и описывают беднейшие регионы, характеризующиеся низким уровнем жизни населения, низкой оплатой труда, высокой безработицей, высокими расходами на питание, высокой преступностью, большим числом учащейся молодежи, высокой демографической нагрузкой [10, с. 166–206]. Первый тип профиля регионов имеет тенденцию к росту не только социальной, но и этно-социальной напряженности, проявляющейся в том числе и в повышении количества преступлений против иностранных граждан. Второй тип профиля региона имеет тенденцию к росту числа экстремистских преступлений. Остановимся на нескольких критических для социальной стабильности показателях.

Акты терроризма. Количество террористических преступлений растет в тех регионах Российской Федерации, где наблюдается также и рост преступлений против иностранных граждан и лиц без гражданства, то есть в субъектах Российской Федерации, где констатируется выраженная этнокультурная напряженность или имеются высокие значения притока внешних трудовых мигрантов. Наибольшее число террористических преступлений регистрируется также в тех регионах, где: более всего безработных трудоспособного возраста в целом и за первое полугодие 2020 г., где за данный период

оказалась наиболее низкой средняя начисленная заработная плата, имеется максимальное число студентов и организаций высшего образования, а также наиболее высок оборот пищевых продуктов (по росту их оборота можно выявить, очевидно, в том числе и число нелегалов, не стоящих на миграционном учете). Количество террористических преступлений растет в регионах Российской Федерации при снижении прожиточного минимума, снижении стоимости набора минимального товаров и услуг, при высокой обеспеченности домохозяйств доступом в сеть Интернет.

Протестная активность. Количество экстремистских преступлений выше в регионах, где также имеется большое количество безработных, учащейся студенческой молодежи, неработающих пенсионеров (таким образом, высока демографическая нагрузка на работающее население), в регионах с большим процентом расходов домохозяйств на питание, с меньшей общей задолженностью домохозяйств, низкой средней заработной платой и высоким оборотом пищевых продуктов. Чем выше доход домохозяйств и одновременно стоимость минимальной корзины продуктов и услуг, а также прожиточный минимум в регионе, тем меньше преступлений экстремистского характера, как правило, совершается.

Уровень расходов на питание и закредитованность населения. Задолженность домохозяйств в регионе не всегда является отражением уровня бедности: она неожиданно повышается в регионах при росте общего дохода домохозяйства и при росте процента затрат домохозяйства на транспорт и отдых: чем состоятельнее регион и чем ближе его население в уровне доходов к условному «среднему классу». Аналогичная тенденция к закредитованности существует в регионах, имеющих высокий валовый доход. Можно предположить, что, в 2020 г. особенно, население пытается поддержать высокий уровень жизни с помощью кредитов, несмотря на экономический кризис. Высокая закредитованность домохозяйств в настоящее время свойственна регионам с высоким уровнем доходов населения и привычкой к «раскредитованному» потреблению. И, наоборот: чем больше домохозяйство тратит на питание (чем выше уровень бедности региона), тем ниже его закредитованность.

Безработица. С уменьшением оплаты труда и со снижением стоимости минимальной потребительской корзины, расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг, а также с повышением доступности социальных благ и гарантированного бесплатного медицинского обслуживания в регионах, как правило, отмечается повышение числа безработных. Работоспособное население может

отказываться от труда (или уходить в «серую» зону), если большой его процент получает высшее образование или только что завершил процесс обучения, если работодатель в силах обеспечить официальную заработную плату не выше 20–30 тыс. рублей. Можно, очевидно, констатировать факт наличия «протестной безработицы» в регионах с хорошо развитой социальной сферой и низкой оплатой труда.

Исследование было завершено в декабре 2020 года. События начала 2021 года смогли продемонстрировать перспективную силу данной методики. В реалиях конца 2020 – первой половины 2021 гг. также важнейшую роль сыграли инфоповоды, формируемые в регионах «акторами» с целью усиления социальной напряженности. Прежде всего указанные выше факторы и выявленные закономерности сыграли роль в разворачивающихся событиях в регионах Сибири, Дальнего Востока и в поликультурных субъектах Российской Федерации, имеющих выраженные тенденции к обособлению. Средняя полоса России, а также Черноземье, не проявили высокого уровня протестной активности, за исключением двух городов – Москвы и Санкт-Петербурга.

Данный феномен перерастания социальной напряженности в купированный социальный взрыв был подготовлен существующей в регионах Зауралья, Сибири, Дальнего Востока и национальных республиках и автономных областях актуальной повесткой, проявившейся вследствие влияния экономических, социальных, демографических факторов.

Литература

1. *Chaudhury S., Pooja V., Thakur M., Saldanha D.* COVID 19 Pandemic Anxiety and its Management. *Acta Scientific Neurology*. Vol. 3 Issue 8, August 2020.
2. *Pereira M. M., Rodrigues A., De Carvalho Chinelato R. S., Ferreira M. C.* Anxiety and coping strategies during the Covid-19 pandemic: The mediating role of positive attitudes at work. *Estudos de Psicologia (Natal)*. 2020. 25 (2). P. 167–176.
3. *Арушев А. М.* Влияние пандемии на экстремизм: Правовой обзор и возникновение новой детерминанты// Евразийский юридический журнал. 2021. № 2(153). С. 399–400.
4. *Заляев А. Р., Шаммазова Е. Ю.* COVID-19 VS трансформация системы здравоохранения// Социальные процессы современной России: Международная научно-практическая конференция. В 2 т., Нижний Новгород, 19–20 ноября 2020 года. Нижний Новгород: ООО «НИСЦН», 2020. С. 277–281.

5. *Зубаревич Н. В.* Пандемия и регионы: Итоги января-августа 2020 г. // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 11. С. 91–95.
6. *Зубаревич Н. В.* Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов// Вопросы теоретической экономики. 2021. Т. 10. № 1. С. 48–60.
7. *Зубаревич Н. В.* Региональные риски нового кризиса для занятости и бюджетов регионов// Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 7 (109). С. 3–13. URL: <https://publications.hse.ru/articles/407362133> (дата обращения: 10.06.2021).
8. *Зубаревич Н. В., Макаренцева А. О., Мкртчян Н. В.* Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие регионов России в первой половине 2020 г.// Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 10. С. 73–88.
9. *Зубаревич Н. В., Хасанова Р. Р.* Рождаемость, смертность населения и положение регионов в начале второй волны пандемии// Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 77–87.
10. *Кузина Н. В.* Выявление типовых профилей регионов с тенденцией к росту социальной напряженности на основе анализа данных статистики субъектов федерации (первое полугодие 2020 г.)// Наука Красноярья. Том 9. № 4. 2020. С. 166–206.
11. *Кузина Н. В.* Потоки внешней миграции в эпоху пандемии (I полугодие 2020 г.) в субъектах Российской Федерации как показатель социального благополучия, ресурс демографии и экономического развития региона: правовое и неправовое поле// Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 4. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2021. 739 с. С. 640–653. URL: <http://ukros.ru/archives/25625> URL: <http://rkpr.inion.ru/>
12. *Кузина Н. В.* Преступность и внешняя миграция в регионах Российской Федерации как индикатор для изучения социальной и этно-культурной напряженности, а также риска распространения террористической и экстремистской идеологии: Уязвимые субъекты Федерации (I-е полугодие 2020 г.). Бюллетень науки и практики, 2020. Т. 6. № 10. С. 278–298.

13. *Кузина Н. В.* Прогнозирование зон социальной напряженности на основе анализа данных региональной статистики// Международный правовой курьер. 02.08.2020.
14. *Меджидов З. У.* Влияние новой коронавирусной инфекции на безработицу в Северо-Кавказском федеральном округе// Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3(449). С. 126–134.
15. *Разумовский Д. Ю.* Профили финансового и потребительского поведения населения под влиянием пандемии COVID-19 как триггера дестабилизации макроэкономической конъюнктуры // Финансы и кредит 2021. Т. 27. № 2(806). С. 417–429.
16. *Семина Т. В., Тыртышный А. А.* Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: Социальные и правовые аспекты// Образование и право. 2020. № 7. С. 11–20.

СОВРЕМЕННАЯ ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Кузнецова Ю. В., Кузнецова А. С. (Саранск, Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности государственной туристической политики России. Анализируются вопросы, поднимающиеся в регламентирующих сфере туризма документах: Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.», национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства». Выявлены проблемы развития туристической индустрии в Республике Мордовия и направления деятельности региональных властей по их решению.

Ключевые слова: туризм, туристическая политика, туристическая индустрия, экономика, национальный проект, Республика Мордовия

MODERN TREND TOURISM DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Kuznetsova Yu. V. Kuznetsova A. S. (Saransk, Russia)

Abstract: The article discusses the features of the state tourism policy of Russia. The issues raised in the documents regulating the tourism sector are analyzed: the Decree of the Government of the Russian Federation «On the Strategy of Tourism Development in the Russian Federation for the period up to 2035», the national project «Tourism and the Hospitality Industry». The problems of the development of the tourism industry in the Republic of Mordovia and the activities of the regional authorities to solve them are identified.

Keywords: tourism, tourism policy, economy, national project, Republic of Mordovia

Государственная туристическая политика нацелена на развитие туристической индустрии, что подразумевает рациональное использование туристических ресурсов, повышение эффективности функционирования туристической отрасли, и, как результат, укрепление на этой основе социального, политического, культурного и экономического потенциала страны. Сфера туризма представляет собой комплекс текущей деятельности, выражающейся в оперативном регулировании туристического рынка и долгосрочном стратегическом планировании, которое подразумевает весомые затраты времени, капитала, часто приводящие к структурным изменениям всей туристической отрасли. На основные принципы регулирования индустрии туризма, безусловно, влияет общая направленность

политики государства, однако значимое воздействие оказывают и присущие туристической сфере специфические факторы: климатические условия; доступность объектов, наличие развитой инфраструктуры и многие другие социокультурные и экономические особенности туристического объекта.

В настоящее время развитие туристической отрасли в России признано одним из приоритетных направлений политики государства. Туризм способствует сохранению исторического, культурного потенциала и содействует развитию международного и межкультурного диалога. Кроме того, он стимулирует многие секторы экономики, привлекая разнообразные инвестиции, создавая значительное количество рабочих мест, увеличивая базу налогообложения.

По словам специалиста в области туризма, эксперта Международной Академии Менеджмента Елены Никольской, «в условиях пандемии и закрытия границ во многих странах, необходимость переориентации потока международного выездного российского туризма на развитие внутреннего туризма очевидна, тем самым подводя к необходимости быть готовыми удовлетворить потребности иностранных и внутренних туристов в области или регионе пребывания» [4].

Если рассматривать вклад от туристической индустрии в экономику, то Россия на сегодняшний день значительно отстает от других стран – от 1,5 – 3 % в 2020 году. Мировые лидеры по экспорту туристических услуг от туристической индустрии: Китай –13 %, США –8 %, Франция, Испания, Гонконг – до 6 %. Всемирная торговая организация прогнозирует, что число туристов к 2025 году вырастет до 2 млрд человек в год.

Традиционно популярными направлениями для россиян и зарубежных туристических потоков остаются: Москва, Санкт-Петербург, курорты Краснодарского края, Крым, Кавказские минеральные воды, Калининградская область с пляжами Балтики, Карелия, Кавказ, Байкал, Камчатка, Алтайский край.

Основные направления развития отечественного туризма нашли отражение в ряде официальных документов.

В 2019 году правительством Российской Федерации было подписано Распоряжение «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» [1]. Даная программа состоит из четырех частей, охватывающих широкий круг вопросов развития туризма в России: современное его состояние и потенциал, ключевые задачи и цели в зависимости от их направлений,

инструменты развития туризма, анализ сценария развития туризма в России и риски реализации данной Стратегии» [3, с. 165].

Весной 2021 года в Координационном центре Правительства России был представлен новый национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», состоящий из трех федеральных проектов: «Развитие туристской инфраструктуры», «Повышение доступности туристских услуг», «Совершенствование управления в сфере туризма». Документ направлен на комплексное развитие туристической отрасли страны, в результате чего до 2030 года, благодаря инструментам проекта, планируется увеличить туристический поток с 65 до 140 млн поездок по стране в год, в два раза увеличить количество рабочих мест в отрасли – до 4,7 млн рабочих мест и экспорт туристических услуг – до 22,5 млрд долларов. Главная цель проекта – «обеспечить возможность качественного и доступного отдыха в России для всех граждан. И прежде всего, для семей с детьми. В рамках национального проекта вопросу семейного отдыха уделяется самое большое внимание. Мы исходим из того, что наши дети должны регулярно путешествовать по стране, укреплять здоровье на российских курортах и расширять кругозор, узнавая много нового. Уже в этом году на отдых в стране на льготных условиях – с компенсацией 50 % стоимости путевки – отправится 357 тысяч детей. В горизонте 10 лет каждый ребенок будет иметь возможность два раза в год путешествовать по России» [2].

В проекте представлены направления, по-новому выстраивающие туристическую отрасль: совершенствование законодательства, подготовка современных кадров, развитие детского отдыха, актуализация системы информирования о направлениях, маршрутах, достопримечательностях, в т.ч. с помощью цифровых решений. Проект содержит комплекс мер, стимулирующих развитие туристической инфраструктуры: от строительства и реконструкции отелей до обустройства туристических маршрутов, городской туристической среды, пляжей, кемпингов и многого другого. Инструментарий направлен на создание новой современной туристической инфраструктуры за счет привлечения в отрасль крупных инвесторов, для которых предусмотрены льготные кредиты. За счет данной меры Ростуризм планирует до 2024 года ввести в эксплуатацию 4 тыс. новых гостиничных номеров под российскими и международными брендами на популярных курортах.

Большой блок работы в проекте связан с перезапуском сети туристических маршрутов в стране. В Ростуризме планируется

аккредитовать и помочь оборудовать за счет субсидий (грантов) более 1000 туристических маршрутов во всех регионах страны.

Одна из ключевых мер в проекте, носящая инновационный характер, – создание туристических мастер-планов целых территорий, а не отдельных кластеров. Данный подход предусматривает экстерриториальность и межрегиональность. На этом основании разрабатывается туристический мастер-плана всей России, что подразумевает пространственное планирование туристических макротерриторий. На данный момент выделено 12 макротерриторий, составляющие туристический «каркас» страны.

Необходимо отметить, что наметившаяся в туристической сфере тенденция к межрегиональности, не умаляет историческую ценность территории регионов России, их природного и культурного потенциала. А для самих регионов туризм остается перспективным фактором социокультурного и экономического развития, оказывая мультипликативный стимулирующий эффект на другие отрасли. Таким образом, основной задачей региональных органов власти выступает разработка комплексной программы стратегии развития сферы туризма как важной составляющей раскрытия потенциала региона.

Развитие туристической индустрии в настоящее время становятся одним из приоритетных направлений политики Республики Мордовия. При этом констатируется недостаточная эффективность данной области деятельности: малая доступность объектов туризма для посещения в разные сезоны, слабая работа по созданию в г. Саранск новых зон притяжения для гостей из других регионов и т.п.

Основным вектором совершенствования туристической сферы является повышения туристической привлекательности Республики за счет разработки новых, интересных для туристов маршрутов. Особое внимание уделяется развитию паломническо-туристического кластера «Саранск – Темников – Санаксарь», в рамках которого планируется создавать туристскую инфраструктуру в Темниковском районе. Потенциал этой территории очень высок: Рождество-Богородичный Санаксарский монастырь, где захоронен адмирал Фёдор Ушаков, сохранившаяся архитектура XVII-XIX вв. в г. Темников, Мордовский государственный природный заповедник имени П. Г. Смидовича.

Национальный экопарк «Смольный» рассматривается как перспективное направление экологического и детского туризма. Несмотря на достаточную удаленность от Саранска, экопарк активно развивается и демонстрирует эффективное использование всех возможностей территории. На его площади действует современная

игровая площадка с палеонтологическими арт-объектами и тренажерами, новый визит-центр – многофункциональное пространство со множеством интерактивных зон для посетителей этих заповедных мест: интерактивный выставочный зал «Птицы и люди», учебный класс для детей, комната для переговоров, библиотека, посвященная природоохранным территориям России, сувенирная лавка, чайная, конференц-зал со сценой, современным звуковым, световым и мультимедийным оборудованием, рассчитанный на 150 мест. В дизайне территории отражена специфика этих мест: палеонтологические артефакты нескольких геологических эпох из коллекции музея национального парка, экосистемы хвойного леса, разнообразие флоры и фауны. Важным моментом является то, что все составляющие экопарка выполнены из природных материалов, а при разработке концепции акцент сделан на идентичность территории и особенности ландшафта.

Турами в «Заповедную Мордовию» планируется охватить Ичалковский, Большеигнатовский районы Республики Мордовия и Большеболдинский район Нижегородской области. Следует отметить, что «на территории Мордовии располагается более 100 охраняемых природных территорий, среди которых самыми известными являются Мордовский государственный природный заповедник им. П. Г. Сидовича, национальный парк «Смольный», Мордовский государственный природный заповедник, памятник природы – озеро Инерка. Уникальность данных объектов заключается в нахождении на их территории редких или вымирающих представителей флоры и фауны. На природных территориях предлагаются специальные экологические маршруты для туристов. Например, заповедник Сидовича, являясь туристическим оператором России, предлагает различные туры и экскурсии по специальным экологическим маршрутам. Также туристам доступно бронирование гостевых домов на кордонах заповедника. Данные природные объекты при грамотном использовании способны стать очагом экологического туризма на уровне всего Поволжья» [3, с. 169].

Интересным и многообещающим может стать развитие промышленного туризма. Так апреле 2021 г. состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Правительством Республики Мордовия и Агентством стратегических инициатив. Документ предусматривает взаимодействие в сфере развития промышленного туризма в регионе, который планируется вывести на новый уровень. В проект включились региональные компании из разных отраслей, от крупных производственных холдингов до небольших

агропредприятий: ГМ «Талина», предприятие «Ростр», сыроваренный завод «Сармич», Технопарк, ГТРК «Мордовия», ликероводочный завод «Саранский», пивоваренный завод AB InBev Efes. Новые туристские маршруты позволят не только расширить туристический поток в Республике, но и помогут в решении экономических задач данных производителей: продвижению продукции, расширению деловых контактов и каналов сбыта, профориентации и др. Мордовия имеет высокий потенциал в сфере промышленного туризма: мощные инновационные производства волоконной оптики и оптоэлектроники, светотехнического оборудования, строительных материалов, фармацевтики, вагоностроения, пищевой промышленности. С учетом выгодного расположения Республики в центре европейской России, развитие промышленного туризма в регионе имеет большие перспективы.

Важным вопросом повышения эффективности индустрии туризма в Мордовии является привлечение инвестиций со стороны бизнеса и государственное содействие в этом направлении. Региональными властями в качестве перспективных задач поставлены: продуманное планирование в работе конкретных территорий и объектов туризма, составление муниципалитетами туристических маршрутов, систематизация информации о туристических возможностях Республики, развитие инфраструктуры, активное включение в деятельность органов местного самоуправления.

Таким образом, можно констатировать, что туризм, являясь динамично развивающейся и высокодоходной отраслью экономики, выступает значимым фактором социокультурного и экономического развития российских регионов, в т.ч. Республики Мордовия, и способствует сохранению их природного и культурного наследия.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.
URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/> (дата обращения: 10.03.2020).
2. В Москве состоялась презентация национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».
URL: <https://tourism.gov.ru/news/17319/> (дата обращения: 04.06.2021).
3. *Кузнецова Ю. В., Кузнецова А. С.* Современные тенденции развития туризма в Республики Мордовия // Социальная

- интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов международной научной конференции. Вып. 9. Том 2. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020. С. 158–166.
4. Стратегия развития внутреннего туризма в России в 2021 году URL: <https://yandex.ru/turbo/welcometimes.ru/s/opinions/strategiya-razvitiya-vnutrennego-turizma-v-rossii-v-2021-godu> (дата обращения: 04.06.2021).

ЭТНИЧЕСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Леонтенкова Е. А. (Нижний Новгород, Россия)

Доклад подготовлен при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19–011–00820 (а)

Аннотация. В докладе рассматривается процесс изменения этнического правосознания под влиянием процессов цифровой глобализации, которая оказывает воздействие на самые разные элементы этнокультурной идентичности. Автор обращает внимание на необходимость осторожного и поэтапного внедрения цифровых инноваций в сфере этноэкономических, этнополитических процессов. В то же время в докладе говорится и о перспективах и возможностях, которые открывают цифровые технологии в деле сохранения этнокультурного наследия, преемственности этноязыковой и этнорелигиозной идентичности. Этническое правосознание автор рассматривает как один из важнейших элементов этнокультурной идентичности, что предполагает использование этнокультурной экспертизы для анализа законодательных инноваций в сфере цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая глобализация; этническое правосознание; этнокультурная идентичность; правовые архетипы; модернизация права

ETHNIC LEGAL AWARENESS IN COMDITIONS OF DIGITAL GLOBALIZATION

Leontenkova E. A. (Nizhniy Novgorod, Russia)

The publication was prepared with the financial support of the RFBR grant No. 19–011–00820 (a).

Abstract: The article examines the transformation of ethnic legal consciousness under the influence of digital globalization processes, which affects a variety of elements of ethnocultural identity. The author draws attention to the need for a careful and phased implementation of digital

innovations in the field of ethnoeconomic, ethnopolitical processes. At the same time, the report also draws attention to the prospects and opportunities that digital technologies open up in the preservation of ethnocultural heritage, ethno-linguistic and ethnoreligious continuity. Legal innovations in the digital economy and public administration can be used to preserve ethnocultural identity, but subject to their ethnocultural expertise.

Keywords: *digital globalization; ethnic sense of justice; ethnocultural identity; legal archetypes; modernization of the law*

Предпосылки и цели исследования. Цифровая глобализация является предпосылкой формирования совершенно нового типа общества и новой модели построения социума, о чем неоднократно говорили ведущие философы, политологи и социологи на протяжении последних трех-четырёх десятилетий [8–9; 15–17; 26–27]. Однако, ожидания и результаты цифровой глобализации в полной мере спрогнозированы не были: основные тенденции формирования сетевой культуры и сетевого общества, Big Date и Smart City все же не были спрогнозированы: процессы цифровой глобализации, унификация и стандартизация знаково-символических форм, ценностей и интересов людей в последние два десятилетия достигли такой величины, которая позволяет ставить вопрос о сохранении национальных государств и их суверенитета в будущем мире.

Руководство Российской Федерации видит в цифровизации экономики залог будущего процветания: «Миллиарды рублей будут направлены только на цифровую трансформацию государственного управления и перевод в электронный формат фактически всех государственных услуг. Большинство из них будут оказываться автоматически по факту возникновения жизненной ситуации у человека, в так называемом проактивном режиме» [23]. Этот процесс неизбежно предполагает перевод в цифровую плоскость самых разнообразных сфер общественной жизни, что не может не повлиять на национальную безопасность, включая этнокультурную безопасность, духовную безопасность, религиозную безопасность [20]. В этой связи необходимо обратить внимание на проблему сопряжения традиционного и цифрового обществ: вопрос о сохранении традиционных сообществ в цифровом государстве, об их этнокультурной безопасности в условиях цифровизации уже рассматривается рядом авторов как один из важнейших. При этом, исследователями обращается внимание на то, что в цифровом управлении традиционные знаково-символические формы хранения информации подвергнуты большой опасности и могут быть забыты. Правовые обычаи и экономическая жизнь отдельных этносов требуют

особой защиты. Особенно важно сохранить нормативные основания обычно-правовой практики ведения традиционных промыслов. Следовательно, обеспечение правовых гарантий этнокультурной идентичности народам России в условиях цифровизации становится важнейшим направлением юридических исследований.

Статистическая основа и методология исследования. В современной теории права созданы основные методологические заделы в исследовании этнического правосознания. Особую роль в его изучении играет социокультурный или цивилизационный подход к праву. Первоначально его направление складывалось в трудах Н. Н. Алексеева, Г. К. Гинса и других ученых, преимущественно в кругах русской эмиграции, в постсоветский период его предложили использовать для анализа правосознания А. М. Величко, В. Н. Синюков, А. И. Овчинников [4; 11; 12; 19; 25]. Последний выделил две основных парадигмы исследования правосознания – диалектико-материалистическую и социокультурную. При этом, в рамках социокультурной парадигмы совершенно в новом свете предстает социально-конструктивистская роль этнического правосознания в правовой жизни общества: правовые институты конструируются с одной стороны, в процессе опривычивания оптимальных коммуникативных форм взаимодействия, с другой стороны, определяются традициями конкретного социума, которые легко изменяются под воздействием целенаправленной переинтерпретации [21]. Важно учесть, что этническое правосознание оказывает определяющее влияние на усвоение и интерпретацию юридических понятий и категорий, отмечает ученый, что делает институциональную традицию легко уязвимой в ситуации межкультурной коммуникации. Этническое правосознание оказывается, в таком случае, комплексом нравственно-правовых установок, ценностей и идеалов желаемого права, обуславливающих существование правовых традиций, институтов и форм коммуникации. Такой подход, основывающийся на парадигмальной традиции Л. И.Петражицкого, указывающего в своей концепции интуитивного права на роль народных преданий, легенд, сказок, песен, фольклора в воспитании правосознания, дополненный социально-конструктивистской теорией правовых институтов, крайне необходим в анализе влияния цифрового мира на этническое правосознание.

Основные результаты. Цифровое развитие современного общества оказывает воздействие и на этническое правосознание, так как существуют глубокие различия между обществом информационным и обществом традиционным. Существует понятие

«цифрового разрыва»: культурного и социально-экономического неравенства между отдельными этносами [1], который играет важную роль для отражения противоречий, возникающих в ходе цифровой трансформации общества.

В цифровую эпоху существует потребность юридического оформления и фиксации особых мер, направленных на сохранение этнокультурной идентичности традиционных сообществ в условиях цифровых, информационных сдвигов в развитии человеческой культуры и цивилизации. Если цифровые технологии будут использованы для сохранения различных вариантов этнокультурной идентичности разных сообществ, то цифровая глобализация не будет отрицанием многообразия укладов и идентичности, то гомогенизация и унификация мира по глобальным эталонам «культуры досуга», американского стандарта «общества потребления», как об этом писал Александр Сергеевич Панарин, неизбежно отрицательно скажется на истории всего человечества [22].

Представляется, что на сегодняшний день принцип «единства в многообразии» как международно-правовой принцип недостаточно защищен нормами международного права. Пока его нормы обеспечивают защиту малочисленным народам и коренным этносам, ведущим традиционный образ жизни. Но в эпоху цифрового мира в большей опасности находятся крупные этносы, добившиеся построения национального государства. Крупные народы-этносы, построившие национальные государства в эпоху Нового времени и Модерна, испытывают жесточайший прессинг относительно своих цивилизационных оснований. Примером может являться Российская Федерация, в отношении которой постоянно раздаются упреки за неприятие ценностей англо-американской неolibеральной доктрины всеобщего дозволения. Ещё одним примером могут считаться Венгрия и Польша, которые сохранили свои традиционные ценности, закрепив их в своих Конституциях. Например, Основной Закон Венгрии 2011 года начинается со слов: «Боже, благослови венгров!», а в 2020 году в него внесли нормы, защищающие общество от пропаганды однополых браков [13]. Однако к народам этих государств постоянно выдвигаются упреки со стороны руководителей Евросоюза в том, что они не разделяют европейские ценности, которые стали синонимом разнузданности, греховности и вседозволенности. Различные вызовы европейской христианской идентичности привели к тому, что консервативно настроенные интеллектуалы и общественные деятели из Западной Европы выступили с обращением – манифестом к правящим элитам. Журнал VESPA опубликовал ранее перевод части

этого манифеста, с ним вы можете ознакомиться в материале «Парижская декларация. Европа, в которую мы верим» [6].

Групповые права, патриотизм, этноконфессиональная идентичность последовательно истребляются. Этому способствует и культура нигилизма (culture of repudiation), негативно влияющая на формирование европейской христианской идентичности будущих поколений. «Теперь, чтобы слыть порядочным человеком с «критическим мышлением», следует отрицать ценность всего своего – национальной политики и культуры и т.д. И это самодовольное нерелефлирующее сознание самим своим существованием отрицает традиционные ценности Модерна: интеллектуальную честность, объективность и дисциплину мышления. Культура нигилизма победила» [6].

Цифровые технологии жестко воздействуют на духовно-нравственные и правовые основы традиционного общества, где система коммуникации построена на свойственной каждому народу устойчивой системе языковой аргументации, коммуникативной матрице. Цифровое пространство трансформирует эти устойчивые матрицы и предлагает новую модель коммуникации, не учитывающую языковую матрицу каждого народа. Этническое правосознание зависит от коммуникативной матрицы, складывающейся под влиянием его традиционных ценностей, жизненно важных интересов и потребностей, общественного идеала и социальных связей.

В юридической литературе правовые механизмы обеспечения права этносов Российской Федерации на сохранение самобытности и этнокультурной идентичности неоднократно становились предметом исследования различных ученых [5]. Многие положительные достижения современного российского государства помогают сохранять этнокультурную идентичность его народов, на это направлена вся Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Однако не все правовые средства для этого использованы были ранее. Для исправления этой ситуации в статью 69 Конституции Российской Федерации была внесена поправка о том, что российское государство гарантирует защиту идентичности и самобытности различных народов и этнических сообществ на территории Российской Федерации обеспечивает защиту и сохранение этнокультурного и языкового разнообразия народов Российской Федерации [14]. В настоящее время идёт работа над созданием особых механизмов обеспечения и защиты этнокультурного многообразия народов России. В то же время в юридической литературе отмечается важность и значимость

формирования общероссийской социокультурной идентичности, основанной на политическом понимании российской нации как единства всех народов, населяющих её земли. Между двумя этими полюсами и должна строиться и осуществляться правовая политика российского государства в сфере межэтнических отношений.

Важным направлением развития российского законодательства признается обеспечение участия коренных малочисленных народов, этнокультурных сообществ при осуществлении различных экспертиз: этнологической и экологической [5, с. 49; 7]. Это важно при создании и разработке различных государственных программ освоения природных ресурсов региона – где осуществляется традиционное хозяйственная деятельность коренных малочисленных народов. Экспертизы предполагают участие их представителей в процессе создания нормативных основ осуществления данной деятельности.

Дело в том, что современная российская правовая система трансформируется кардинальным образом ввиду внедрения цифровых технологий во все без исключения сферы общественной жизни. Не всегда данный процесс имеет положительное значение для сохранения этнокультурной идентичности народов России, особенно тех из них, которые интегрированы в современные политические и экономические связи и отношения. Индустриальное, информационное и традиционное общества как-то «уживались» между собой вполне мирно и благополучно до конца XX века. Однако шестой технологический уклад в корне меняет условия жизни современного человеческого сообщества: не остается в условиях цифровизации условий для традиционного образа жизни этносов и народов, «рискующих» навсегда лишиться национально-культурных форм самоопределения в силу тотального включения информационных и цифровых потоков во все без исключения сферы общественной жизни. В этой ситуации особую роль начинают играть механизмы государственной защиты этнокультурной идентичности народов России, о которой все чаще говорят современные ученые [7]. Основная задача этнокультурной экспертизы законопроектов заключается в оценке и прогнозировании влияния нормативного акта на межэтнические связи и отношения, на этнокультурные правовые традиции, обычное право, этноконфессиональные нормы и ценности, на этнокультурное правосознание и желаемое право.

Выводы. В условиях цифровой глобализации при осуществлении этнокультурной экспертизы законодательных инноваций следует учесть, что правосознание этносов, ведущих традиционный образ жизни, может сохраниться только в условиях реальной, а не цифровой

экономики. Важным и значимым ресурсом в эпоху цифрового мира для любого народа, не только ведущего традиционный образ жизни, но и имеющего собственную самобытную культуру и систему ценностей, следует признать этнокультурную идентичность. Цифровая трансформация современного общества привела появлению новых, ранее неизвестных видов общественных связей и коммуникаций, что оказывает кардинальное воздействие на этническое правосознание. Цифровая реальность полностью меняет традиции и культуру каждой личности, оказывая непосредственное влияние на этническую память, коллективную идентичность. Для народов России, ведущих традиционный образ жизни и сохраняющих традиционные ценности, влияние цифровизации на этнокультурную идентичность должно стать одним из предметов этнокультурной экспертизы всех законодательных инноваций в сфере цифровой экономики и государственного управления.

Литература

1. *Lembani R., Gunter A., Breines M., Tapiwa M. Dalu B.* The same course, different access: the digital divide between urban and rural distance education students in South Africa // *Journal of Geography in Higher Education*. 2020. № 44(1). P.70–84.
2. *Dijk van J., Hacker K.* The Digital Divide as a Complex and Dynamic Phenomenon // *The Information Society*. 2003. № 19(4). P. 315–326, DOI: 10.1080/01972240309487
3. «Цифра – не наш враг»: каким видит Мишустин развитие сферы технологий // Информационный портал Будущее России. Национальные проекты. URL: <https://futureussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/cifra-ne-nas-vrag-kakim-vidit-misustin-razvitie-sfery-tehnologii> (дата обращения: 01.11.2020).
4. *Абрашкевичус Г. А.* Информационное общество и этнокультура // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского*. Том 22 (61). № 1. 2009. С.39–48.
5. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М: Аграф, 1998. 635 с.
6. *Андриченко Л. В.* Правовые механизмы сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации и формирование общероссийской гражданской идентичности // *Журнал российского права*. 2020. № 6. С.38–51.

7. Антропологический выпуск № 2. Бунт европейских интеллектуалов URL: <https://bogoslav.ru/event/5624748> (дата обращения: 01.04.2021).
8. *Баранов В. М., Овчинников А. И.* Этнокультурная экспертиза в правотворческом процессе // Государство и право. 2011. № 6. С. 28–33.
9. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. / Иноземцев В. Л. М.: Academia, 1999. 432 с.
10. *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П. С. Гуревича. М., 1986.
11. *Василькова Т. Н., Евай А.В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И.* Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). Москва – Шадринск: Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2011. 268 с.
12. *Величко А. М.* Государственные идеалы России и Запады. Параллели правовых культур. СПб., 1999. 356 с.
13. *Гинс Г. К.* Право и культура / науч. ред. В. М. Баранов. М.: Юрлитинформ, 2012. 320 с.
14. *Ермолаева Н.* Пол пропишут в законе. Российская газета. 12.11.2020 URL: <https://rg.ru/2020/11/12/v-vengrii-zakrepiat-v-konstitucii-zhenskij-i-muzhskoj-pol.html>
15. Закон РФ о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».
16. *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
17. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под редакцией В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 340 с.
18. *Межуев В. М.* Философия культуры. Эпоха классики: Курс лекций. М.: МГСА, 2003. 200 с.
19. *Мельков С. А., Салтыкова М. В., Лябах А. Ю.* «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 1 (834). С.77–81.
20. *Овчинников А. И.* Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону, 2003. 320 с.

21. *Овчинников А. И.* Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 5–21.
22. *Овчинников А. И.* Юридическая герменевтика и цивилизационный (социокультурный) подход к праву: правовая традиция как контекст интерпретации и познания права // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 213–219.
23. *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
24. Президент заявил о планах перевода всех госуслуг в цифру // Российская газета. 04.12.2020 URL: <https://rg.ru/2020/12/04/putin-zaiavil-o-planah-perevoda-vseh-gosuslug-v-cifru.html>
25. *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999, 310 с.
26. *Синюков В. Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М. 2018. 670 с.
27. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. 340 с.
28. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003; 230 с.
29. *Щипков В. А.* Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 3. С.9–13.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ КАК ПРОФИЛЬ ОБУЧЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Мамырканов М. А. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: В статье раскрывается сущность и значение общественного здравоохранения и социального обслуживания в жизни общества и государства, отмечается важность права граждан на жизнь и здоровье, для чего возникает объективная потребность решения взаимосвязанных проблем социального и медицинского характера. Это позволяет рассматривать социальную работу, как самостоятельный вид деятельности и учебное направление. Анализируется необходимость подготовки социальных работников по данному профилю в вузах Кыргызской Республики, в частности в УНПК МУК.

Ключевые слова: общественное здравоохранение, социальное обслуживание, социальная адаптация, генеалогическое дерево, производственная реабилитация, анатомо-физиологическое состояние, патология

PUBLIC HEALTH AND SOCIAL SERVICES AS A PROFILE OF EDUCATION IN SOCIAL WORK

Mamyrganov M. A. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The article reveals the essence and significance of public health and social services in the life of society and the state, notes the importance of the right of citizens to life and health, for which there is an objective need to solve interrelated problems of social and medical nature. This allows us to consider social work as an independent type of activity and an educational direction. In that article, author analyzes the necessity of training new social workers according to this profile at the universities of the Kyrgyz Republic, in particular at ESPC IUK.

Keywords: public health, social services, social adaptation, family tree, industrial rehabilitation, anatomical and physiological condition, pathology, medical and social assistance, patronage work

В современных условиях социальная работа как одна из гуманитарных образовательных специальностей становится важной составляющей устойчивого социального развития общества в условиях трансформации и глобальных преобразований.

Все больше изменений происходит в самой специальности, которая требует от своих подопечных переподготовки и наделения новыми знаниями кадров, задействованных в сфере предоставления социально-медицинских услуг, помощи и уходу за особо нуждающимися людьми.

В условиях усугубления социальных проблем, снижения показателей здоровья населения возрастает объективная потребность решения взаимосвязанных проблем социального и медицинского характера на качественно новом уровне, позволяет рассматривать такой вид деятельности как самостоятельное направление социальной работы.

На сегодня в Кыргызстане проявляется рост социальных болезней, среди которых: тиф, туберкулез, гепатит и др. Объясняется это тем, что граждане страны не информированы или плохо информированы о причинах и последствиях данных заболеваний. Средства массовой информации, государственные и местные органы власти, общественные организации недостаточно ясно проводят информационно-разъяснительную и профилактическую работы среди населения республики. Данная тенденция стала следствием эпохи, обнаружившейся некогда с распадом большой страны и болезненным переходом к рыночным преобразованиям в годы суверенитета и независимости. В экономическом укладе кыргызстанского общества произошли существенные изменения, характеризующиеся значительным разрывом в социально-экономическом благополучии небольшого социального слоя людей, имеющих сверхдоходы, и значительной части населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума. Кроме этого, значительно возросла роль социальных факторов и в развитии целого ряда иных заболеваний (ишемическая болезнь сердца, инфаркт миокарда, гипертоническая болезнь, болезни нервно-психической сферы, болезней ОРВИ и добавившейся ныне эпидемии коронавируса), позволивших отнести эти болезни к социально обусловленной патологии.

В настоящее время здравоохранение представляет собой особую сферу деятельности общества и государства, приобретает важное значение по обеспечению права граждан на жизнь и здоровье, усиление роли права, в том числе медицинского. Известно, что в международном законодательстве право человека на здоровье признано Всеобщей декларацией: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, медицинский уход, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого» [1]. И сегодня, целью социальной работы в здравоохранении является достижение более высокого уровня здоровья, функционирования и адаптации лиц с физической и психической патологией, в том числе социальным неблагополучием, трудно преодолеваемым исключительно с помощью мер медицинского характера.

Объектом социальной работы в здравоохранении являются различные контингенты лиц, имеющие выраженные медицинские и социальные проблемы, решение которых затруднительно в рамках односторонних профессиональных мероприятий [2]. Работа с такими контингентами тяжела и малоэффективна как для медицинских работников, так и для специалистов социальных служб, поскольку они неизбежно сталкиваются с рядом проблем, выходящих за рамки их профессиональной компетенции и препятствующих успешной узкопрофессиональной деятельности.

С ростом количества заболеваний социальные факторы играют если не основную, то решающую роль. Все болезни, выявленные у пациентов, их дальнейшая профилактика и лечение невозможны без обнаружения и устранения этих факторов, влияющих в целом на здоровье. На данном этапе эти функции в основном легли в обязанности медработников, которые не имеют установленных знаний в социальной работе, и к тому у них нет фактического времени и желания постигать, по существу, новую для себя специальность. Вместе с тем врачам, и, прежде всего, участковым медработникам больше приходится тратить рабочего времени на решение социальных проблем, и совсем мало отводится на лечение и профилактику больного. Это скорее говорит не о недостатке, а о значимости профессии социальной работы в системе здравоохранения. Успешное решение данной проблемы возможно при определении реорганизации системы здравоохранения с включением в ее структурные подразделения или выделением самостоятельных медико-социальных подразделений, которые смогут решать отдельные вопросы: социально-психологическая, юридическая консультация, производственная реабилитация, работа с семьей и т.п., а также методическая помощь врачам с целью повышения эффективности предупреждения возникновения и прогрессирования заболеваний. Роль социальной работы в медицине такова, что она предназначена оказывать людям необходимую заботу по укреплению здоровья каждым индивидом, пропаганде здорового образа жизни, используя все для этого все ресурсы. И, конечно, методы, применяемые социальными работниками и медицинским персоналом, значительно различны.

Считается, что первичная социальная работа подразумевает восстановление у людей необходимости соблюдения здорового образа жизни, решение целого ряда социальных проблем общества, семьи, индивидуума, достижение определенного уровня экономического развития общества. Вторичная социальная работа предусматривает создание определенных социальных условий, позволяющих больному

человеку без ущерба для здоровья лучше адаптироваться в социальной среде, быть полезным обществу, почувствовать себя личностью, а также решение целого ряда других социальных проблем (обеспеченность необходимыми жилищными условиями, транспортом, профессией, устранение вредных привычек – курение, злоупотребление алкоголем и т. п.).

В здравоохранении у социальных работников и медицинских служащих есть в то же время много общего в деятельности по оказанию социально-медицинской помощи. Однако это не значит, что социальная работа может диагностировать и лечить пациентов наравне с квалифицированными врачами. Существует четкое разграничение функций между соцработниками и медперсоналом. При определении функций специалиста социальной работы в конкретном учреждении здравоохранения и построении технологий его работы с клиентами целесообразно использовать классификацию, согласно которой функции, выполняемые в рамках медико-социальной работы, разделены на три группы: медико-ориентированные, социально ориентированные и интегративные [3].

Однако опыт Кыргызстана в социальной работе в системе здравоохранения крайне ограничен и мал, находится в зачаточном положении. Возможно, что пока еще в деятельности социальных работников в медучреждениях мешает межведомственная разобщенность, в штате ни одного лечебного заведения нет специалиста по социальной работе. И часто недопонимание и разобщенность в действиях по отдельным видам совместной работы становится камнем преткновения для реализации самых прогрессивных программ и проектов в области охраны здоровья населения [4]. А ведь социальная работа и медицинское обслуживание могут решать схожие по характеру профессиональные задачи, но при этом каждая из них применяет собственные наработки и методы, отличные друг от друга.

Так, *медицина* преимущественно исследует анатомо-физиологическое состояние организма человека в целом и его отдельных систем, выявляя отклонения от физиологической нормы, диагностирует патологические изменения в организме, определяет причинно-следственные связи, лежащие в их основе, механизмы развития заболеваний. При этом используются различные методы для более полного восстановления организма, нормализации его физиологических процессов.

К задачам социальной работы относится выявление ведущих социальных факторов, оказывающих наиболее существенное влияние

на здоровье человека, его социальную адаптацию, состояние здоровья детей. Весьма важно выявить наследственные заболевания или состояния (алкоголизм, наркомания, токсикомания и др.), которые могут оказать влияние на здоровье будущего поколения [5].

В целях эффективного продвижения в массы медико-социальных услуг и социальной помощи целесообразно применение трехуровневой системы, которая рассматривает деятельность специалистов с высшим, средним специальным образованием и персонала, добровольно помогающего ухаживать за престарелыми, одинокими, инвалидами, тяжелыми хроническими больными. Комплексный подход к оказанию медико-социальной помощи предусматривает одновременное участие специалистов всех трех уровней [6].

Так, социальному работнику *с высшим образованием* больше всего свойственна деятельность по использованию программ социально-медицинской помощи населению на обслуживаемой территории. Он является организатором совместной работы с медперсоналом больниц и лечебных учреждений, является координатором с дополнительными структурами, т.е. учреждениями и организациями, оказывающими помощь населению наравне с другими специалистами: это психологи, юристы, участковые милиционеры и др. Также соцработник, окончивший вуз координирует и контролирует деятельность специалистов среднего звена.

Основными функциями медико-социального работника среднего звена является непосредственная патронажная работа с семьями по реализации конкретных услуг: оказание первичной медико-санитарной помощи инвалидам, одиноким, больным хроническими заболеваниями; содействие в обеспечении медикаментами, перевязочными и гигиеническими средствами, продуктами питания через специальные магазины по льготным ценам и др.

Социально-медицинская работа третьего уровня выполняется добровольцами: лицами из числа верующих, волонтерами, представителями Общества Красного Креста и других организаций, которые по убеждению или из чувства сострадания и сочувствия оказывают непосредственную посильную физическую, моральную, психологическую помощь людям, нуждающимся в посторонней помощи (сиделки у тяжелобольных, одиноких людей, сопровождающие слепых, инвалидов и т.д.).

Таким образом, социальный работник должен быть универсалом в своей деятельности и обладать для этого хорошими знаниями, иметь широкий кругозор, эрудицию, применять междисциплинарные

познания в области медицины, права, психологии, экономики, менеджмента и др. [5].

Начала приобретенным знаниям у специалистов социальной работы должны быть заложены в недрах учебных заведений. Профили, связанные с социально-медицинской работой с населением и социальной работой в системе здравоохранения, уже имеются в отдельных вузах страны. Некоторые учебные заведения, в основном медицинской и экономической направленности, делают упор на профиль «Общественное здравоохранение с населением», но при этом преимущественно связывают подготовку специалистов по своему направлению, менеджментом и медициной. Оказание же социальной помощи междисциплинарного характера, специфика её форм и методов позволили бы рассматривать такой вид профессиональной деятельности как самостоятельное направление практической социальной работы. В результате функции, которые выполняют социальные работники в современных медицинских учреждениях, становятся всё более разнообразными и требуют широкого круга знаний и умений [7].

Учитывая сложившийся тренд, актуальность и обстоятельства, которые на сегодня востребованы кыргызстанским обществом, профессорско-преподавательский состав кафедры социальной работы учебно-научно-производственного комплекса «Международного университета Кыргызстана» (УНПК МУК) располагает необходимым потенциалом и возможностями начать подготовку специалистов социальных работников по профилю «Общественное здравоохранение и социальное обслуживание (социально-медицинская, социально-психологическая и профессиональная реабилитация)». Целенаправленное профилирование социального работника осуществляется для работы в лечебно-профилактических и медико-реабилитационных учреждениях. В процессе подготовки по данной программе упор будет сделан на общение между людьми, построение диалога между медицинскими работниками и пациентами, мотивацию пациента к полезной деятельности. Выпускник социальной работы должен развивать в себе такие качества как коммуникабельность, способность к сопереживанию и стремиться удовлетворить проблемы клиента.

Будущий специалист по социальной работе должен знать способности и потенциал своих клиентов на разных возрастных этапах, их поведенческие установки и отношение к ним людей из близкого и профессионального окружения; ориентироваться в современной социальной политике; уметь применять на практике основы трудового

законодательства и семейного права; делать диагностику личности пациента и его микросреды и др.

Главной целью профессиональной деятельности бакалавра по социальной работе считается забота о качестве жизни и раскрытие возможностей личности человека, семьи, общества, а социальную работу можно рассматривать как личностную службу помощи людям. По окончании обучения выпускники вуза получают квалификацию бакалавра социальной работы по профилю «Общественное здравоохранение и социальное обслуживание». Молодые специалисты могут трудиться в различных медицинских учреждениях, включая больницы или заниматься частной практикой. Но это не означает жёсткой «привязки» к системе медицинских учреждений. Фундаментальность и практичность образовательной программы предполагает широкую сферу приложения профессиональных сил. Медицинские социальные работники смогут работать не только в специализированных медицинских учреждениях, но и в организациях более широкого социального профиля – сферы социального обслуживания, куда относятся отделения социальной помощи населению, детские дома и социальные приюты, центры медико-педагогической реабилитации, медико-психологической консультации, службы планирования семьи, центры занятости и трудоустройства, школы, досуговые центры и др. социальные объекты. Таким образом, социальная работа позволяет решать широкий круг задач социальной защиты населения, в т. ч. в системе здравоохранения и в сфере социального обслуживания.

Литература

1. *Мартыненко А. В.* Медико-социальная работа: теория, технологии, образование. М.: Наука, 1999.
2. *Баркер Р.* Словарь социальной работы. М., 2004.
3. Социальная работа с пожилыми. Настольная книга специалиста / под ред. Холостовой Е. И., Осадчих А. И. М.: Ин т социальной работы, 2002.
4. *Шапиро В. Д.* Человек на пенсии: Социальные проблемы и образ жизни. – М.: Мысль, 1980. – 208 с.
5. *Невлева И. М., Соловьева Л. В.* Теория социальной работы: Учебное пособие. Белгород: Кооперативное образование. 2005. 431 с.
6. *Холостова Е. И.* Теория социальной работы. М.: Юристъ, 2001.
7. *Козина Г. Ю., Тугаров А. Б.* Теория и практика социальной работы в здравоохранении: учебное пособие. Пенза: ПГПУ, 2010. 128 с.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА РОСТ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Мурашева С. В. (Орел, Россия)

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению специфики влияния миграции на рост межэтнической напряженности в различных регионах России (на примере Орловской области). Автор уделяет внимание исследованию особенностей миграции на территории региона. В статье представлены результаты изучения проблем преодоления напряженности и конфликтности межэтнического взаимодействия, исследование было проведено в рамках работы лаборатории миграционных и межэтнических конфликтов Учебно-научно-практического центра разрешения конфликтов, функционирующего на социальном факультете в Орловском государственном университете им. И. С. Тургенева. Автором особо подчеркивается, что местное население не знакомо с культурными особенностями и традициями мигрантов, не стремится узнать их, а восприятие как «чужого» настолько сильно, что не позволяет в полной мере построить гармоничные межэтнические отношения. В качестве основных мер, которые могут быть использованы для профилактики миграционных конфликтов, указывается развитие навыков межкультурного общения и формирование толерантности.*

Ключевые слова: *миграция, миграционные процессы, миграционные конфликты, межэтническая напряженность, принимающее общество, межкультурное общение, толерантность*

THE IMPACT OF MIGRATION ON THE GROWTH OF INTER-ETHNIC TENSIONS IN RUSSIAN REGIONS (THE CASE OF THE ORYOL REGION)

Murasheva S. V. (Oryol, Russia)

Abstract: *The article deals with the specifics of the impact of migration on the growth of inter-ethnic tension in different regions of Russia (on the example of the Oryol region). The author pays attention to the study of the peculiarities of migration on the territory of the region. In the article the results of the study of problems of overcoming tension and conflicts of interethnic interaction are presented, the study was conducted within the framework of the work of the laboratory of migration and interethnic conflicts of the Educational and Research Center of Conflict Resolution, functioning at the social faculty of the Oryol State University. The author stresses that the local community in Oryol is a key actor in these conflicts. The author emphasises that the local population is not familiar with the cultural specificities and traditions of migrants, and does not seek to get to know them, while the perception as «alien» is so strong that it does not allow for harmonious inter-ethnic relations to be fully built. The development of intercultural communication skills and the formation of tolerance are*

mentioned as the main measures that can be used to prevent migration conflicts.

Keywords: *migration, migration processes, migration conflicts, interethnic tensions, host society, intercultural communication, tolerance*

Характерной особенностью демографического и социокультурного устройства Российской Федерации всегда выступали культурное, этническое, языковое многообразие, сосуществование различных, зачастую противоречащих друг другу, ценностных и мировоззренческих установок, связанных с различиями в культурных, конфессиональных и этнических началах. Но, следует отметить, что это многообразие не выступало угрозой этнодемографической и социокультурной безопасности поликультурного пространства России, а было основанием для формирования духовно-нравственного и культурного богатства и самобытности населения многонационального государства [2, с. 161].

На протяжении всей своей истории народы Российской Федерации, выступавшие «суперэтнической целостностью», смогли сохранить, укрепить и развить свою национальную, культурную, языковую самобытность, сформировав при этом благоприятные условия для нравственного и духовного единства [1, с. 1746].

В настоящее время в результате трансформации социально-политических и культурных установок появилось большое количество внешних и внутренних вызовов, которые нарушают равновесие и баланс духовного и нравственного единства, полиэтническую и мультикультурную целостность России. В результате подобных трансформаций Российская Федерация и ее регионы испытывают серьезные трудности, оказываются под негативным влиянием различных вызовов, угрожающих устойчивому и прогрессивному развитию страны, сохранению стабильности межэтнических отношений, обеспечению суверенитета и территориальной целостности, становлению общероссийской гражданской идентичности. Данное влияние проявляется как неконтролируемые и неуправляемые социальные процессы развития самого общества, которые разобщают полиэтническое пространство, расшатывают культурно-нравственные и духовные основы единого социума [2, с. 159].

Как показывает наблюдение, влияние миграционных процессов на этнодемографическую и этнокультурную безопасность с течением времени будет только возрастать. Это связано с увеличением миграционных потоков и, как следствие, ростом изменчивости

этнической структуры и разрушением межэтнических дистанций в Российской Федерации и ее регионах. Катализатором таких явлений становятся различные темпы прироста соседствующих этнических групп и минимальные сроки миграции большого количества людей на определенную относительно небольшую территорию. Также будут обостряться проблемы адаптации и интеграции мигрантов в местные многонациональные и поликультурные пространства. Усилится необходимость формирования механизмов сохранения и развития условий мирного сосуществования всех этнических групп. Возникнут проблемы с обеспечением предпосылок для культурного и этнического плюрализма, который выступает основанием безопасности поликультурных пространств, наряду с созданием условий для устойчивого, стабильного развития и воспроизводства местных этносов, возможности этнической самоидентификации каждого представителя многонационального сообщества [1, с. 1746].

В настоящее время миграционная ситуация в Российской Федерации в целом и в Орловской области, в частности, находится под пристальным наблюдением. Это можно связать с демографическими проблемами, с одной стороны, и с расширением социально-экономических возможностей, с другой.

В Орловской области миграционные процессы состоят из нескольких потоков:

- межгосударственная миграция;
- вынужденная миграция из стран СНГ;
- межрегиональная миграция;
- трудовая миграция из стран СНГ;
- внутриобластная миграция.

Учитывая, что внутриобластной обмен в целом не влияет на численность населения, а выполняет функцию его территориального перераспределения, под особым вниманием находятся межрегиональная и межгосударственная миграция, как каналы притока или оттока населения.

Наибольший вклад в увеличение численности населения Орловской области обеспечивает межгосударственная миграция. Находясь в более сложном экономическом положении, зачастую не имея родственников, данная категория мигрантов менее подвижна. Из общей массы вынужденных мигрантов, 26,3 % составляют мигранты из Казахстана, 21,7 % – Таджикистана, 15 % – из Узбекистана, 7 % – из Чеченской республики, 5,5 % – из Кыргызстана, 4,3 % – из Азербайджана, 2,3 % – из Молдовы. Другие страны выхода представлено в значительно меньших величинах.

За январь-ноябрь 2020 года из Орловской области выбыли 14310 человек, а прибыли 13446 человек, миграционная убыль составила 864 человека. Следует заметить, что снижение миграционных потоков связано с ограничениями, введенными из-за угрозы распространения новой коронавирусной инфекции. На это указывает, в частности, показатель международной миграции. В прошедшем году в Орловскую область прибыли 2082 человека из-за рубежа, а уехали всего 976 человек.

Следует отметить, что Орловская область в рейтинге межэтнической напряженности находится на нулевой отметке. Согласно карте межэтнической напряженности в регионах России, Орловская область имеет статус региона с очень низкой напряженностью. Это означает отсутствие зафиксированных конфликтных действий; доказанного насилия по этническому признаку. Из соседних областей с таким показателем только Брянская область. В Липецкой области напряженность обстановки оценивается как «средняя», в Калужской, Курской и Тульской областях как «низкая».

В связи с вышесказанным, чтобы изучить влияние миграции на рост межэтнической напряженности был проведен анкетный опрос местного населения Орловской области. Вопросы анкеты были размещены в Интернет-ресурсах. В анкетировании приняли участие 40 человек. Возрастной контингент опрошиваемых – от 18 до 60 лет.

В окружении 80 % респондентов присутствуют мигранты, в то время как окружение 20 % опрошенных их лишено. Оценивая количество мигрантов на территории Орловской области, 13,34 % опрошенных убеждены, что их мало, а 20 % – в пределах нормы. В равной степени респонденты (по 33,33 %) считают, что мигрантов заметное количество/слишком много.

Результаты оценки отношения местного населения к мигрантам из других регионов показали, что 3,34 % респондентов относятся к мигрантам дружелюбно, 20 % – скорее положительно, чем отрицательно. 40 % опрошенных равнодушно относятся к приезжим. 26,66 % респондентов воспринимают мигрантов скорее отрицательно, чем положительно. И только 10 % анкетированных высказали свое резко негативное отношение.

6,67 % респондентов убеждены, что проблема миграции на территории региона определенно существует, поскольку слишком большой поток мигрантов нарушает образ жизни и создает определенные угрозы для местного населения. В свою очередь, 20 % опрошиваемых считают, что серьезных проблем нет, но ситуация может в любой момент выйти из-под контроля. 20 % респондентов убеждены, что данная проблема существует, но их это по определенным

причинам не касается. 33,33 % опрошенных сомневаются, что данная проблема есть, в то время как 13,34 % анкетированных убеждены, что проблемы миграции на территории Орловской области нет.

В равной степени положительно (по 20 %) опрошенные относятся к мигрантам из Средней Азии, Среднего и Южного Кавказа (Армении, Казахстана, Таджикистана) и мигрантам из Восточной Европы (Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии). Менее положительно (16,67 %) респонденты относятся к мигрантам из Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (Китая, Кореи, Монголии). 30 % опрошенных подчеркнули, что они положительно относятся ко всем мигрантам, в то время как 13,33 % негативно относятся к приезжим.

Исследуя вопрос о роли мигрантов, их положительном влиянии на ситуацию в регионе, было установлено, что:

13,34 % респондентов убеждены, что мигранты привносят этническое и культурное многообразие;

46,66 % опрошенных считают, что мигранты занимают те рабочие места, от которых местное население отказывается;

40 % не видят ничего положительного в пребывании мигрантов на территории Орловской области.

Анализ мнений респондентов о негативных аспектах влияния мигрантов на обстановку Орловского региона показал, что 16,67 % из них обвиняют мигрантов в смешении и растворении культур, 23,33 % отмечают у них нежелание приспосабливаться к местным социокультурным условиям и чтить традиции региона. 20 % опрошенных считают, что рост преступности и незаконной деятельности в области обусловлен присутствием мигрантов. 16,67 % респондентов, считают, что приезжие занимают рабочие места, необходимые местному населению. 23,33 % опрошенных отмечают, что мигранты не оказывают никакого негативного влияния на обстановку в Орловской области.

Предложение о создании специальных этнических микрорайонов (т.е. районов, в которых люди одной национальности или вероисповедания будут проживать, с возможностью посещать специальные школы, проводить мероприятия и соблюдать свои обычаи и традиции), поддержали 36,67 % респондентов, в то время как 23,33 % высказались против. Примечательно, что у 40 % опрошенных данная тема не вызвала интереса.

Мнения респондентов о том, как должны вести себя мигранты в стране прибытия, распределились следующим образом:

полностью интегрироваться в жизнь принимающего общества, соблюдать местные традиции, говорить исключительно на местном языке (30 %);

соблюдать законы и говорить достаточно свободно на местном языке (56,68 %);

руководствоваться своими нормами и правилами поведения (6,66 %);

привносить свою культуру и образ жизни в местное общество (6,66 %).

36,67 % респондентов не испытывают никаких чувств в отношении мигрантов. 30 % опрошенных испытывают скорее положительные, чем отрицательные эмоции. 23,33 % анкетированных, наоборот, испытывают скорее отрицательные, чем положительные эмоции. 6,66 % респондентов отметили у себя только негативные чувства. И только 3,34 % опрошенных испытывают исключительно положительные эмоции.

3,33 % респондентов ответили, что среди их знакомых нет радикально настроенных против мигрантов людей, нет националистов. 30 % ответили, что подобных знакомых нет, но они видели таких людей, в то время как у 26,67 % опрошенных в окружении есть несколько таких людей, а у 16,67 % большая часть окружения состоит из таких людей. 23,33 % вовсе не придают этому значения.

О своем участии в конфликтах между мигрантами и местным населением, респонденты высказались следующим образом:

3,34 % опрошенных никогда не участвовали в подобных конфликтах и не наблюдали их;

53,34 % не участвовали в конфликтах, но уверены, что такие случаи были;

6,66 % респондентов не обращают внимания на подобные случаи;

30 % участвовали в конфликтах или наблюдали их несколько раз;

6,66 % опрошенных достаточно часто становятся участниками или свидетелями конфликтов между мигрантами и местным населением.

На вопрос: «Создает ли пребывание мигрантов в нашей стране угрозу национальной безопасности?», 20 % опрошенных считают, что пребывание мигрантов создает угрозу национальной безопасности, поскольку это провоцирует возникновение межэтнических конфликтов, рост националистических настроений среди местного населения. Противоположной точки зрения придерживаются респонденты, которые ответили, что или угрозы совсем нет (26,67 %), или ее скорее нет, чем она есть (26,67 %). 16,66 % респондентов считают, что угроза существует, поскольку наблюдается ухудшение

криминогенной обстановки, в то время как 10 % опрошенных данная проблема совсем не волнует.

Большая часть опрошенных (63,33 %) считают, что для преодоления дефицита в рабочей силе необходимо привлечение мигрантов, в то время как 36,67 % опрошенных утверждают, что в этом нет необходимости.

Таким образом, большая часть опрошенных настроена не совсем доброжелательно по отношению к мигрантам. Несмотря на то, что количество конфликтов между пришлым и местным населением минимально или вовсе отсутствует, следует отметить, что у части опрошенных преобладают настороженные и негативные чувства к мигрантам. Это можно объяснить тем, что местное население не знакомо с культурными особенностями и традициями мигрантов, не стремится узнать их, а восприятие как «чужого» настолько сильно, что не позволяет в полной мере построить гармоничные межэтнические отношения.

Проблема преодоления напряженности и конфликтности межэтнического взаимодействия с каждым днем становится все более актуальной. Зачастую это можно связать с агрессией, направленной на мигрантов, формированием негативных этнических стереотипов, изоляцией некоторых этнических меньшинств и т.д. В связи с этим особый интерес представляет развитие навыков межкультурного общения и формирование толерантности.

Литература

1. *Вильданов Х. С., Кубагушева Г. Р., Хуснутдинова Л. Г.* Влияние миграционных процессов на социокультурную и этнодемографическую безопасность России и ее регионов // *Современные проблемы науки и образования.* 2015. № 1–1. С. 1746.
2. *Удаев Р. А.* Безопасность и идентичность: этнокультурные аспекты // *Вестник Калмыцкого университета.* 2018. № 40(4). С. 156–162.

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «ПОЗДРАВЛЕНИЯ» В РУССКОЙ, КЫРГЫЗСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ В СИТУАЦИИ ПРАЗДНИКА

Нишанова Г. А., Жумабаева А. Т. (Ош, Кыргызстан)

Аннотация: *Статья посвящена реализации речевого акта поздравления в условиях праздничного общения. Интерес к данной теме обусловлен тем, что речевой акт поздравления как один из видов экспрессивных речевых актов является основной составляющей этикетного речевого жанра поздравления и обладает наибольшей частотностью употребления в ситуации праздника. Основное внимание уделено анализу типичных языковых конструкций, которые используются для выражения поздравления. На основе анализа языкового материала делается вывод о том, что в русской и кыргызской речи реализация речевого акта поздравления в конкретной ситуации праздника определяется культурными традициями и особенностями функционального стиля речи.*

Ключевые слова: *речевой акт, поздравление, праздник, русская, кыргызская и английская речь, речевой жанр, функциональный стиль*

THE LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF «CONGRATULATION» IN THE SITUATION OF FESTIVALS IN RUSSIAN, KYRGYZ AND ENGLISH SPEECH

Nishanova G. A., Zhumbaeva A. T. (Osh, Kyrgyzstan)

Abstract: *The article is devoted to the implementation of the speech act of congratulations in the conditions of festive communication. Interest in this topic is due to the fact that the speech act of congratulations as one of the types of expressive speech acts is the main component of the etiquette speech genre of congratulations and has the highest frequency of use in a holiday situation. The main focus is on the analysis of typical language constructs that are used to express congratulations. Based on the analysis of the linguistic material, it is concluded that in Russian and Kyrgyz speech, the implementation of the speech act of congratulation in a specific situation of the holiday is determined by cultural traditions and features of the functional style of speech.*

Key words: *speech act, congratulation, holiday, Russian, Kyrgyz and English speech, speech genre, functional style*

Речевой этикет занимает значительное место в лингвистических исследованиях. К их числу относятся работы А. А. Акишиной, Н. И. Формановской, Н. И. Формановской, В. Е. Гольдина, А. К. Байбурина, Н. М. Фирсовой, Л. С. Лихачевой [1; 3–7] и других исследователей. Результатом теоретических разработок в области

речевого этикета явился полный словарь русского речевого этикета, созданный А. Г. Балакаем.

Изучение речевого этикета не перестает быть актуальным для научных и методических исследований в силу его присутствия в разных сферах человеческого общения, а также по причине изменения социокультурных условий, вслед за которыми одни речевые формулы исчезают, другие появляются, третьи видоизменяются. В связи с этим глубокий и подробный анализ каждой этикетной номинации и тематической группы с точки зрения теории общения, лингвокультурологии, лингвистической прагматики, национальной специфики и многих других проблем, остается актуальным.

Как жанр «поздравление» органично включается в контекст массовой коммуникации, так как содержит эмоциональную (эмотивную) функцию, связанную «со стремлением произвести впечатление наличия определенных эмоций, подлинных или притворных» (Якобсон 1975: 198). Значительную роль в передаче эмоций в поздравлении и пожелании играют обращения, аффиксы, повторы, интонация, громкость и многое другое, вместе с тем существуют различные усилители эмоционального выражения. Как и любой другой речевой жанр, «поздравление» имеет коммуникативное содержание, обусловленное, прежде всего, коммуникативной целью. Эта цель связана с другими важными функциями, которые выполняют поздравление – функцией воздействия, регулятивной функцией.

Понятие «поздравление» – куттуктоо; примите наши поздравления «биздин куттуктообузду кабыл алыңыз» встречается в культуре всех народов мира. Национально-культурный компонент этого понятия возможно выделить при исследовании базовых культурных концептов. Сопоставительный анализ восприятия концепта «поздравление – куттуктоо – congratulations» в кыргызском, русском и английском языковом сознании выявит общие и специфические черты в восприятии концепта [9].

Этикетные ситуации «поздравление» как микросистема определенных единиц существуют, прежде всего, для обслуживания контактоустанавливающей (социативной, или фактической) функции, разумеется, в рамках принятых социальных отношений, статусов и ролей в иерархии выше/нижестоящий/равный и свой/чужой.

Согласно постулату об экономии усилий, мышлению, а, следовательно, и языку свойственно сведение разнообразных ситуаций к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт человека. Это порождает своего рода «ритуализацию» мышления и речевого поведения человека, что находит выражение в стереотипах, в частности

этикетных. Ритуализация речевого поведения позволяет прогнозировать возможные речевые действия участников коммуникации и, соответственно, реализовать «стратегический» подход в стандартных ситуациях общения.

«Поздравление» как слово и как один из речевых актов, как наименование одной из коммуникативно-семантических групп речевого этикета уже привлекало внимание исследователей, однако как концепт оно оставалось до настоящего времени не описанным.

Речевая культура народа – явление многослойное, многообразное и исторически изменчивое. Знаки речевого этикета являются самостоятельными культурно-историческими ценностями, важнейшими средствами регуляции поведения, без которых не может обойтись ни один человек, ни одно общество. В рамках исследования представляется необходимым рассмотреть поздравление в аспекте русской культуры, в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, поскольку это позволит выявить наиболее типичные национально-культурные и психологические особенности исследуемых формул речевого этикета.

«Поздравление» как социально-культурное явление, в котором запечатлевается национальная специфика, национальный менталитет, на наш взгляд, по праву входит в поле научного исследования как концепты. Особенность состоит в том, что в отличие от других концептов, «поздравление» имеют широкое коммуникативное воплощение в речевых актах.

Таким образом, поздравления актуальны в массовой культуре и имеют мощную информационную поддержку, обеспеченную современными техническими средствами.

Поздравление в кыргызской культуре – это, прежде всего, традиция, то, что живет и заложено в каждом человеке с детства. Оно является неотъемлемой частью быта, жизни народа, его праздников, как общенародных, в том числе и религиозных, так и личных, семейных [7]. Этикетные действия, применяемые в ситуациях, настолько важны в социальной жизни общества, что среди всех других речевых актов этикетные имеют множественные воплощения. Если мы найдем пять, шесть способов обещания, около тридцати способов извинения, то выражений поздравления гораздо больше. Несмотря на то, что поздравления являются стереотипами, они дают модели (поздравлять + с. + сущ. в Т.в.п., желать + Р.п. / инфинитив), по которым создаются свободные поздравительные словосочетания. Сама ситуация является настолько прозрачной, что мотивирующий глагол опускается, и остается валентное продолжение глагола. Например, «Нооруз

майрамын менен! – С праздником Нооруз! – Happy Nooruz!» «Жаңы жылың менен! – С Новым годом! – Happy New Year!» «Ийгилик сага! – Успехов тебе! – Good luck to you!» «Ийгилик! – Удачи! – Good luck!» Существительное, стоящее в творительном падеже и призванное указывать на повод для поздравления, дату, конкретное праздничное событие, само оказывается формулой для поздравления. Этикетные номинации могут представлять собой как отглагольные существительные, так и глаголы-инфинитивы, которые составляют номинативный центр функционально-семантического и прагматического поля единиц.

Отличительная особенность семантики этикетных номинаций заключается в том, что они являются не столько знаками, называющими понятия, сколько знаками-перформативами, словами-поступками. В кыргызском менталитете поздравление и пожелание представляют собой действенное явление, адресованное конкретному человеку или группе лиц. В связи с этим в работе выделены и описаны типы адресата применительно к исследуемым ситуациям.

Этикетные номинации могут представлять собой как отглагольные существительные, так и глаголы-инфинитивы, которые составляют номинативный центр функционально-семантического и прагматического поля единиц. Поздравление как этикетное речевое действие в речевом общении воплощается во множестве высказываний: 1) в речевых актах (коммуникативный режим речи), 2) в описаниях (нормативный режим речи).

Характер праздничного события определяет форму и содержание пожеланий. Пожелания к праздникам в устной форме речи британцев звучат предельно лаконично; они сдержаннее по форме и более конкретизированы, чем в речи кыргызских и русских.

Как правило, жители Великобритании не любят уточнять, с каким знаменательным событием они поздравляют. Лишь в письменном виде их пожелания чаще всего представляют собой индивидуализированные, в значительной степени обусловленные социальными и историческими факторами. Для жителей Великобритании (англичан, шотландцев, валлийцев, ирландцев) присущ признак национально-культурной специфики в праздновании многих праздников, а, следовательно, необходимо рассматривать британские пожелания с учётом фактора межъязыковой национально-культурной специфики в рамках британского национального варианта английского языка. Некоторые британские пожелания неприемлемы для русских (пожелания ко Дню Отца, ко Дню Матери, на получение водительских прав и др.) Для кыргызских и русских письменных

пожеланий характерны: эмоциональность, выразительность, повторяемость; узуальные стилистически повышенные обороты; им присуща высокая степень зависимости от социальных маркеров коммуникатора и общественно-политической обстановки, сложившейся в последние годы в нашей стране.

В Великобритании строго соблюдается этикет произнесения тостов. В британских тостах нашли яркое отражение культурно-исторические ценности народов.

In the beauty of the season,
In the joy of Christmas Day,
May you find a special meaning
That brings happiness your way.

В очаровании праздников,
В радости Рождественского дня
Желаю найти особый смысл,
Который принесет тебе счастье!

Эс алуу күндөрүнүн көркүн ачууда
Рождество күнүндө кубанычта
Өзгөчө маанини тапсам дейм
Бул сизге бакыт элес!

Англичане употребляют краткие и развёрнутые высказывания в зависимости от стиля (официальный и неофициальный).

«Best wishes for a merry Christmas and a happy New Year! – Наилучшие пожелания веселого Рождества и счастливого Нового года! – Рождество майрамы менен жана Жаңы жылыңыз менен куттуктайм!»

Для ирландцев, шотландцев и валлийцев характерны развёрнутые тосты, отражающие национально-культурные особенности каждого из народов.

«May you live to be 100 years, with one extra year to repent. – Желаю Вам прожить 100 лет и год еще для покаяния. – 100 жыл өмүр сүрүшүңүздү каалайм жана бир жыл тообо кылууга.»

Формы и содержание киргизских и русских тостов (стандартных и индивидуализированных) зависят от фактора статуса, темы торжества и социальных факторов (профессиональный, общественно-политический).

В Великобритании и России ситуации употребления пожеланий-благословений и пожеланий-проклятий имеют определённые сходства.

Несмотря на индивидуальность, близка тематика этих выражений: в первую очередь, это пожелания успеха или неудач в хозяйственной деятельности. Поздравления-пожелания послужили базой для формирования клишированных фраз, соответственно, с положительной коннотацией, которые используются в настоящее время в повседневной жизни.

Выводы:

1. Поздравительное высказывание имеет «твердую форму»: при стереотипной тематике у него довольно жесткая структура (обращение, поздравление по поводу, пожелания, комплимент и др.) и набор клишированных языковых средств. Задачей поздравляющего обычно становится создание вариаций по известному образцу, а «сверхзадачей» является импровизация на заданную тему с использованием набора условных риторических приемов (гипербола, антитеза, метафора и др.) и традиционных языковых средств.

2. Стереотипные и конкретизируемые поздравления следует противопоставлять не как «неискренние/искренние», а как «норма/максимум» в проявлении дружеских отношений.

3. Будучи традицией, элементом социального и культурного наследия, ценностью, общественно-установленной нормой поведения, на наш взгляд, выражения поздравления и пожелания являются универсальными «настройщиками» эмоционального фона в речевом общении.

4. Пожелания – это полифункциональные этикетные высказывания, способные передавать не только значение пожелания, но и совмещать собственное значение с другими, в частности с прощанием, советом, приветствием, благодарностью и комплиментом. Специфической чертой пожеланий как этикетных высказываний является их закрепленность за определенными коммуникативными ситуациями. Вместе с тем, в противовес ориентированности большинства этикетных высказываний (приветствие, прощание) на реализацию узко специализированной задачи, пожелания оказываются достаточным средством участия в других речевых актах. Кроме того, пожелания постоянно расширяют «сферу» своего присутствия, ярким примером чего являются современные рекламные тексты.

5. Поздравительные этикетные формулы интересны своей необходимостью в соблюдении баланса «шаблона» и оригинальной конструкции и привлекательны возможностями использования особых языковых средств, в том числе и шутки, и риторических приемов в воплощении замысла.

6. Проведенный анализ обширного материала показал, что поздравления являются неотъемлемой частью быта и жизни русских людей, их праздников, как общенародных, в том числе и религиозных, так и личных, семейных. Поздравления в разных культурах и общении многочисленны и богаты. Родной язык заготовил для нас множество способов и средств, чтобы поздравить и пожелать. Названные речевые действия очень важны, поскольку создают благоприятную, доброжелательную атмосферу общения, выражают уважение к другим людям.

Литература

1. Акишина А. А., *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: Пособие для студентов-иностранцев. 3-е изд. М.: Русский язык, 1983. 181 с.
2. *Абдылдаев Э., Исаева Д.* Толковый словарь кыргызского языка. – Фрунзе: Издательство «Мектеп», 1969.
3. *Формановская Н. И.* О коммуниктивно-семантических группах и функционально-семантических полях // Русский язык за рубежом. 1986. № 3. С. 71–77.
4. *Гольдин В. Е.* Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 112 с.
5. *Байбурун А. К.* Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М.: Наука (Глав. ред. вост. лит.), 1988. С. 12–37.
6. *Фирсова Н. М.* Испанский речевой этикет: Справочное пособие для ин-тов и факультетов иностранных языков. М.: Высш. школа, 1991. 173 с.
7. *Лихачева Л. С.* Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход. Екатеринбург: Урал, изд-во, 2000. 157 с.
8. *Муратов А.* Аталар сөзү – акылдын көзү. Б.: Учкун, 2008. С. 83–88.
9. Semantic Features of the Concept «Sky» in Different Cultures. URL: <https://doi.org/10.4236/ojml.2020.105034>
10. *Нишанова Г. А.* Концепт «поздравление» в разных культурах // Наука. Образование. Техника: Международный научный журнал. № 2 (68). 2020. С. 68–73.

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО МИФОЛОГИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Нургалиев Т. М., Чарный Д. Ю. (Темиртау, Казахстан)

Аннотация: В современном мире происходит постепенная мифологизация сознания масс. Мифологизация массового сознания происходит во всех странах мира. С развитием образования в мире происходит процесс отторжения научных знаний и постепенная мифологизация научных достижений. К примеру, во время мировой пандемии Covid-19 в постсоветских странах появилось движение анти-прививочников, верящих в чипирование населения, что мы пытаемся объяснить с точки зрения мифологизации сознания масс. Обширное развитие разных видов СМИ от традиционных газет до блогеров приводит к доступности информации и современном мире. В том числе и к распространению недостоверной информации, которая несет дезинформацию и подрывает доверие к достижениям современной науки. Именно в данном контексте важно определить принцип мифологизации массового сознания. Данная работа раскрывает понятие «мифологизация массового сознания», пытается определить его причины. Принцип мифологизации сознания был характерен изначально для античных обществ, веру в мифы и легенды можно считать научным казусом.

Ключевые слова: миф, вера в мифы, XXI век, развитие науки

MASS CONSCIOUSNESS AND ITS MYTHOLOGIZATION IN THE MODERN WORLD

Nurgaliyev T. M., Charny D. Yu. (Temirtau, Kazakhstan)

Abstract: In the modern world, there is a gradual mythologization of the consciousness of the masses. The mythologization of mass consciousness occurs in all countries of the world. With the development of education in the world, there is a process of rejection of scientific knowledge and a gradual mythologization of scientific achievements. For example, during the global Covid-19 pandemic, a movement of anti-vaccinators who believe in chipping the population appeared in the post-Soviet countries. What we are trying to explain from the point of view of the mythologization of the consciousness of the masses. The extensive development of different types of media from traditional newspapers to bloggers leads to the availability of information in the modern world. Including the dissemination of false information that carries disinformation and undermines the credibility of the achievements of modern science. It is in this context that it is important to define the principle of the mythologization of mass consciousness. This work reveals the very concept of the mythologization of mass consciousness, and also tries to determine the causes. The principle of mythologizing consciousness was

proper for antique societies, now the faith in myths and legends may be considered as a scientific case.

Keywords: *myth, belief in myths, XXI century, development of science*

В рамках определения самого понятия «массовое сознание» предполагается его определение как сложного противоречивого понятия, охватывающего все уровни жизни общества. От бытового уровня до социально-политических процессов в мире. Для изучения данного понятия нам нужно определить разные факторы, влияющие на процесс мифологизации. К ним относятся культурологические, политические, социальные, экономические, глобальные и другие процессы.

Итак, «массовое сознание» – постоянно продолжающийся процесс, формирование которого зависит от конкретной культуры, уровня развития общества, внутренней дифференциации общества и других процессов. Рассматривать массовое сознание можно с философской, культурологической, политической, этнографической точек зрения, так как оно охватывает сложные процессы. Иногда данные процессы сложно выявить или определить. Они проявляются только на «выходе», когда общество предъявляет определенные требования власти. Конечно, степень мифологизации массового сознания зависит от уровня религиозности общества. Как предполагают ученые, для более религиозного общества характерен высокий уровень мифологизации, чем в менее религиозных обществах. Данный фактор объясняется закрытостью и непрозрачностью процессов в религиозных обществах. И открытостью, демократичностью атеистических стран. В научной литературе существует несколько подходов к изучению массового сознания. Одни исследователи рассматривают его как особый вид или тип общественного сознания, другие – отождествляют с обыденным сознанием как низшим уровнем общественного сознания. В настоящее время высказывается точка зрения о самостоятельности массового сознания, которое и существует наряду с такими формами как общественное, национальное, региональное и др. Часть исследователей считают, что мифологизация массового сознания характерны только для первобытных обществ. Так, А. Г. Иванов считает, что мифологическое знание относится больше к первоначальной форме познания чем к современному. Однако он считает, что четких границ, когда традиционное мышление заканчивается и начинается современное, определить трудно [1, с. 15].

Также, с помощью понятия «массовое сознание», можно изучить многие глубинные процессы в обществе. Многие исследователи

считают, что массовое сознание выступает неким хранилищем опыта и знаний, накопленным обществом за многие столетия, в том числе, являясь базисом для стабильности в обществе. Также нужно отметить, что массовое сознание отличается стихийностью и зависит от организованности общества. Массовое сознание также зависит от уровня культуры в обществе, а также религиозности страны [2, с. 229].

Необходимо учитывать, что под понятиями «масса» и «массовая культура» необходимо понимать отдельных субъектов, которые формируют массовую культуру и массовое сознание. Для формирования массовости необходимо, чтобы индивиды, входящие в состав массы, имели одно направление культуры и одну модель поведения. Иногда стоит учитывать и поколенческую детерминацию общества, когда представители одного поколения формируют данную «массовую культуру», «массовое сознание», «массовую мифологизацию» всего общества. Однако, когда речь идет все же о массах, нужно иметь в виду, что мы имеем в виду обезличивание индивидов и так называемую «власть толпы», в которой быстро распространяются мифологизация, дезинформация, панические страхи и другие феномены массового сознания. Обезличенная толпа не несет ответственности, она гипертрофирует любую информацию, она очень эмоциональна. Личность становится частью цепи, в которой он вынужден подчиняться. Человек, приобщаясь к обществу, невольно становится распространителем массового сознания, массовых идей [2, с. 136].

Объективно «массовое сознание» связано с общественным мнением, деятельностью СМИ, массовой культурой потребления, а также многочисленными видами поведения людей. Массовое сознание является неотъемлемой частью общей культурной составляющей общества. Культурная составляющая общества в свою очередь отталкивается от понятия духовной культуры и религиозности общества, на которые оказывают влияние большинство процессов в обществе. Именно общественные процессы формируют его «атомизацию» или «мифологизацию». Процессы могут быть как региональными, так и глобальными. Но и до развития средств массовой информации и за долго до появления интернета «мифологизация масс» имела место быть.

Так, сталинские репрессии повлияли на формирование и мифологизацию массового сознания граждан СССР и последующих поколений граждан. Исследователи отмечают, что мифологизация репрессии привело к возникновению особого типа культуры. Культуры

страха репрессии. Так, согласно исследованию Солоед К. В., проведенному в 2003–2005 гг. выявлено следующее:

1) у поколения, рожденного после указанных событий, все еще сохраняется страх репрессии;

2) многие процессы население пыталось замалчивать, переживая «на кухне»;

3) сформировалась самоцензура [3].

Так мы можем сделать выводы о том, что мифологизация массового сознания связана с политическими, социальными, а иногда и с глобальными процессами, происходящими в обществе. Так как данные процессы ведут к изменению множества парадигм в обществе. От отношения к чему-либо до объективизации или активизации гражданского общества. В связи с этим именно мифологизация массового сознания все больше становится объектом исследования политологов, социологов и других междисциплинарных исследователей. Мы, в свою очередь, понимая неизбежность мифологизации разных процессов современного общества, должны, дав объективную оценку не допустить формирования данных процессов. Так как именно мифологизация масс является одним из сдерживающих факторов демократизации общества.

Вопрос о «мифологизации массового» сознания особенно актуален в эпоху развития глобальной сети интернет. Так, главным фактором мифологизации мы наблюдаем растущее влияние на ценности и мировоззрение людей [4]. С одной стороны, в мире идут глобальные процессы по интернационализации и стиранию границ, с другой стороны существует негативный фактор. Главный негативный фактор – доступ к информации, которая способна формировать иную, не характерную для данного общества культуру. Проникновение иной культуры зачастую ведет к утрате национальной [5]. Данные, проникающее извне культурологические установки, оказывают влияние на морально-этические установки населения и оказывают влияние на поведение. Происходит медленный процесс дерадикализации сознания масс, в процессе которого происходит опредмечивание коллективных страхов, формирование коллективного бессознательного. Все это приводит к формированию современного процесса мифологизации сознания масс, в результате которого происходят деструктивные события, такие как вера в чипирование через вакцинацию, поджог телевышек с верой, что технологии передачи данных 5G влияют на сознание людей. Именно из-за таких процессов срываются государственные программы, планы по вакцинации населения.

Здравый смысл в его позитивном значении может быть охарактеризован как «квинтэссенция обыденно-практического сознания эпохи, сердцевина социальных смыслов, форма выражения общей логики мышления и поведения людей» [6, с. 137]. Главной функцией здравого смысла является рациональное обоснование действий и реальности. В то же время здравый смысл, подвергая сомнению разные процессы, не способен выявить взаимосвязь между событиями и процессами, которые наполнены эмоциональной окраской, так как здравый смысл опирается исключительно на научные данные. Именно поэтому для компенсации не охватываемых здравым смыслом процессов существует обыденное сознание, которое облегчает понятие тех или иных процессов. Именно из-за упрощения процессов и возникает угроза их мифологизации. Для обыденного сознания достаточно эмоциональной окраски событий или выстроенное логическое звено, цепь событий. В обыденном сознании не нужно научных объяснений или критической точки зрения, достаточно массовой поддержки позиции. Особенно важно в обыденном сознании подкрепление данных позиции верой. Это характерно для традиционных обществ. В развивающихся обществах место веры занимает идеология, атомизм общества.

Так мы приходим к выводу, что мифологизация затрагивает все сферы человеческой деятельности. Мифологизация – это характерная черта человечества. Главный вопрос в уровне мифологизации. Также данный процесс охватывает все уровни человеческой жизнедеятельности, выполняя регулятивную, коммуникативную, этиологическую роль в обществе. Главной функцией остается идеологизированность, манипулятивность. Мифологизация масс неизбежно возникает из-за социальных, биологических, гносеологических потребностей общества. То есть общество стремится облегчить процессы, мифологизируя их. Цены растут – это мировой заговор, товар пропал с прилавка – невидимая рука рынка и т.д. Мифы распространяются в массовой культуре как ответ на бытовые вопросы. Для поиска общественных мифов достаточно заглянуть в массовую культуру, так как сами мифы являются частью массового сознания. На сегодняшний момент распространение и трансляция мифов – одна из задач политической системы, целью которой является сохранение власти. Именно поэтому мифологизация массового сознания, как и общественные мифы, остаются частью современного общества.

Литература

1. *Иванов А. Г.* Социальная мифология в структуре общественной жизни // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2015. № 4. С. 5–15.
2. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 864 с
3. *Солоед К. В.* Журнал Практической Психологии и Психоанализа. 2010 год. № 4. Психологические последствия репрессий 1917–1953 годов в судьбах отдельных людей и в обществе.]
4. *Гаман-Голутвина О. В.* Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 153–159.
5. *Хабибулина З. Н.* Мифологизация массового сознания // <https://www.gramota.net/materials/9/2018/12-1/28.htm>
6. *Кукушкина Е. А., Логунова Л. Б.* Мировоззрение, познание, практика. М., 1998.

ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Ноянзина О. Е. (Барнаул, Россия), Куатова А. С. (Нур-Султан, Казахстан)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Аннотация: Развитие российских регионов в условиях переориентации на экономику знаний во многом определяется тем, насколько эффективно удастся сформировать, удержать и привлечь новые квалифицированные кадры, обеспечить социальную защиту и высокий уровень поддержки здоровья населения, и в целом управлять человеческим капиталом региона. В статье представлены результаты социологических исследований в шести приграничных регионах России (Алтайский край, Белгородская область, Воронежская область, Республика Бурятия, Хабаровский край, Челябинская область, n = 2400, 18-70 лет), анализируется уровень удовлетворенности населения имеющимися возможностями инвестирования в человеческий капитал и его использования, приводятся данные о приемлемости различных стратегий для повышения самооэффективности. Авторы делают вывод о том, что развитие человеческого капитала в приграничных регионах противоречиво и тесно связано со структурными возможностями, предоставляемыми региональными экономиками и системами социальной поддержки населения. Индивидуальные стратегии инвестирования подвержены множеству факторов, среди которых немаловажную роль играют факторы возраста, гендера и наличия детей, расселения, образования и материального положения, а также индивидуально-психологические факторы, определяющие мотивацию и реагирование на сложные жизненные ситуации.

Ключевые слова: человеческий регион, индивидуальные стратегии населения, приграничные регионы, инвестиции в человеческий капитал, удовлетворенность жизнью, готовность к изменениям

INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL AND INDIVIDUAL STRATEGIES OF POPULATION IN BORDER REGIONS OF RUSSIA (RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS)

**Omelchenko D. A., Maximova S. G., Noyanzina O. E. (Barnaul, Russia),
Kuatova A. S. (Nur-Sultan, Kazakhstan)**

Abstract: *The development of Russian regions in the transition towards a knowledge-based economy depends largely on the capability to form, retain and attract skilled human resources, ensure social protection and high level of health support, and, in whole, to manage effectively the regional human capital. The article is based on the results on the sociological surveys in six border regions of Russia (the Altai region, the Belgorod region, the Voronezh region, the Republic of Buryatia, the Khabarovsk region, and the Chelyabinsk region, n = 2400, respondents' age from 18 to 70 years). It presents the analysis of the satisfaction of population by structural opportunities to invest into human capital and its use, describes data about individual strategies of enhancing self-effectiveness. The authors conclude that the development of human capital in border regions is contradictory and closely related to the structural opportunities provided by regional economies and social support systems for the population. Individual investment strategies are subject to many factors, among which factors of age, gender and the presence of children, settlement, education and financial situation, as well as individual psychological factors that determine motivation and response to difficult life situations play an important role.*

Keywords: *human capital, individual strategies of population, border regions, investments in human capital, life satisfaction, readiness for change*

Важная роль человеческого капитала для экономического развития современных обществ выявлена давно и отражена в многочисленных моделях экзогенного, эндогенного и объединенного экономического роста [11; 12; 16]. Человеческий капитал, как и формирующий его интеллектуальный капитал, в большинстве стран составляет большую часть национального богатства (в России, по некоторым данным – около 50%, в совокупном глобальном богатстве стран – 66 %), и эта доля определяется тем, насколько важны для экономики страны природные ресурсы, чем их меньше, тем доля человеческого капитала выше.

От простой констатации влияния поведенческих факторов на результаты производительности труда и осознания того, что накопление человеческого капитала выступает ключевым фактором экономического и социального благосостояния современных обществ, многие страны уже давно перешли к активным практическим действиям по разработке национальных планов развития

человеческого капитала, поставив его в число важнейших приоритетов [14]. Значительная часть внимания в современных дебатах уделяется анализу различий в национальных и региональных траекториях развития, вскрывающих значительный диспаритет во времени перехода к пост-индустриальной экономике, различиях в количестве и качестве человеческого капитала, пространственных факторах и уровне мобильности населения, оказывающих влияние на перераспределение человеческого капитала по различным странам и регионам [15]. Так, например, в ряде публикаций приводятся цифры, что на страны ЕС, США, Канаду и Японию приходится 59 % мирового человеческого капитала, в то время как на Россию приходится только 8% мирового человеческого капитала, что указывает на явное недоиспользование человеческого потенциала для развития России, чрезмерную ориентацию на модель экстенсивного, а не интенсивного, технологического и инновационного экономического роста [3; 5].

Человеческий капитал объединяет знания, умения и профессиональные навыки, а также важные личностные черты, способности и компетенции, которые индивид накапливает в течение всей жизни и который позволяет реализовать потенциал и действовать в качестве продуктивных членов общества. Исследователи, занимающиеся методологическими проблемами измерения человеческого капитала [например, 6; 8; 9] справедливо отмечают, что он не является простым конгломератом, совокупностью перечисляемых элементов, они должны обязательно использоваться человеком в производственной деятельности, способствовать росту его доходов, то есть конвертироваться в другие виды капитала и требуют определенных вложений (времени, усилий, финансовых средств). То есть функционирование человеческого капитала сопряжено с процессами его формирования, накопления, использования, инвестирования. Уже в стандартной экономической модели, аккумуляция человеческого капитала видится как результат инвестиционного решения, когда индивид поступает частью своего дохода, который можно было получить во время получения образования или производственного обучения, ради возможности получить доходы в будущем. При этом предполагается, что люди будут инвестировать в свой человеческий капитал, то есть тратить время и деньги на дополнительное обучение только в том случае, если расходы (оплата за обучение, подготовительные курсы и т. д.), включая ограниченные возможности дохода в ходе учебы, покроются будущими доходами, иными словами, если обучение будет экономически выгодно. Как утверждает Р. Бландел, сам термин человеческий капитал возник

из понимания того, что выбор индивида (или организации, а также страны, государства) в пользу инвестирования в человеческий капитал подобен выбору других типов инвестиций, и что такие инвестиции предполагают затраты, которые индивид или организация планируют возместить в будущем за счет увеличения производительности [13].

Однако в действительности, идеальная модель функционирования рынка труда, предполагающая совершенную конкуренцию и превосходство в уровне производительности более образованных работников над менее образованными/опытными, не всегда работает из-за присутствия структурных барьеров и нечестной конкуренции, особенно в отношении некоторых видов занятости. Хотя помимо очевидных экономических преимуществ, инвестиции в человеческий капитал также имеют долгосрочные социальные эффекты, такие как снижение уровня преступности, повышение доверия и сплоченности, снижение неравенства, для отдельных граждан такого рода инвестиции могут быть недоступными без вмешательства государства и специальных финансируемых государствами программ. Именно поэтому правительства должны, не только осуществлять инвестиции в человеческий капитал, чтобы предоставить населению возможность быть конкурентоспособным на рынке труда, но повысить эффективность социальной защиты и распространить ее на всех членов общества [17]. Таким образом, к числу основных инвестиций в человеческий капитал принято относить формальное образование, обучение (общее, профессиональное или узкоспециальное, для определенного вида работы или организации), миграцию и поиск работы, инвестиции в здравоохранение и систему социальной защиты населения, вложение средств в рождение и воспитание детей. Последняя инвестиция ориентирована в будущее, поскольку позволяет воспроизводить человеческий капитал в следующих поколениях.

Исследования человеческого капитала в России показывают, что, с одной стороны, у нашей страны есть большие шансы на переход к социальной политике, ориентированной на нужды людей и повышение их человеческого потенциала. В качестве аргументов приводятся данные о значительных изменениях в экономике и социальной сфере, способствующей формированию группы населения, обладающей большей образованностью, доходами и вариативными потребительскими стратегиями, направленными на культурное развитие и поддержку здоровья, увеличении финансирования здравоохранения (на 74 % в период 2005-2015), реорганизацию системы здравоохранения, уменьшение смертности (в доковидный период), реформу системы обязательного медицинского образования,

снижения уровня неравенства в области получения дошкольного и дополнительного образования, развития третичного образования [10]. С другой стороны, многие российские ученые уже длительное время указывают на необходимость смены модели социально-экономического развития в связи со стремительным ростом неблагополучия в социальной сфере (в значительной степени увеличивающегося вследствие проводимых реформ), распространенностью неформальной, неустойчивой занятости и прекариата, значительным увеличением количества бедных, люмпенизацией населения, угрожающих критическим снижением качества российского человеческого капитала, препятствующих переходу страны на траекторию устойчивого роста и развития [2]. Проблемой является и значительное социальное расслоение, межрегиональная дифференциация, катастрофический разрыв между столичными и крупными промышленными регионами и «остальной Россией». К сожалению, в отношении приграничных регионов, особенно расположенных в восточной части страны, многие исследователи отмечают, что человеческий капитал превратился из инновационного в лимитирующий фактор, что вызвано нехваткой человеческих ресурсов, острым демографическим кризисом. Позитивная динамика в показателях человеческого развития является недостаточной для желаемого качественного «прорыва» и приводит к хроническому отставанию ряда дальневосточных и сибирских регионов от общероссийского уровня [1; 4]. Учитывая амбивалентное, противоречивое развитие человеческого капитала в регионах России в условиях неизбежной трансформации экономических отношений вследствие технологизации всех сфер общества, требуются комплексные научные исследования, позволяющие выявить уязвимости и точки роста для вывода политики в отношении человеческого капитала в России на качественно новый уровень. В этом отношении у социологии и социологических методов есть неоспоримые преимущества, связанные с возможностями изучения влияния институциональных условий на мировоззрение и поведение граждан, субъективных факторов, опосредующих развитие человеческого капитала в объективных условиях, формируемых на основе актуальной политической и экономической повестки дня.

Основываясь на базовом определении человеческого капитала региона как на совокупности характеристик здоровья, знаний, ценностей, образования, профессионального опыта и компетенций, социокультурного и инновационного развития населения, сформированных за счет индивидуальных поведенческих стратегий и

общественных инвестиций, обеспечивающих его устойчивое социальное и экономическое развитие, мы концентрируемся на анализе человеческого капитала во взаимосвязи с миграционными процессами на основе результатов социологических исследований, проведенных в шести приграничных регионах России (Алтайский край, Белгородская область, Воронежская область, Республика Бурятия, Хабаровский край, Челябинская область, $n = 2400$, возраст опрошенных от 18 до 70 лет, использовалась многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора). Отбор регионов проводился на основе типологизации по характеристикам миграционных процессов и качественным составляющим человеческого капитала по отдельным географическим зонам приграничья (европейская зона, кавказское приграничье, казахстанское приграничье, южное приграничье). В данной статье приводятся некоторые предварительные результаты проведенного анализа.

Хотя человеческий капитал является многоуровневым понятием, применяемым к большим социальным общностям, таким как отдельные регионы, страны и весь мир, в конечном итоге, цель новой «человекоцентричной» экономики состоит в улучшении жизни отдельных людей, семей и домохозяйств, а не абстрактном достижении показателей экономического роста. В этой связи, важным для оценки эффективности инвестиций в человеческий капитал являлся показатель удовлетворенности жизнью и ее отдельными аспектами.

Согласно результатам социологических опросов, оценки населения по девяти показателям удовлетворенности (таблица 1) отличались большой вариативностью в исследуемых регионах, что объяснимо, учитывая расхождения в их социально-экономическом развитии и демографическом составе населения. Наибольшее удовлетворение вызывали качество знаний, квалификация и навыки, полученные в ходе получения образования (среднее значение доли положительных оценок удовлетворенности по всем регионам составило 78,9 %), востребованность знаний навыков и компетенций (68,2 %), возможностью для получения для профессиональной подготовки и карьерного роста (55,7 %), условия труда (58,5 %), и, в целом, исполняемой работы (61,8 %), которые резко контрастировали с удовлетворенностью оплатой труда (33,3 %) и материальным положением (34,8 %), возможностями реализации предпринимательского потенциала, создания своего бизнеса, реализации креативных идей (23,9 %). Иными словами, трудовая деятельность для жителей приграничных регионов оценивалась

населением не столько исходя из возможностей получения дохода, которые в большинстве случаев оценивались как явно недостаточные, но из более широких нематериальных факторов, связанных с психологической удовлетворенностью своим трудом, возможностям саморазвития, устойчивостью социального положения. Налицо рассогласование между качеством и количеством знаний и получаемой финансовой отдачей (коэффициент корреляции между удовлетворенностью оплатой труда и удовлетворенностью имеющимся образованием составил всего 0,08, между оплатой труда и востребованностью профессии и компетенций – 0,28). Между тем, удовлетворенность жизнью в значительной степени детерминировалась удовлетворенностью материальным положением и оплатой труда, в совокупности определивших около трети дисперсии оценок (по результатам порядковой регрессии и коэффициентов детерминации).

По большинству показателей оценки условий и организации труда наиболее удовлетворенным оказалось население Белгородской области (см. Таблицу 1). Жители Воронежской области лидировали в оценках уровня знаний и востребованности компетенций, тогда как жители Челябинской области были более удовлетворены своим материальным положением (40 %) и возможностями карьерного роста, в том числе в результате профессиональной подготовки (63,2 %). Относительным, ввиду ограниченности сравнения, преимущество Хабаровского края являлась удовлетворенность жителей оплатой труда (39,0 %). Явными аутсайдерами являлись Республика Бурятия и Алтайский край, в которых низкими были оценки не только материальных, но и образовательных аспектов жизни, характеризующих человеческий капитал. Так, удовлетворены своей жизнью оказались только 52,2 % опрошенных в Алтайском крае и 68,6 % – в Республике Бурятия (для сравнения в Белгородской области доля удовлетворенных жизнью составила на порядок выше – 78,6 %). Таким образом, различия институциональных условий и возможностей, определяемых экономическим положением регионов, успешностью регионального управления, непосредственным образом отражалась на социальных настроениях их жителей. Результаты исследования свидетельствовали о том, что имеющийся человеческий капитал приграничных регионов, в частности, его образовательные составляющие являлись во многих случаях недоиспользованными, а в худшем – фактически несоответствующими экономическим реалиям, не конвертировались в реальные доходы населения.

Таблица 1 – Оценки удовлетворенности жизнью и различными аспектами, связанными с человеческим капиталом, в шести регионах исследования, %.

Аспекты	Алтайский край	Белгородская область	Воронежская область	Республика Бурятия	Хабаровский край	Челябинская область	Среднее значение
Вашей работой в целом	44,2	69,5	69,4	56,9	64,3	66,6	61,8
Условиями Вашего труда	43,7	67,5	62,7	54,7	60,8	61,5	58,5
Оплатой Вашего труда	24,6	38,7	34,0	27,2	39,4	35,6	33,3
Своим материальным положением	21,0	39,5	37,9	32,1	38,5	40,0	34,8
Качеством знаний, квалификацией, навыками, полученными Вами в процессе образования	60,6	85,6	86,7	76,0	82,4	81,8	78,9
Востребованностью образования, навыков, знаний и компетенций	46,5	72,8	74,7	68,5	73,2	73,7	68,2
Условиями и возможностями профессиональной переподготовки, роста карьеры	39,4	61,7	56,8	56,9	56,3	63,2	55,7
Возможностью реализации предпринимательских способностей, созданием своего бизнеса	22,5	24,7	23,8	21,3	24,6	26,7	23,9
Вашей жизнью в целом	52,2	78,6	76,7	68,9	67,8	77,3	70,3

Что население готово сделать для того, чтобы улучшить свое положение? Каковы типичные инвестиционные стратегии населения в отношении собственного человеческого капитала?

Наиболее приемлемым выходом для большинства являлись переквалификация, переподготовка или дополнительное обучение, на которые были готовы пойти более 40 % опрошенных жителей в работоспособном возрасте. Однако, полностью сменить сферу профессиональной деятельности были готовы немногие – около 26 % в Алтайском крае и Воронежской области, 30 % – в Белгородской и Челябинской областях, 31,3 % в Республике Бурятия и 36 % – в Хабаровском крае. Похожая ситуация наблюдалась и в отношении приобретения дополнительных навыков (см. таблицу 2), хотя, очевидно, что в условиях переориентации экономики на инновационные рельсы, эти дополнительные навыки, особенно в сфере ИТ-технологий, будут все более востребованы.

Интернационализация сферы труда и бизнеса, усиление роли транснациональных корпораций привели к повышению значимости лингвистических компетенций и владения иностранным языком в построении успешной профессиональной карьеры, повышении личной конкурентоспособности. Логично предположить, что для приграничных территорий, где доля контактов с представителями других государств потенциально более высока, знание иностранного языка является еще более значимым. Однако, исследуя индивидуальные поведенческие стратегии мы выяснили, что выучить иностранный язык для улучшения своего экономического положения готовы в среднем не более 27 % опрошенных во всех приграничных регионах. Исключение составляют жители Челябинской области (32,9 %), тогда как в Алтайском крае желающих выучить иностранный язык совсем мало (19,7 %).

Особую важность для исследования представляли результаты, полученные в отношении миграционных стратегий населения как способов инвестирования в человеческий капитал. Здесь стоит отметить, что если для отдельного индивида и его семьи миграция это положительное решение, способствующее улучшению финансового положения и возможностей семьи, то для большинства приграничных регионов отток населения представляет довольно существенную проблему, только отчасти компенсируемую за счет встречных, входящих, потоков межрегиональной и международной миграции. Полученные нами социологические данные позволяют уточнить вероятные масштабы будущих миграционных потоков. Так, переехать на длительное время в другой город или регион готовы более 40 % проживающих в Республике Бурятия и Хабаровском крае, 36,5 % – Челябинской области, около 25 % – в других регионах. Переехать в другую страну существенно меньше, однако, и в этом случае, объемы потенциальных мигрантов высоки: более 25 % в Хабаровском крае и Челябинской области, более 20 % – в Воронежской и Белгородской областях, 11,5 % – в Алтайском крае (с чем связан такой низкий уровень предстоит выявить на последующих этапах анализа).

Между тем, несмотря на в целом высокую готовность инвестировать в человеческий капитал, такой простой способ увеличения доходов как более интенсивная трудовая деятельность не является привлекательным для жителей всех регионов. Посвящать работе больше времени и сил, самосовершенствоваться готовы лишь 13–15 % жителей Алтайского края, Республики Бурятия и Белгородской области и Хабаровского края, тогда как в регионах-лидерах – почти на 4 % больше (см. таблицу 2). Похожие результаты и в

отношении изменений в своем образе жизни и внешнем виде, и такая корреляция, свидетельствует, на наш взгляд, не только о неосознаваемой важности имиджа как части человеческого капитала, но и об отсутствии реальных возможностей таким образом «вложиться в себя», чтобы выглядеть более привлекательно для работодателя.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «Что Вы согласны изменить в своей жизни для получения хорошо оплачиваемой, престижной работы (лучше, чем у Вас есть в настоящий момент)?», %.

Инвестиции	Алтайский край	Белгородская область	Воронежская область	Республика Бурятия	Хабаровский край	Челябинская область
Переехать или уехать на длительное время в другой город, регион	24,3	23,9	25,1	40,4	44,4	36,5
Переехать или уехать на длительное время в другую страну	11,5	21,0	20,6	22,8	25,6	25,9
Выучить иностранный язык	19,7	27,2	29,1	26	25,1	32,9
Сменить сферу профессиональной деятельности	25,8	29,6	25,9	31,3	35,9	30
Пройти дополнительное обучение, переквалификацию	40,7	49,4	52,0	43,1	51,2	51,3
Приобрести новые навыки (такие, например, как вождение автомобиля)	27,4	34,2	32,8	29,7	35,2	36,1
Поменять свой образ жизни, отказаться от вредных привычек	14,1	13,6	13,7	16,1	15,0	19,1
Посвящать работе больше времени и сил	13,3	14,0	19,3	15,6	15,3	20,4
Поменять свой имидж, стиль одежды и т.д.	10,2	17,3	16,3	15,0	11,5	18,8

Сравнительный анализ оценок в различных социально-демографических группах позволил выявить важные структурные факторы, детерминирующие выбор индивидуальных инвестиционных стратегий населения.

Одним из важнейших факторов являлся возраст. Так, специфичными стратегиями для молодого поколения до 35 лет являлись большая мобильность, готовность к профессиональным и имиджевым переменам, склонность к изучению иностранного языка: в данной группе респондентов 49,5 % были готовы уехать в другой регион, 38,3 % – в другую страну, 46,0 % – выучить иностранный язык, 41,2 % – сменить сферу профессиональной деятельности, 53,8 % –

приобрести новые навыки, 29,3 % – посвящать работе больше времени и сил, 23,8 % – поменять свой имидж. Различия составили 1,5–2,3 раза по сравнению с возрастной группой респондентов 36-59 лет, а с лицами старше – еще более внушительные величины.

Другой немаловажный фактор выбора инвестиций – гендер. Мужчины чаще соглашались уехать в другую страну – 28,4 % (у женщин 20,9 %), отказаться от вредных привычек – 21,4 % (у женщин 14,9 %), посвящать работе больше времени и сил – 24,5 % (у женщин 15,3 %). Женщины, напротив, были чаще готовы к смене профессиональной деятельности – 30,8 % (мужчины – в 25,8 % случаев), пройти переквалификацию – 51,0 % (43,6 %), приобрести новые навыки – 35,5 % (30,4 %), поменять имидж – 16,9 % (13,4 %). Фактор наличия детей, отчасти как продолжение гендерных различий и самостоятельная детерминанта, проявлялся в большей готовности к смене профессиональной деятельности (33,2 %), пройти обучение и переквалификацию (53,0 %), но реже – уехать в другую страну (18,3 %, среди не имеющих детей и более молодых – 24,7 %).

Безусловно важной детерминантой являлось место проживания респондента, демонстрирующее разрыв в образе жизни и поведении жителей городской и сельской местностей. Наиболее активными «инвесторами» являлись жители крупных городов, которые чаще выражали готовность переехать в другой регион (34,5 %) или другую страну (26,0 %), выучить иностранный язык (31,0 %), пройти обучение (52,2 %), научиться новому (35,8 %), поменять образ жизни (17,4 %), тратить больше времени и сил на работу 19,2 % (в селе – 8,7 %), поменять имидж (16,7 %).

Хотя основной мотив изменений жизни, который предлагался в инструментарии, был связан с улучшением экономического положения, экономический статус опрошенных сам по себе являлся важным фактором, определяющим не только выбор тех или иных инвестиций, но и отказ от них. Так, среди финансово обеспеченных граждан была выявлена более высокая готовность уехать в другую страну (26,0 %), выучить иностранный язык (33,7 %), при этом они чаще были не готовы менять свою профессиональную деятельность, которая, вероятно, ассоциировалась с хорошими доходами (22,4 % – среди бедных – 35,0 %).

Как показывает опыт, во всех развитых странах главной движущей силой экономики является образованный средний класс. Именно средний класс является залогом социальной устойчивости, формирует запрос на модернизацию, преобразования, оказывает ключевое влияние на политику [7]. Доля среднего класса в России незначительна

и существенно различается по регионам России. В нашем исследовании представители среднего класса (по результатам самооценки) действительно демонстрировали наибольшую готовность к переменам – смене квалификации (средний достаток – 50,4 %, обеспеченные – 49,4 %), приобретению новых навыков – 36,6 %, а также были готовы к большим тратам времени и сил для улучшения своей производительности – 22,7 %), что наглядно доказывало симбиотическую связь между улучшением условий и изменениями в образе мыслей и поведении.

Указанный тезис отчасти иллюстрировался и анализом различий по уровню образования. Лица с высшим образованием были чаще готовы поменять профессию (31,2%), пройти переквалификацию (50,6%), но при этом не были готовы тратить больше времени и сил на работу (16,6% – 20,5%), что, возможно, связано с более высокими амбициями и ожиданиями, а также изменениями в образе жизни, ценностными ориентациями.

Немаловажную роль имели и социально-психологические факторы. Так, интерналы были чаще готовы к переезду, обучению и смене профессиональной деятельности, риску и смене образа жизни, прилагать больше усилий.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать выводы о том, что индивидуальные стратегии населения приграничных регионов существенно дифференцированы в различных социально-демографических группах, распределены неравномерно территориально. Следовательно, нужны различные политические стратегии по изменению объема и качества человеческого капитала. Уязвимыми группами являются пожилые граждане, сельские жители, лица с невысоким образовательным уровнем. Поскольку гендер имеет значение, программы, ориентированные на улучшение отдачи от человеческого капитала, обязательно должны учитывать различия в восприятии и реализации ролей мужчин и женщин. Инвестиции в человеческий капитал несут циклический характер: успех создает предпосылки для новых успехов, неуспех (отсутствие успеха) – приводит к стагнации, нежеланию двигаться дальше. Развитие человеческого капитала в приграничных регионах требует подкрепления и закрепление успешных индивидуальных стратегий, распространение лучших практик путем создания перспектив для использования человеческого капитала на местном уровне, что безусловно требует реорганизации и модернизации экономических основ жизни. Требуются изменения институциональных условий и социальных механизмов распределения национального богатства,

которые должны стать более справедливыми, предсказуемыми и прозрачными. В противном случае, регионы будут продолжать получать лишь негативные дивиденды– не в виде регионального развития, а оттока человеческих ресурсов и потери расходов на подготовку специалистов региональными системами образования.

Литература

1. *Глазырина И. П., Фалейчик Л. М.* Восточное приграничье России: проблема сохранения человеческого капитала // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. №11 (485). С. 5–19.
2. *Гонтмахер Е. Ш.* Российский человеческий капитал: состояние и тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 15–24.
3. *Горбанёв В.* Человеческий капитал и постиндустриализация // Мировое и национальное хозяйство. 2016. № 4. С. 39–51.
4. *Калугина З. И.* Человеческий потенциал развития приграничных регионов Сибири // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. № 11 (485). С. 70–88.
5. *Корчагин Ю. А.* Эффективность и качество национальных человеческих капиталов стран мира. Воронеж: ЦИРЭ, 2011.
6. *Радаев В. В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. №. 4. С. 20–32.
7. Средний класс. Поиск стабильности в меняющемся мире. Петербургский международный экономический форум – 2019. Ключевые выводы. URL: <https://roscongress.org/news/the-search-for-middle-class-stability-in-a-changing-world/> (дата обращения: 1.06.2021).
8. *Хачатурян Н. М.* Специфика и критерии, определяющие реальные инвестиции и процесс управления ими // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2007. № 7. С. 113–115.
9. *Хмелева Г. А.* Человеческий капитал как условие формирования инновационной экономики региона. Directmedia, 2013.
10. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада: докл. К XVII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19-22 апр. 2016 г. / отв. Ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н.

- Овчарова, Л.И. Якобсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016.
11. *Шалимов С. М.* Модели экзогенного и эндогенного экономического роста в контексте развития экономики России // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2015. № 4 (8). С. 1–20.
 12. *Barro R. J.* Human capital and growth // *American economic review*. 2001. Т. 91. № 2. С. 12–17.
 13. *Blundell R. et al.* Human capital investment: the returns from education and training to the individual, the firm and the economy // *Fiscal studies*. 1999. Т. 20. № 1. С. 1–23.
 14. Human Capital Project: Year 2 Progress Report (English). Washington, D.C.: World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/483491602866728302/Human-Capital-Project-Year-2-Progress-Report> (дата обращения: 1.06.2021).
 15. *Kooiman N., Latten J., Bontje M.* Human capital migration: A longitudinal perspective // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2018. Т. 109. № 5. С. 644–660.
 16. *Romer P. M.* Human capital and growth: Theory and evidence. National Bureau of Economic Research, 1989. №. w3173.
 17. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work. Chapter 3. Building Human Capital. 49–68. https://elibrary.worldbank.org/doi/10.1596/978-1-4648-1328-3_ch3 doi:10.1596/978-1-4648-1328-3_ch3 (дата обращения: 1.06.2021).

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИЗОЛЯЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Пустовалова Е. В. (Барнаул, Россия)

Аннотация: *Этнокультурная изоляция как следствие мер по преодолению пандемии актуализировала старые и породила новые противоречия, связанные с этнокультурным многообразием мирового сообщества. Ее последствия проявились уже на первых этапах борьбы с коронавирусной инфекцией. Преодоление этих и отслеживание потенциальных последствий является сегодня важной задачей для всего общества. Представители разных областей знания активно изучают этнокультурные и иные проблемы, которые требуют своевременного реагирования. Отмечаются усиление межрасовых и межэтнических противоречий, дестабилизация экономики и усиление имущественного неравенства, мировоззренческий кризис, сепаратистские тенденции. Для возвращения к этнокультурной интеграции как источнику консолидации и сотрудничества полиэтничного общества необходимо совместными усилиями преодолеть уже существующие и потенциальные последствия этнокультурной изоляции в процессе борьбы с пандемией.*

Ключевые слова: *этнокультурная изоляция, этнокультурная интеграция, пандемия, полиэтничное общество, этнонациональные отношения*

EFFECTS OF ETHNOCULTURAL ISOLATION DURING PANDEMIC PERIOD

Pustovalova E. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: *Ethnocultural isolation as a result of measures to overcome the pandemic has actualized old and generated new contradictions associated with the ethnocultural diversity of the world community. Its consequences were already apparent in the first stages of the fight against coronavirus infection. Overcoming these and tracking potential consequences is an important task for the whole society today. Representatives of different fields of knowledge are actively studying ethnocultural and other problems that require a timely response. Strengthening of interracial and interethnic contradictions, destabilization of the economy and increasing property inequality, ideological crisis, separatist tendencies are noted. To return to ethno-cultural integration as a source of consolidation and cooperation of a multi-ethnic society, it is necessary to jointly overcome the existing and potential consequences of ethnocultural isolation in the process of combating the pandemic.*

Keywords: *ethno-cultural isolation, ethno-cultural integration, pandemic, multi-ethnic society, ethno-national relations*

Мировое этнокультурное многообразие является неотъемлемой качественной характеристикой общественного устройства. На протяжении веков выработывались механизмы, направленные на его консолидацию и согласованное существование. Современное общество невозможно представить без активного межкультурного взаимодействия различных этносов. Необходимость их сотрудничества предопределила специфику развития экономического уклада, правовых систем, гражданских институтов и духовных ценностей. Этнокультурная интеграция стала одной из ведущих тенденций социального развития. Она позволила успешно решать проблемы, возникающие на фоне согласования самобытных этнических и социально-культурных интересов народов мира. Однако, современная ситуация оказала определенное влияние на эти процессы и актуализировала ряд серьезных проблем в сфере этноинтеграции.

Пандемия коронавирусной инфекции, начавшаяся в 2019 году, вынудила практически все страны закрыть границы. Процесс оказался затяжным и привел к усилению этнокультурной изоляции. Достаточно очевидно, что для полиэтничного общества такое развитие событий является негативным фактором и необходимо подробно и глубоко исследовать проявившиеся и потенциальные последствия. Сама по себе этнокультурная изоляция, как отмечает, например, А. В. Резникова [3], уже давно стала распространенным явлением как реакция на действия многих государств, направленные на культурную ассимиляцию народов. Эта попытка сохранить свою самобытность представляет собой здоровое явление, требующее лишь внесения определенных корректив в межкультурное взаимодействие. Искусственное ограничение таких взаимодействий в попытке противостоять пандемии привело к усилению этнокультурной изоляции и возникновению связанных с этим проблем. Научное сообщество активно работает над их анализом, пытаясь не только найти решение по преодолению непосредственно вирусной инфекции, но и выявить социально-культурные последствия пандемии, разработать меры, способные снизить напряженность в обществе. Так, М. А. Бочанов и А. С. Муромский исследуют основные угрозы социальной безопасности России в этот сложный период. Они отмечают особую роль социальной политики органов власти в сохранении стабильности российского общества. Их анализ предпринимаемых государством мер поддержки показывает, что социальная политика в условиях пандемии усилилась, увеличив охват населения страны, нуждающегося в финансовой и иной помощи. Это позволило сохранить стабильность и минимизировать рост напряженности в обществе [1].

А. Н. Дьяченко, И. В. Печуров и Д. А. Мамина провели исследование миграционной ситуации в период введения ограничительных мер. Полученные ими результаты свидетельствуют о значительном сокращении (более чем вдвое) миграционного прироста, что привело к дефициту рабочей силы в стране. Они отмечают, что в сложной ситуации оказались как мигранты, уже находившиеся в России до закрытия границ, так и потенциальные мигранты, планировавшие приезд в страну на заработки [2].

Большое внимание в научной литературе уделяется изучению социально-психологических, экономических и мировоззренческих последствий социальной изоляции населения [4; 5; 6]. Так, А. С. Щербакова, М. С. Босов, О. В. Борисова выделяют такие негативные последствия, как страх перед возможностью заболеть, стресс от ограничения передвижения и вынужденного одиночества, сложности с адаптацией к дистанционному режиму работы. Вместе с тем, авторы отмечают, что можно говорить и о положительных последствиях, таких как возможность замедлить рабочий ритм и найти время для рефлексии жизни, для творчества и саморазвития и т. д. [6].

Г. Талаквандзе анализирует проблемы и последствия, возникшие в результате пандемии Covid-19 в глобальном масштабе. Автор акцентирует внимание на том, что сложившаяся кризисная ситуация продемонстрировала отсутствие в большинстве стран готовности социальных, политических и иных институтов к преодолению подобных потрясений. Это породило активный рост напряженности в обществе, коснувшийся таких фундаментальных основ, как права и свободы гражданина, экономический уклад, межрасовое и межэтническое взаимодействие, международное сотрудничество и социальная безопасность. В качестве итоговых предложений автором отмечается необходимость создания новых международных организаций, способных не только адекватно реагировать на возникающие угрозы разного масштаба, но и прогнозировать потенциальные проблемы, разрабатывать оптимальные сценарии преодоления общественных угроз [4].

Если посмотреть на эти проблемы сквозь призму этнонациональных отношений, то можно отметить, что они осложняют и усугубляют сложившуюся в результате «ковидных» ограничений, ситуацию. Так, экономическая дестабилизация практически во всех экономиках мира привела к усилению имущественного расслоения. В результате в многонациональных государствах возросла роль диаспор, способных оказать поддержку в сложной жизненной ситуации. Это усилило этнокультурную изоляцию.

Также произошло усиление межэтнических и межрассовых противоречий, особенно остро проявившихся в США. Общество, вместо консолидации для преодоления пандемии, оказалось расколото на два лагеря по расовому признаку. Митинги перерастали в насильственные протестные акции, отмечены такие явления, как вандализм и мародерство. Обострились и внешнеполитические противоречия, а с появлением вакцин началась конкурентная борьба за рынки сбыта. И это только те последствия, которые проявились с достаточной очевидностью.

Вместе с тем, есть все основания предполагать, что это не все последствия этнокультурной изоляции. Требуется масштабное социологическое исследование состояния общества на каждом этапе выхода из пандемии и дальнейший его мониторинг. Можно предположить, что этнокультурные противоречия, усилившиеся в результате изоляции, спровоцируют сепаратистские тенденции в ряде стран. Экономический спад может увеличить обнищание населения в целых регионах и т.д. Кроме того, особого внимания требуют и те трансформации, которые произошли в мировоззрении человека в этот сложный период. Г. Талаквадзе отмечает неизбежные изменения у людей в отношении к миру, собственной жизни, социальной коммуникации, принципам сосуществования и т. д. [4].

Очевидно, что эти последствия носят масштабный, можно сказать, глобальный характер и требуют совместных усилий по устранению последствий этнокультурной изоляции. Чтобы сохранить достижения по этнокультурной интеграции, активно развивавшейся до пандемии, и преодолеть наметившийся изоляционизм, необходимы совместные четкие, научно обоснованные в результате эмпирических исследований, планомерные действия всех международных институтов гражданского общества. Только совместными усилиями возможно выйти из этого нестабильного состояния и свести к минимуму социальную напряженность в мире.

Литература

1. *Бочанов М. А., Муромский А. С.* Социальная политика российского государства: новые вызовы и угрозы // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. № 1. С. 194–207.
2. *Дьяченко А. Н., Печкуров И. В., Мамина Д. А.* Миграционная ситуация в России в период пандемии Covid-19 (на примере трудовой миграции) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Сер. Социально-экономические науки. 2020. № 5. С. 65–73.

3. *Резникова А. В.* К вопросу о противодействии национальному и религиозному экстремизму в рамках поликультурного образовательного пространства // *Современные проблемы науки и образования.* 2012. № 6. С. 679.
4. *Талаквадзе Г.* Социальные, экономические и мировоззренческие последствия пандемии Covid-19 // *Sciences of Europe.* 2020. № 60. С. 44–50.
5. *Фан Цзюань, Ли Вэньсюань, Ленг Сян, Бабий А. А., Корж Е. М., Лихачева Э. В., Николаева Л. П., Огнев А. С.* Окулометрические и социально-психологические эксцессы в условиях пандемии Covid-19 // *Человеческий капитал.* 2021. № 2 (146). С. 99–105.
6. *Щербакова А. С., Босов М. С., Борисова О. В.* Социально-психологические последствия социальной изоляции населения в период пандемии (Covid-19) // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве.* 2020. № 9. С. 262–265.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ И КОРРУПЦИЯ: ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ

Спирина А. С. (Барнаул)

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19–311–90040 «Социальное доверие и коррупция: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях регионального социума» (2019–2021).

Аннотация: Проблема коррупции является одной из наиболее острых проблем для России, так как направлена на разрушение системы государственной службы, способствует формированию отрицательного отношения населения к государственным служащим, к служащим, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Важность институционального доверия проявляется в том, что оно рассматривается как основа для эффективного институционального взаимодействия и считается субъективным основанием стабильности общества в целом. В статье изучается, в какой степени доверие к некоторым социальным институтам сопряжено с показателями охвата и риска бытовой коррупции. Основными показателями выступили: доверие/недоверие медицинским организациям, дошкольным учреждениям, средним образовательным учреждениям, вузам, полиции, суду и ГИБДД. Было определено наличие взаимосвязи риска коррупции в отношении данных сфер обращения и охвата коррупционными практиками населения Алтайского края в зависимости от уровня институционального доверия.

Ключевые слова: институциональное доверие, охват коррупции, бытовая коррупция

INSTITUTIONAL TRUST AND CORRUPTION: ASSESSMENT OF INTERDEPENDENCY

Spirina A. S. (Barnaul, Russia)

Abstract: The problem of corruption is one of the most pressing problems for Russia, as it is aimed at destroying the system of civil service, contributes to the formation of a negative attitude of the population towards civil servants, towards employees performing managerial functions in commercial or other organizations. The importance of institutional trust is manifested in the fact that it is seen as the basis for effective institutional interaction and is considered a subjective basis for the stability of society as a whole. The article examines the extent to which trust in some social institutions is associated with indicators of coverage and risk of everyday corruption. The main indicators were: trust / distrust to medical organizations, preschool institutions, secondary educational institutions, universities, police, court and traffic police. It was determined that there is a correlation between the

risk of corruption in relation to these spheres of circulation and the coverage of corruption practices among the population of the Altai region, depending on the level of institutional trust.

Keywords: *institutional trust, coverage of corruption, petty corruption*

Институциональное доверие представляет собой доверие к социальным, властным институтам, общественным организациям и объединениям. Степень доверия населения к действующим в обществе формальным институтам может рассматриваться как обобщенная, интегральная характеристика эффективности и качества институциональной среды. Доверие властным институтам предполагает делегирование полномочий, одобрение курса, лояльность, надежду на достижение позитивных изменений, готовность дожидаться этих изменений [4]. Структура институционального доверия отражает происходящие в обществе социальные трансформации. Уровень доверия в обществе является величиной непостоянной. Институциональное доверие, с одной стороны, возникает под влиянием экономических, политических и социокультурных процессов [6]. С другой стороны, изменение уровня доверия обосновывается существующими в обществе социокультурными, экономическими и политическими факторами. Непостоянство уровня институционального доверия рассматривается как адаптационная форма в условиях нестабильной реальности [5].

Под коррупцией понимается невыполнение или ненадлежащее выполнение политическим деятелем, государственным служащим, бизнесменом и любым другим лицом своих служебных обязанностей в личных, семейных или групповых интересах [1]. Явление коррупции универсально для любого государственно-организованного общества, отличаются лишь масштаб и формы его проявления. Выделяют различные источники коррумпированности общества. Чаще всего упоминается об административно-правовых несовершенствах: безответственность исполнительной власти перед законодательной и судебной властями, отсутствие четкого распределения компетенции между государственными структурами с сохранением определенной доли дублирования служебных. Также отмечается пренебрежительное отношение государственных служащих к своим обязанностям, общественный кризис, сопровождающийся высоким уровнем пренебрежения к праву, правовым нигилизмом, нравственной неустойчивостью [3].

Высокий уровень коррупции в обществе способствует возникновению неуверенности в системе, а также формированию

ощущения ее изменчивости и зыбкости. Институциональное доверие в свою очередь рассматривается как важный параметр интеграции, сплоченности и социальной безопасности общества. Чем выше институциональное доверие, тем более устойчивой является общественная система [2]. Коррупция и доверие являются сложными и многоаспектными явлениями. В рамках данной работы будет осуществлен анализ взаимосвязи данных категорий.

Эмпирической основой полученных данных являются результаты социологического опроса населения Алтайского края в возрасте 18–70 лет ($n = 1200$). Было выбрано семь сфер обращения в государственные органы и учреждения населением за последний год: медицинская помощь, дошкольные учреждения, средние образовательные учреждения, вузы, полиция, суд и ГИБДД. По данным ситуациям был рассчитан риск коррупции и уровень институционального доверия. Также был выявлен уровень охвата коррупцией населения Алтайского края. Охват коррупции рассматривался как доля граждан, попадавших хотя бы один раз в жизни в коррупционную ситуацию независимо от исхода: дали они взятку или нет. Риск коррупции рассматривался как доля случаев попадания населения в коррупционную ситуацию при обращении в государственные учреждения для решения своего вопроса.

В результате проведенного анализа было получено, что охват коррупции различается в зависимости от уровня институционального доверия (χ^2 , $p < 0,001$). Максимальная доля населения, не попадавшего в коррупционную ситуацию, отмечается среди населения с высоким уровнем институционального доверия (70,2 %). Также не попадали в коррупционную ситуацию больше половины населения со средним уровнем институционального доверия (54,4 %). Среди населения с низким уровнем доверия половина населения отметили, что попадали в коррупционную ситуацию (50,5 %).

Оценка уровня институционального доверия показала, что население доверяет медицинским учреждениям (50,6 %), детским садам (76,9 %), средним образовательным учреждениям (73,5 %) и вузам (72 %). Не доверяют суду 58,1 %, полиции 58,3 % и ГИБДД 54,4 %. Риск попадания в коррупционную ситуацию по данным сферам находится на уровне 17,8–28,7 %. Наибольший риск коррупции был выявлен в отношении вузов (28,7 %), чуть меньше – в ситуации с ГИБДД (27,8 %), при обращении в среднюю школу (26,1 %), дошкольные учреждения (25,8 %), а также в суд (20,9 %) и полицию (20,8 %). Меньше всего, среди анализируемых ситуаций, риск коррупции проявлялся при обращении за медицинской помощью (17,8 %).

По данным ситуациям были выявлены статистически достоверные различия попадания в коррупционную ситуацию в зависимости от доверия/не доверия к общественному институту или организации, в которые обращалось население за последний год. Так среди населения, доверяющего медицинским учреждениям, доля тех, кто не попадал в коррупционную ситуацию при обращении, составила 88,5 % населения, доля попавших в коррупцию составила 11,5 %. Среди не доверяющего населения 74,3 % не попадали и 25,7 % попадали в коррупционную ситуацию (χ^2 , $p < 0,001$).

Среди населения, доверяющего средним общеобразовательным учреждениям, практически в два раза выше доля населения, не попадавшего в коррупционную ситуацию при обращении (80,6 %, среди не доверяющего – 45 %) и ниже доля попадавшего в коррупцию (19,4 %, среди не доверяющего – 55 %) (χ^2 , $p < 0,001$).

При взаимодействии с высшими учебными заведениями, среди доверяющего населения, не попадали в коррупционную ситуацию 79,3 %, среди недоверяющего населения не попадали в коррупционную ситуацию чуть меньше – 52,6 %. При этом среди недоверяющих практически в два раза выше доля населения, попадавшего в коррупционные ситуации (47,4 %) чем среди доверяющих (20,7 %) (χ^2 , $p < 0,001$).

Среди населения, доверяющего суду, выше доля тех, кто не попадал в коррупционную ситуацию (90,9 %), в отличие от не доверяющего (70,4 %). При этом доля попадавших в коррупционную ситуацию при обращении в суд практически в три раза выше среди недоверяющего населения (29,6 %), чем среди доверяющего (9,1 %) (χ^2 , $p < 0,001$).

Значительные различия также были выявлены в отношении ситуации с полицией (χ^2 , $p < 0,001$). Среди доверяющих доля населения, не попадавшего в коррупционную ситуацию при обращении, составила 96,2 %. В подгруппе не доверяющего населения не попадали в коррупционную ситуацию 66,7 %. Тем временем доля попадавших в коррупционную ситуацию при обращении в полицию практически в десять раз выше среди не доверяющего населения (33,3 %), чем среди доверяющего (3,8 %).

Среди населения, доверяющего ГИБДД, доля населения, не попадавшего в коррупционную ситуацию при обращении, составила 94 %. Среди не доверяющего населения не попадали в коррупционную ситуацию при обращении 83,3 % (χ^2 , $p < 0,005$). Среди не доверяющих практически в два раза выше доля населения, попадавшего в коррупцию (16,2 %), чем среди доверяющих (6 %).

Среди доверяющего дошкольным учреждениям населения, выше доля населения, не попадавшего в коррупционную ситуацию при обращении в детские сады (79 %), в отличие от не доверяющего детским садам (61 %) (χ^2 , $p < 0,005$). Попадали в коррупционную ситуацию 39 % не доверяющего населения и 21 % доверяющего.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что население региона в большей степени склонно доверять социально-значимым институтам и организациям. Недоверие проявляется по отношению к правоохранительным органам. Анализ показателей охвата и риска коррупции в подгруппах населения с разным уровнем институционального доверия подтверждает тот факт, что уровень институционального доверия находится во взаимосвязи с такими показателями коррупции как охват и риск бытовой коррупции.

Литература

1. *Климова М. В.* Понятие коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 433–442.
2. *Максимова С. Г., Ноянзина О. Е.* Институциональное доверие и развитие гражданского общества в Алтайском крае // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 6 (152). С. 185–189.
3. *Платов Е. В.* Причины коррупции в России // Наука. Общество. Государство. 2018. № 4 (24). С. 70–75.
4. *Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А.* Социокультурные основания институционального доверия // Власть. 2014. № 12. С. 122–130.
5. *Трофимова И. Н.* Институциональное доверие в современном российском обществе: причины и факторы // Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences. 2017. № 4. С. 1–9.
6. *Шорина И. Н.* Институциональное доверие в современном российском обществе (региональный аспект) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 8 (124). С. 271–274.

ПОТЕНЦИАЛ КОНФЛИКТОРАЗРЕШЕНИЯ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Стерлядева Н. А. (Барнаул, Россия)

Аннотация: В статье раскрывается роль казахской диаспоры Алтайского края в разрешении конфликтов. Изложены основные виды деятельности диаспоры, направленные на нейтрализацию условий для возникновения конфликтов, укрепление межнациональных отношений, формирование толерантности. Подчеркивается значимость деятельности членов казахской диаспоры по сохранению культуры, традиций, наследия, обычаев предков и языка за пределами Родины. Национально-культурная автономия казахов Алтайского края осуществляет профилактические мероприятия по урегулированию конфликтных ситуаций и устранению причин конфликта. На базе организации проводятся конференции, деловые встречи с представителями органов местного самоуправления в целях разрешения возникающих проблем, чтобы не допустить эскалации конфликта. Результаты исследования раскрывают потенциал диаспоры в предупреждении, урегулировании и разрешении конфликтов. Автор делает вывод, что диаспору можно рассматривать как разновидность социального института, функционирующего для удовлетворения потребностей определенного контингента людей, способствующего развитию и укреплению межнациональных взаимодействий.

Ключевые слова: конфликт, институты конфликто разрешения, межнациональные отношения, диаспора, предупреждение конфликта, урегулирование конфликта

POTENTIAL OF CONFLICT RESOLUTION FOR THE KAZAKH DIASPORA IN THE ALTAI KRAI

Sterlyadeva N. A. (Barnaul, Russia)

Abstract: An article discusses a role of the Kazakh diaspora in the Altai krai in conflict resolution. Author describes a types of diaspora activity, related with conflict prevention, enforcement of interethnic relations, and forming of tolerance. Here we stress the significance of the diaspora members in preserving culture, traditions, heritage, and native language outside the country of origin. The ethnic-cultural Kazakh's autonomy of the Altai krai realizes prophylactic measures, directed on conflict regulation and eliminating the reasons of conflicts. The organization conducts conferences and business meetings with bodies of local government to resolve actual problems, and to prevent escalation of conflicts. Research results cover a potential of the diaspora in prevention, regulation, and resolving conflicts. Author concludes about diaspora as a kind of social institute, functioning to

satisfy needs of certain ethnic group and promoting to development and perfecting interethnic relations.

Keywords: *conflict, institutes of conflict resolution, interethnic relations, conflict prevention, conflict regulation*

В современных условиях наряду с традиционными акторами международных отношений возникают новые участники мировых процессов. Одними из них являются диаспоры. В эпоху глобализации значимость диаспор и их влияние на социально-экономические, политические и культурные процессы резко возрастает. Как писал Р. Р. Назаров, этнические процессы, система межэтнических взаимодействий и межгосударственных отношений, тесно связаны с формированием и развитием такого социокультурного феномена как этнические диаспоры [2]. Основными направлениями деятельности диаспоры являются: сохранение и развитие традиций, оказание правовой, информационной помощи, укрепление связей между государственными и негосударственными структурами государств, стабилизация межнациональных отношений.

Отмечается рост количества диаспор в мире, что связано с увеличением масштабов миграции и стремлением переселенцев к объединению. Одновременно происходит усиление роли и места диаспор в системе международных и межнациональных взаимодействий, а также увеличение потенциала диаспор в урегулировании и разрешении разного рода конфликтов. В этом смысле диаспора в определенной степени выполняет одну из главных функций института конфликто разрешения, которые представлены государственными, муниципальными, гражданскими и иными организациями. Институты конфликто разрешения создаются для предупреждения, урегулирования и разрешения разного рода конфликтов: экономических, социально-политических, правовых, религиозных. Их деятельность направлена на нейтрализацию условий для возникновения конфликтов, совершенствование различных сфер жизнедеятельности, включая обеспечение прав человека, на удовлетворение потребностей общества в минимизации конфликтогенности, снижении социальной напряженности, поддержании социальной стабильности и устойчивости.

Одной из самых многочисленных в настоящий момент является казахская диаспора России. Казахская диаспора оказывает помощь выходцам из Казахстана в решении правовых вопросов легализации их положения, поиска работы, обучения. Диаспора помогает адаптировать и интегрировать своих соотечественников в новое общество, а также

оказывает содействие в сокращении случаев нелегальной миграции. Диаспора ведет работу по налаживанию международных культурных и деловых связей, оказывает содействие в приеме и сопровождении официальных делегаций Республики Казахстан и Российской Федерации.

Активная деятельность членов казахской диаспоры по сохранению культуры, традиций, наследия, обычаев предков и языка за пределами Родины свидетельствует о том, что свою дальнейшую судьбу они связывают с развитием России. В основном такие диаспоры казахов находятся в приграничных с Республикой Казахстан регионах – в Алтайском крае, Омской, Челябинской, Курганской, Оренбургской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областях. Казахи – одна из крупнейших этнических общностей. Среди них имеются внутренние групповые различия, а также различия с российскими казахами, т.е. с теми, кто давно проживает на территории Российской Федерации. В этой связи конфликты могут возникать в самых разных сферах и определяться несовпадением интересов и потребностей, особенностями национального самосознания. По мнению ученых, осознание национальной идентичности обусловлено в высокой степени конкретными общественными интересами и групповыми потребностями, в том числе и политического, экономического, культурного характера [1, с. 77].

По данным переписи населения 2010 года в Алтайском крае проживают 142 национальности. С целью их интеграции в Алтайском крае создана система взаимодействия органов государственной власти, общественных, национальных и религиозных организаций. В настоящее время в регионе насчитывается 57 национально-культурных объединений [3].

Алтайский край, который имеет негативные экономические и демографические прогнозы, крайне заинтересован в принятии и ассимиляции высококвалифицированных молодых трудовых резервов. В этой связи важно сформировать и продвигать специализированные программы по скорейшей адаптации и социализации прибывающих граждан, усиливая этнокультурные и языковые аспекты их адаптации [4, с. 236]. Реализация этих целей способствует деятельности диаспор.

Одной из самых многочисленных в регионе является диаспора казахов – около 10 000 человек. В Алтайском крае функционирует Национально-культурная автономия казахов. Ее основными задачами являются культурное, духовное, нравственное воспитание казахов, сохранение и развитие казахских традиций и обычаев, пропаганда

здорового образа жизни, сохранение и развитие старых и выработка новых высоконравственных этических норм поведения казахов [5].

Проводятся переговоры для укрепления политических связей России и Казахстана, разного рода конференции, встречи на региональном и международном уровнях. В данной организации проходили подписания важных соглашений между правительствами Алтайского края и акиматами Республики Казахстан. Так же по инициативе ректора Алтайского Педагогического университета Ирины Лазаренко при поддержке «Национально-культурной автономии казахов Алтайского края» был создан «Центр казахского языка и культуры (ЦКЯиК).

Для выявления роли диаспоры в разрешении конфликтов в Алтайском крае было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие 30 представителей «Центра казахского языка и культуры», принадлежащих к казахской национальности. Большая часть респондентов (80 %) отметили, что деятельность диаспоры как института конфликто разрешения может быть полезна для общества и государства в целом. Данное исследование показало, что при возникновении конфликтных ситуаций респонденты обращаются в Центр казахского языка или в автономию казахов Алтайского края. Большинство опрошенных (75 %) отметили помощь организации в разрешении конфликтных ситуаций. При возникновении каких-либо проблем участники организации напрямую обращаются к председателю национально-культурной автономии (70 %) и к руководителю Центра казахского языка и культуры (30 %). Респонденты считают, что автономия всегда помогает в разрешении каких-либо проблем, причем решает их в очень короткий срок. Руководство организаций выступает в роли медиатора, имея большой опыт разрешения конфликтов. В некоторых случаях при возникновении конфликтной ситуации проводится собрание, где заслушивают конфликтующие стороны или проблему того, кто обратился за помощью. Таким образом, руководство пытается разрешить конфликты путем диалога, компромисса и поиска зон согласия. Кроме того, представители диаспоры сотрудничают с администрациями районов Алтайского края, Правительством края для успешного разрешения проблемных ситуаций. Национально-культурная автономия казахов Алтайского края осуществляет профилактические мероприятия по урегулированию конфликтных ситуаций и устранению причин конфликта. На базе организации проводятся конференции, деловые встречи с представителями органов

местного самоуправления в целях разрешения возникающих проблем, чтобы не допустить эскалации конфликта.

Кроме того, диаспора ведет работу по формированию толерантности в многонациональном сообществе края путем ознакомления россиян с культурой казахского народа, участия представителей диаспор в культурных мероприятиях региона. Развитие культурных связей ведет к стабилизации межнациональных отношений, создает благоприятный образ своего народа и государства.

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать вывод о том, что диаспору можно рассматривать как разновидность социального института, функционирующего для удовлетворения потребностей определенного контингента людей. Диаспора способствует развитию и укреплению межнациональных взаимодействий, а также предупреждению, урегулированию и разрешению конфликтов.

Литература

1. *Максимова С. Г., Омельченко Д. А.* Психосемантические модели формирования национальной идентичности населения современной Сибири // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. Вып. 8. Ч.2. С. 66–79.
2. *Назаров Р. Р.* Феномен диаспоры // М.: УРСС, 2003, 126 с.
3. Национально-культурные объединения края. URL: <https://www.altairegion22.ru/gov/administration/isp/kompart/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/Natsionalno-kulturnye-obedineniia-kraia/> (дата обращения: 17.05.2021).
4. *Черепанова М. И., Горбунова А. А., Глуховерова Д. А., Сарыглар С. А.* Миграционные процессы в Алтайском крае: будет ли у региона будущее? // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. Вып. 11. С. 232–236.
5. Информационный портал НКО Алтайского края. URL: <https://www.nko22.ru/nko/natsionalno-kulturnaya-avtonomiya-kazakhov-altayskaya-kraevaya-obshchestvennaya-organizatsiya/ob-organizatsii-natsionalno-kulturnaya-avtonomiya-kazakhov/> (дата обращения: 17.05.2021).

ЭВЕНКИЙСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сунь Юйи (Шаньдун, Китай)

Аннотация: *Статья посвящена исследованию характера влияния глобализации и модернизации XXI века на традиционную музыкальную культуру эвенкийского этноса. Выявляются факторы и угрозы эвенкийской музыкальной культуры: рост миграционных потоков, стремительные процессы модернизации, расширение международных контактов, проникновение западной идеологии и культуры. Определены основные направления сохранения и последующего развития эвенкийской музыкальной культуры в условиях продолжающейся глобализации.*

Ключевые слова: *эвенкийская музыка, эвенкийская культура, музыка эвенков, музыкальное наследие эвенков, традиционная музыка, эвенки, глобализация*

EVENK MUSICAL CULTURE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Sun Yuyi (Shandong, China)

Abstract: *The article is devoted to the study of the nature of the influence of globalization and modernization of the XXI century on the traditional musical culture of the Evenk ethnos. The factors and threats to the Evenk musical culture are identified: the growth of migration flows, the rapid processes of modernization, the expansion of international contacts, the penetration of Western ideology and culture. The main directions of preservation and subsequent development of Evenk musical culture in the context of ongoing globalization have been determined.*

Keywords: *Evenk music, Evenk culture, Evenk music, Evenk musical heritage, traditional music, Evenk, globalization*

Нематериальное культурное наследие является важнейшей составляющей достояния любого народа. Устным традициям отводится значимая роль в любой культуре, поскольку они включают в свой состав не только язык, но и устные формы творчества, среди которых пословицы, загадки, стишки, легенды, фольклор, народные песни и музыка [3]. В жизни коренных народов и этнических меньшинств именно устные традиции являются тем объединяющим компонентом, который определяет структуру общества и формирует личность внутри нее, которая отличается от других местных сообществ [4].

Сегодня в условиях урбанизации, глобализации, смешения разных культур и народов, происходит изменение устоявшихся традиций

коренных народов и этносов. Нельзя сказать однозначно, являются ли эти изменения положительными или отрицательными. А ведь это необходимо в первую очередь для того, чтобы не допустить развития каких-либо негативных тенденций в перспективе, исключить возможность упадка или исчезновения самобытного и уникального компонентов культуры малочисленных народов [2].

В качестве цели настоящей статьи выдвигается анализ того, как изменялась эвенкийская музыкальная культура по истечению времени, каков характер влияния глобализационных тенденций на музыкальное наследие малочисленных народов – эвенков, проживающих на севере России и в Китае.

Проблема глобализации является одним из наиболее часто упоминаемых факторов, который оказывает влияние на потерю самобытности и уникальности культуры не только этнических меньшинств, но и целых сообществ [1]. Глобализация и модернизация – это силы, которые несмотря на свою неизбежность и положительное влияние, приводят к гомогенизации культурных групп, нивелируют различия между ними. Эвенкийские старейшины заявляют, что «чем дальше цивилизация к нам не приходит, тем лучше». Местные жители северных регионов России, члены сообществ «Коренная Россия», «Эвенки», «РАЙПОН» признают, что глобализация оказывает большое влияние на их образ жизни, культуру, обычаи и традиции. И одной из составляющих культуры эвенков, которая также оказалась под влиянием глобализационных процессов, является музыка [1].

Характер влияния глобализации на музыкальную культуру эвенков может быть раскрыт следующим образом.

Во-первых, стремительное развитие миграционных потоков среди эвенкийского народа, произошедшее под влиянием глобализации и расширения международных контактов, привело к падению спроса на местные ремесла, включая изготовление традиционных национальных музыкальных инструментов. Безработица, отсутствие должной поддержки со стороны государства, спад в экономике и нарастающая в результате этого волна миграции, обусловили спад интереса к национальному музыкальному искусству и наследию. Как заявляют представители эвенкийского народа: «чтобы сохранить музыкальные традиции, нужно также сохранить кочевой образ жизни». А это, в свою очередь, представляется затруднительным, особенно под влиянием глобализации и роста миграционных потоков. Миграция – это то, что вызывает отчуждение среди эвенков от своих этнических корней, ведет к отказу от языка, и, соответственно, от общей культуры в целом, что, в

свою очередь, является прямой угрозой исчезновению эвенкийских музыкальных традиций.

Во-вторых, процессы модернизации, последующие вместе с глобализацией, привели к тому, что местный бизнес эвенкийцев начал переходить к более современным формам для получения более высокого дохода. Современные технологии, в том числе в практике изготовления музыкальных инструментов, несмотря на то, что и облегчили многие технические процессы, все же повлияли на характер их использования и звучания в контексте традиционной эвенкийской музыкальной культуры.

В-третьих, под влиянием глобализации в музыкальном искусстве эвенков многие композиторы начали создавать свои произведения на английском языке. Изменение традиционного образа жизни эвенков, слияние с представителями других культур и народностей, двуязычная и трехязычная система обучения, смешанные браки и тому подобные глобализационные тенденции привели к трансформации традиционной культуры эвенков. Так, с каждым годом все реже и реже эвенкийский язык используется для создания новых песен.

В-четвертых, влияние западного музыкального искусства на музыкальную культуру эвенкийского народа. Воспитатели детских садов и преподаватели детских музыкальных школ заявляют, что, если еще пять лет назад в процессе выступлений, концертов и детских утренников, репертуар состоял в основном из традиционных эвенкийских песен, фольклора, то сегодня если не преобладающей, то на одном уровне с эвенкийским музыкальным наследием, является западная музыка. Нынешняя ситуация такова, что как подрастающее поколение, так и их родители, шаг за шагом теряют свои традиции и этническую индивидуальность, пребывая в бегах за западными мейнстримными тенденциями, которые модернизация и глобализация подталкивают к массам.

Таким образом, в рамках данной статьи были раскрыты основные тенденции развития музыкальной культуры малочисленных народов – эвенков, в условиях глобализации. Проведенный анализ показал, что влияние современных глобализационных и модернизационных процессов на эвенкийскую музыкальную культуру и традиции, является, скорее не благоприятным. Так, происходит потеря самобытности и уникальности эвенкийской музыки, ее смешение с западными музыкальными традициями. Потеря одного культурного элемента, неизбежно затронет и все остальные, в конце концов, это вызовет изменения в мировоззрении народа, изменит их ценности. А

это уже ставит под прямую угрозу существование эвенков как этнической группы и малочисленного народа в целом.

В таких условиях следует бережно и уважительно относиться к этнической музыкальной культуре эвенкийского народа, стремится продолжать ее традиции, развивать культурное ядро эвенкийской традиционной музыки. Это может быть обеспечено посредством создания различных программ и платформ, которые помогают распространять и сохранять эвенкийские музыкальные традиции. Именно реализация этих и других мер, позволит вселить надежду в представителей эвенкийского этноса относительно сохранения важнейшего пласта нематериального наследия всего эвенкийского народа – музыкальной культуры.

Ценность исследования эвенкийской музыкальной культуры в контексте глобализации состоит в первую очередь в понимании существенной ценности музыкальной культуры этнических меньшинств для мира, ее хрупкости и незаметности для глаза в повседневной жизни и в условиях стремительной глобализации.

Литература

1. *Chuguevskaia A.* The Loss of Oral Traditions in the Far East Russia: Future of the Community // *Ge-conservación*. 2017. № 11. P. 149–156.
2. *Heath A. F.* The globalization of public opinion research. *Annual Review of Political Science*. 2005. № 8. P. 297–333.
3. *Hine C.* Virtual Ethnography: Models, Varieties, Affordances. In: *Fielding N. R. Lee, Blank G. (Eds.). The SAGE Handbook of Online Research Methods*. SAGE, 2008. P. 257–271.
4. *Kozinets R.* Netnography. *Doing Ethnographic Research Online*. SAGE, 2010.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ

Суртаева О. В., Максимов М. Б., Гуляева А. С. (Барнаул, Россия)

Публикация подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии» (2020–2022).

Аннотация: *Интеллектуальный потенциал населения в современном мире становится одним из факторов социального, экономического и инновационного прогресса. Именно поэтому в последние годы исследование интеллектуального потенциала вызывает все больший интерес у представителей разных отраслей науки. В связи с этим авторы статьи попытались выявить основные методологические подходы к определению интеллектуального потенциала, среди которых наиболее ярко выделяются философский, психолого-педагогический и социально-экономический подходы, последний из которых представляется наиболее плодотворным для целей последующего социологического анализа. В статье проведен анализ определений интеллектуального потенциала населения и предлагается авторское определение интеллектуального потенциала населения.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, интеллектуальный потенциал населения, Индекс человеческого развития, Индекс уровня образования, образование, наука, компетенции*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ

Surtaeva O. V., Maximov M. B., Gulyaeva A. S. (Barnaul, Russia)

Abstract: *The intellectual potential of the population in the modern world is becoming one of the factors of social, economic and innovative progress. That is why, in recent years, the study of intellectual potential is of increasing interest among representatives of various branches of science. In this regard, the authors of the article tried to identify the main methodological approaches to the definition of intellectual potential, among which the most prominent are the philosophical, psychological-pedagogical and socio-economic approaches, the latter of which seems to be the most fruitful for the purposes of subsequent sociological analysis. The article analyzes the definitions of the intellectual potential of the population and proposes the author's definition of the intellectual potential of the population.*

Keywords: *human capital, intellectual potential of the population, human development index, education level index, education, science, competencies*

Интеллектуальный потенциал населения, являясь компонентом человеческого капитала, на протяжении длительного времени является объектом устойчивого внимания исследователей, представляющих широкий спектр отраслей науки. В современных условиях именно интеллектуальный потенциал населения становится ключевым фактором социального, экономического и инновационного развития. По состоянию на 2019 год в России Индекс уровня образования составил 0,832 (33 место из 189 обследованных стран), однако этот показатель не отражает некоторых существенных моментов, связанных с доступностью образования и его качеством. В 2020 году в Рейтинге национальных систем высшего образования по версии Universitas 21 Россия занимает 35 место из 50 стран, набрав 49,1 баллов из 100. Кроме того, по состоянию на 2016 год Индекс эффективности национальных систем образования для России составил 49,1 балл из 100, что соответствует 34 месту из 50 обследованных стран. Поэтому Россия, демонстрируя в целом высокий уровень по Индексу человеческого развития, делает это в основном за счет высокого уровня Индекса уровня образования, который, как уже было сказано, не отражает ни эффективности, ни качества этого образования. Однако эти показатели являются важными для оценки интеллектуального потенциала населения, что, в свою очередь, будет способствовать выработке мер, способствующих воспроизводству интеллектуального потенциала населения как в России в целом, так и в ее регионах. Причем, как отмечают Л. Н. Липатова и В. Н. Градусова [11], в настоящее время резко сокращается численность студентов, обучающихся в высших учебных заведениях, а удельный вес государственных расходов на образование в России ниже, чем в странах с высоким уровнем человеческого развития. Все это создает дополнительные риски и угрозы развитию интеллектуального потенциала населения страны и ее регионов.

Важность формирования и капитализации интеллектуального потенциала сегодня признана фактором, влияющим на конкурентоспособность на разных экономических уровнях. Давая разные интерпретации интеллектуального потенциала, исследователи продолжают ставить вопрос о взаимосвязи между интеллектуальным потенциалом и устойчивым экономическим развитием и, следовательно, достижением социального благополучия [32]. Эта область исследований является одной из самых важных как с точки зрения человеческих ресурсов, так и с точки зрения окупаемости инвестиций [44]. Ведь наиболее значимым фактором, влияющим на формирование интеллектуального потенциала, является

существующая в стране система высшего образования, науки и исследований, на которую в той или иной степени влияет государственное финансирование. Воздействие таких инвестиций должно быть положительным в контексте полученных экономических результатов и их влияния на будущее развитие.

На основе результатов исследования Piotrowska [35], посвященного изучению возрастных и гендерных различий среди сотрудников в отношении их мотивации к обучению, был предложен ряд рекомендаций относительно того, как организовать обучение сотрудников разных возрастных групп с целью способствовать общему росту производительности.

Тем не менее, похоже, что поиск лучшей альтернативы для повышения интеллектуального потенциала остается проблематичным. Эта проблема проистекает из того факта, что довольно часто исследования фокусируются либо исключительно на контексте расширения прав и возможностей человека (что типично для работ по человеческому развитию), либо на сравнении интеллектуальной базы стран со ссылкой на их общую конкурентоспособность, либо на поиске взаимосвязи между интеллектуальным потенциалом занятых и показателями экономики. Кроме того, в настоящее время исследования в этом направлении продолжаются как на уровне государств [17; 20; 30], так и на уровне организаций [22; 29; 31; 34].

Основное внимание уделялось факторам, влияющим на формирование интеллектуального потенциала населения, и, что наиболее важно, связанной с этим капитализации потенциала как отдельными акторами, так целыми странами. Эти факторы нередко выражаются не только в оценке взаимосвязей между индивидуальными и общественными достижениями, но и в анализе негативных тенденций в виде миграционных потерь людей с высоким уровнем образования, что априори означает снижение интеллектуального потенциала соответствующих стран или регионов-доноров. Эта проблема особенно остро стоит в развивающихся странах, где значительная часть государственных расходов идет на образование, а потоки эмиграции приводят к потере высокообразованных специалистов [21; 25; 26; 33]. Новые инструменты, созданные в результате повышения интеллектуального потенциала, также могут быть использованы как средство регионального развития [24]. В этом контексте Koisoва с соавторами [27] выявили значительные региональные различия, существующие между чешским и словацким рынками труда из-за различий в

первичном интеллектуальном потенциале, возможностях развития, экономических структурах, демографии и инфраструктуре.

Поскольку проблема наращивания интеллектуального потенциала населения существует и отличается высокой актуальностью, есть необходимость в определении понятия «интеллектуальный потенциал населения». Интерес к осмыслению сущности интеллектуального потенциала населения стал особенно сильным в середине XX века, когда бурно развивались такие теории как теория трудового потенциала, теория экономики знаний, теория человеческого капитала, которая наиболее значима для понимания сущности интеллектуального потенциала населения. В 1960-х годах Г. Беккер сформулировал основные положения теории человеческого капитала [18; 19], в то же время Т. Шульц стал развивать как ответвление указанной теории концепцию образовательного капитала [36–40]. Согласно этому подходу, человеку приносят доход его знания, умения и навыки, или, как принято определять всё это в настоящее время, его компетенции, то есть, всё то, что является интеллектуальными свойствами индивида.

Если проанализировать уже существующие определения интеллектуального потенциала населения, можно сделать вывод, что существуют как минимум три методологических подхода к его определению, однако общепринятого понимания данного термина в современной науке пока не представлено.

Первоначально трактовка интеллектуального потенциала населения развивалась в рамках философского подхода, где интеллектуальный потенциал рассматривался как абстракция, имеющая созидательную силу, но не изменяющаяся во времени [например, 13; 15; 23].

Далее рассмотрение интеллектуального потенциала населения проходило в русле психолого-педагогического подхода, согласно которому интеллектуальный потенциал приравнивался к обучаемости, или способности к обучению. В рамках этого подхода к интеллектуальным качествам человека относили креативность, инициативность, компетентность, способность к самоконтролю и саморегуляции, а также индивидуальность образа мышления [например, 1; 2].

Для нашего исследования наибольший интерес представляет социально-экономический подход к определению интеллектуального потенциала населения, согласно которому интеллектуальный потенциал рассматривается как комплексный показатель, содержащий в себе уровень развития креативных и интеллектуальных

возможностей, обусловленный особенностями функционирования сфер науки и образования, а также ускорением научно-технического развития [например, 5; 8–10; 42; 43].

Интеллектуальный потенциал является сложным и многогранным понятием, поэтому существуют разные концептуальные подходы к его определению. Так, Е. И. Наумова определяет интеллектуальный потенциал как возможность создания, развития и использования инновационных технологий и продуктов посредством трансформации опыта и знаний населения [12].

К. М. Рахлин и О. Ю. Серова понимают под интеллектуальным потенциалом весь комплекс интеллектуальных способностей населения, а именно – его ценностей, информации, которой оно обладает, знаний, умений, и навыков, а также возможностей раскрытия, развития и использования указанных способностей [14].

Т. Стюарт полагает, что под интеллектуальным потенциалом следует понимать комплекс знаний всех членов сообщества, которые обеспечивают его конкурентноспособность [41].

В. Г. Зинов рассматривает интеллектуальный капитал как один из нематериальных активов, который оказывает фундаментальное влияние на определение стоимости бизнеса [28].

А. Б. Кулакова полагает, что под интеллектуальным потенциалом следует понимать «совокупность возможностей государства, региона, коллектива, индивида создавать уникальное инновационное знание» [7, с. 2].

В. К. Левашов отмечает, что интеллектуальный потенциал концентрируется в двух тесно связанных сферах интеллектуальной жизни общества – образовании и науке. Содержание интеллектуального потенциала – это финансовые, человеческие, материальные ресурсы, сконцентрированные в указанных выше сферах. Измерив величину перечисленных ресурсов в науке и образовании, можно оценить накопленный и созданный в конкретном обществе потенциал к генерации новых технологий, продуктов, знаний, что и будет являться величиной интеллектуального потенциала этого общества [8; 9].

Как отмечают И. А. Киршин, Е. В. Вашурин и М. Н. Овчинников [4], интеллектуальный капитал может выступать как показатель эффективности инновационной экономики. При высоком уровне развития интеллектуального капитала инновационная экономика становится способной содействовать наиболее полной реализации интеллектуальных способностей как отдельного индивида, так и

общества в целом, что ускоряет социально-экономическое развитие и делает его более эффективным.

Существует также точка зрения, что интеллектуальный потенциал общества – это отражение уровня его культуры, и высокий уровень культуры будет сопровождаться положительным, а низкий – отрицательным ростом интеллектуального потенциала [6].

В. М. Шишова [16] определяет интеллектуальный потенциал человека как его способность точно и быстро находить решения для сложных задач.

Как отмечает А. Б. Докторович, «интеллектуальный потенциал человека, социальной группы или общества, являющихся его носителями, представляет собой совокупность интеллектуальных качеств, включающую интеллектуальные способности, которые могут быть использованы в жизнедеятельности и труде его носителей» [3].

Это далеко не полный перечень определений интеллектуального потенциала, встречающихся в российской и зарубежной научной литературе, однако даже уже по приведенным определениям можно проследить следующую тенденцию: понятие «интеллектуальный потенциал» может рассматриваться в науке как в широком, так и в узком смысле.

В широком смысле под интеллектуальным потенциалом понимается весь комплекс способностей человека, организации, региона или государства создавать специфические достижения в разных сферах: технике и науке, культуре и искусстве и других. Под интеллектуальным потенциалом в узком смысле понимают возможность той или иной структуры реализовывать и воспроизводить научно-технические инновации в материальном производстве, впоследствии использующиеся этой структурой. Подводя итог всему сказанному, под *интеллектуальным потенциалом* мы будем понимать всю совокупность актуальных, развивающихся и потенциальных способностей и компетенций отдельного индивида или социальной группы (организации, регионального социума или нации в целом).

Литература

1. *Богоявленская Д. Б., Жукова Е. С., Низовцова А. Н.* О возможностях и ограничениях тестов интеллекта // Проблемы современного образования. 2017. № 4. С.61–71.
2. *Деркач А. А., Назаров С. А.* Профессиональное самоопределение: сущность, структура, содержание // Акмеология. 2018. № 1 (65). С. 5–8.

3. *Докторович А. Б.* Социологический анализ и методика оценки развития интеллектуального потенциала // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 143–154.
4. *Кишин И. А., Ващурина Е. В., Овчинников М. Н.* Роль федеральных университетов в развитии и реализации интеллектуального потенциала страны и региона // ОТО. 2010. № 3. С. 456–470.
5. *Клейнер Г. Б.* Интеллектуальная экономика цифрового века. Цифровой век: шаги эволюции // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56. № 1. С. 18–33.
6. *Крамарова В. Ю.* Теоретические основы управления трудовым потенциалом предприятия // Символ науки. 2018. № 5. С. 76–79.
7. *Кулакова А. Б.* Интеллектуальный потенциал региона: теоретико-методологический подход // Вопросы территориального развития. 2017. № 2 (37). С.1–7.
8. *Левашов В. К.* Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 41–49.
9. *Левашов В. К., Руткевич М. Н.* Интеллектуальный потенциал страны: проблемы измерения и прогнозирования // Российская Федерация сегодня. 2017. № 3. С.13–19.
10. *Лежнина Ю. П.* Интеллектуальный потенциал как фактор инвестиционной привлекательности региона // Экономика образования. 2007. № 1 (38). С. 14–22.
11. *Липатова Л. Н., Градусова В. Н.* Основные тенденции и проблемы развития человеческого потенциала России в постсоветский период // Управленческое консультирование. 2019. № 6. С.102–113.
12. *Наумова Е. И.* Дематериализация капитализма: общественный интеллект и прекариат // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 1. С. 45–52.
13. *Орлов В. В.* Научная философия как основа интеллектуального потенциала общества // Новые идеи в философии. 2001. № 10. С.131–137.
14. *Рахлин К. М., Серова О. Ю.* Потенциал организации как основа ее конкурентоспособности.
URL: <http://quality.eup.ru/MATERIALY9/potencial.htm>
(10.07.2021).

15. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1999.
16. *Шушова В. М.* Интеллектуальный потенциал как источник развития экономики в современной России // Наука без границ. 2020. № 5 (45). С. 163–168.
17. *Baltgailis J.* The issues of increasing the effectiveness of teaching comparative economics // Insights into Regional Development. 2019. № 1 (3). P.190–199.
18. *Becker G. S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third Edition. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993.
19. *Becker G. S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. — Journal of Political Economy Vol.70, No.5, Part 2, 1962. С. 9–49.
20. *Beugelsdijk S., Klasing M. J., Milionis P.* Regional economic development in Europe: the role of total factor productivity // Regional Studies. 2018. № 52 (4). P.461–476.
21. *Bilan Y.* Migration of the Ukrainian Population: Economic, Institutional and Sociocultural Factors. London: Ubiquity Press, 2017.
22. *Brodowska-Szewczuk J.* Determinants of the development of enterprises' innovativeness in the aspect of competitiveness of the economy // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2019. № 7 (2). P.1279–1295.
23. *Chardin P. T.* Le phénomène humain. Paris: Les Éditions du Seuil, 1956.
24. *Civelek M., Ključnikov A., Krajčík V., Žufán J.* The Importance of Discount Rate and Trustfulness of a Local Currency for the Development of Local Tourism // Journal of Tourism and Services. 2019. № 10 (19). P.78–93.
25. *Gerasimov V., Sharafutdinov R., Kolmakov V., Erzinkyan E., Adamenko A., Vasilyeva A.* Control in the human capital management system in the strategy of innovative development of a region // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2019. № 7 (2). P.1074–1088.
26. *Hrivnak M., Melichova K., Fazikova M., Rohacikova O.* University graduates, knowledge spill-overs and localization of knowledge intensive ventures – case of postsocialistic country // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2019. № 7 (1). P.146–165.

27. *Koisova E., Masarova J., Habanik J.* Regional Differences in the Labour Market in Slovakia and the Czech Republic // Journal of Competitiveness. 2018. № 10 (2). P.104–117.
28. *Kurakova N. G., Zinov V. G., Tsvetkova L. A.* The system of measurable indicators for scientific and technological development of the Russian Federation: methodology and design // Scientific and Technical Information Processing. 2017. T. 44. № 3. C. 184–195.
29. *Lentjushenkova O., Zarina V., Titko J.* Disclosure of intellectual capital in financial reports: case of Latvia // Oeconomia Copernicana. 2019. № 10 (2). P.341–357.
30. *Mačerinskienė I., Aleknavičiūtė R.* National intellectual capital influence on economic growth in the European Union countries //Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy. 2017. № 12 (4). P.573–592.
31. *Mačerinskienė I., Survilaitė S.* Company's intellectual capital impact on market value of Baltic countries listed enterprises // Oeconomia Copernicana. 2019. № 10 (2). P.309–339.
32. *Markhaichuk M., Zhuckovskaya I.* The spread of the regional intellectual capital: the case of the Russian Federation // Oeconomia Copernicana. 2019. № 10 (1), P.89–111.
33. *Mishchuk H., Grishnova O.* Empirical study of the comfort of living and working environment – Ukraine and Europe: comparative assessment // Journal of International Studies. 2015. № 8 (1). P.67–80.
34. *Nimtrakoon S.* The relationship between intellectual capital, firms' market value and financial performance: Empirical evidence from the ASEAN // Journal of Intellectual Capital. 2015. № 16 (3), P.587–618.
35. *Piotrowska M.* Facets of Competitiveness in Improving the Professional Skills // Journal of Competitiveness. 2019. № 11 (2). P.95–112.
36. *Schultz T. W.* Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities), New York: National Bureau of Economic Research, 1972.
37. *Schultz T. W.* Investment in Education: Equity-Efficiency Quandary. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
38. *Schultz T. W.* Investment in Human Beings. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
39. *Schultz T. W.* Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research, New York: Free Press, 1971.

40. *Schultz T. W.* The Economic Value of Education. New York: Columbia University Press, 1963.
41. *Stewart T. A.* Intellectual Capital: The New Wealth of Organizations, Nicholas Brealey Intl; 2nd edition, 1998.
42. *Tatarkin A. I.* Society's intellectual resource // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2011. T. 81. № 4. C. 350–357.
43. *Tatarkin A. I., Novikova K. A.* The innovative capacity of a territory in behavioral assessments of its population // R-Economy. 2015. T. 1. № 3. C. 368–380.
44. *Zygmunt A.* External linkages and intellectual assets as indicators of firms' innovation activities: results from the Czech Republic and Poland // Oeconomia Copernicana. 2019. № 10(2), P.291–308.

ФАКТОРЫ ВЫБОРА ВОЗВРАТНЫМИ МИГРАНТАМИ МЕСТА ДЛЯ ПЕРЕЕЗДА

Суртаева О. В., Сытых О. Л., Барнаул (Россия), Осипова Т. В. (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-2632.2020.6 «Возвратная миграция и миграционная политика: адаптивные стратегии переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах России» (2020–2021 гг.).

Аннотация: *Одной из важнейших стратегических целей России выступает обеспечение роста населения, поскольку в настоящее время в стране наблюдаются тенденции к старению населения и снижению его численности, особенно в регионах Дальнего Востока, Сибири и Центральной России. Эта цель не в последнюю очередь может быть достигнута за счет возвратной миграции, поскольку мигранты, уже проживавшие в России и возвращающиеся обратно, обладают большим потенциалом для интеграции в принимающее сообщество. В связи с этим авторы статьи проанализировали факторы, влияющие на выбор возвратными мигрантами страны и региона, куда они осуществляют переезд, исходя из данных социологического исследования, проведенного в 2020 году в приграничных регионах России, в котором приняли участие 80 возвратных мигрантов. На основе частотного анализа и межрегиональных сравнений, проведенных с использованием критерия χ^2 , были получены результаты, описывающие общие и региональные особенности выбора возвратными мигрантами места для переезда.*

Ключевые слова: *возвратная миграция, миграционное поведение, миграционные процессы, миграция, приграничные регионы, миграционная политика*

FACTORS OF THE MIGRANTS' CHOICE OF PLACE FOR A MOVEMENT

Surtaeva O. V., Sytykh O. L. (Barnaul, Russia), Osipova T. V. (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Abstract: *One of the most important strategic goals of Russia is to ensure population growth, since at present there are trends in the country towards an aging population and a decrease in its number, especially in the regions of the Far East, Siberia and Central Russia. This goal, not least of all, can be achieved through return migration, since migrants who have already lived in Russia and are returning back have great potential for integration into the host community. In this regard, the authors of the article analyzed the factors influencing the choice of the country and region, where they move, based on*

the data of a sociological study conducted in 2020 in the border regions of Russia, in which 80 returning migrants took part. Based on the frequency analysis and interregional comparisons carried out using the χ^2 criterion, results were obtained that describe the general and regional features of the choice of a place for moving by return migrants.

Keywords: *return migration, migration behavior, migration processes, migration, border regions, migration policy*

Россия относительно недавно вошла в список основных стран-реципиентов для мигрантов [3]. После распада Советского Союза произошли изменения в отношениях между Россией и другими бывшими республиками СССР [5, 8]. Эти динамичные процессы были сформированы политикой России в области миграции, а также изменениями в характере самой миграции. Россия имеет дело такими же вызовами международной миграции, как и другие государства: проблемы укрепления экономики и рынка труда, вопросы развития, гуманитарные проблемы, соблюдение прав человека, угрозы национальной безопасности, такие как, например, преступность [2; 6; 7]. Россия представляет собой мультикультурное общество, и она – одна из крупнейших стран мира по приему мигрантов [4; 9]. По данным ООН, Российская Федерация занимает четвертое место в мире по количеству мигрантов (11,7 миллиона). Для сравнения: в 2000 году Российская Федерация (11,9 миллиона человек) уступала по количеству мигрантов только США (34,8 миллиона человек). Теперь такие страны как Саудовская Аравия (12,2 миллиона) и Германия (12,2 миллиона) обогнали Россию [10]. Возможно, этому способствовали потоки беженцев в ЕС из-за противостояния на Ближнем Востоке.

По оценкам экспертов, к 2030 году трудоспособное население России сократится как минимум на 11 миллионов человек. В условиях сокращения объема рабочей силы внутри страны, старения населения и снижения численности населения в регионах Дальнего Востока, Сибири и Центральной России, в частности, важнейшей стратегической целью страны является обеспечение роста населения за счет миграции, в том числе, за счет возвратной миграции, поскольку мигранты, уже проживавшие в России и возвращающиеся обратно, обладают большим потенциалом для более быстрой и эффективной интеграции в принимающее сообщество [1].

В связи с этим в 2020 году было проведено исследование, одной из задач которого выступал анализ факторов и механизмов возвратной миграции в приграничных регионах России. На этом этапе

исследования происходила апробация стандартизованных показателей и инструментария опроса мигрантов по изучению факторов и механизмов возвратной миграции, оценке адаптивных стратегий и практик переселенцев и принимающего населения в приграничных регионах современной России. На этапе апробации инструментария в исследовании приняли участие 80 возвратных мигрантов из Алтайского края, 31 возвратный мигрант из Новосибирской области, 11 возвратных мигрантов из Приморского края, 2 возвратных мигранта из Забайкальского края, 1 возвратный мигрант из Псковской области и 21 возвратный мигрант из других приграничных регионов России. В процессе анализа межрегиональных различий сравнения будут проводиться между Алтайским краем, Новосибирской областью и всеми остальными регионами, чтобы обеспечить наполняемость подгрупп, поскольку на этапе апробации инструментария не была достигнута приемлемая наполняемость по всем регионам проведения исследования.

Подавляющее большинство возвратных мигрантов прибыли в Россию из Казахстана (70,7 %). Каждый восьмой возвратный мигрант (12,7 %) приехал в Россию из Киргизии. Из Узбекистана прибыло в Россию 4 % возвратных мигрантов, из Таджикистана и Украины – по 3,3 %, из Беларуси и Канады – по 0,7 %.

В результате исследования были обнаружены значимые различия (χ^2 , $p \leq 0,05$) в распределении респондентов по государствам исхода в зависимости от региона проведения исследования. Так, из Беларуси возвратные мигранты значимо чаще приезжают в другие регионы России (2,6 %), чем в Алтайский край (0,0 %) и Новосибирскую область (0,0 %). Из Казахстана возвратные мигранты чаще приезжают в Новосибирскую область (90,3 %), чем в Алтайский край (85,0 %) и другие российские регионы (25,6 %). Из Канады возвратные мигранты значимо чаще приезжают в другие регионы России (2,6 %), чем в Алтайский край (0,0 %) и Новосибирскую область (0,0 %). Из Киргизии возвратные мигранты значимо чаще приезжают в другие регионы России (46,2 %), чем в Алтайский край (1,3 %) и Новосибирскую область (0,0 %). Из Таджикистана возвратные мигранты значимо чаще приезжают в Алтайский край (6,3 %), чем в другие регионы России (0,0 %) и Новосибирскую область (0,0 %). Из Узбекистана возвратные мигранты значимо чаще приезжают в другие регионы России (10,3 %), чем в Новосибирскую область (6,5 %) и Алтайский край (0,0 %). Из Украины возвратные мигранты значимо чаще приезжают в другие регионы России (5,1 %), чем в Алтайский край (3,8 %) и Новосибирскую область (0,0 %).

Как показали результаты исследования, подавляющее большинство возвратных мигрантов в приграничных регионах России уже имеет российское гражданство (80,8 %). Каждый десятый возвратный мигрант (10,3 %) имеет разрешение на временное проживание. Только 6,2 % респондентов сообщили, что на данный момент являются гражданами страны, из которой приехали в Россию, а 2,7 % респондентов в настоящий момент имеют вид на жительство.

На первом месте в рейтинге причин возвращения мигрантов в Россию оказалось их желание получить российское гражданство (55,0 %). Второе место делят такие причины как желание вернуться в русскую культурную среду (40,9 %) и желание получить качественное образование либо для себя, либо для членов своей семьи (40,3 %). На третьем месте по частоте встречаемости оказались следующие причины возвращения в Россию: воссоединение с родственниками, семейные обстоятельства (20,1 %), незнание государственного языка страны выбытия (19,5 %) и отсутствие работы по специальности и перспектив трудоустройства в стране выбытия (18,8 %). Реже всего возвратные мигранты упоминали в качестве причин возвращения в Россию нестабильную политическую обстановку в стране выбытия (17,4 %), межнациональные конфликты в стране выбытия (15,4 %) и плохую экологическую обстановку, неподходящий климат в стране выбытия (14,8 %). Кроме этого, 2,7 % респондентов указали иные причины приезда в Россию, среди которых были следующие: в России больше возможностей дать детям образование, в России перспективнее развитие в научной сфере, в России есть работа, желание заключить брак в Российской Федерации и желание дать внукам образование в России.

Было установлено, что степень актуальности для возвратных мигрантов некоторых причин переезда в Российскую Федерацию значимо варьирует (χ^2 , $p \leq 0,05$) в зависимости от места проведения исследования. Так, желание получить российское гражданство как причина переезда в Россию более актуальна для мигрантов из Алтайского края (67,5 %), чем для мигрантов из Новосибирской области (48,4 %) и из других российских регионов (34,2 %). По причине плохой экологической обстановки и неподходящего климата в стране исхода в Россию чаще приезжают мигранты из Новосибирской области (35,5 %), чем мигранты из Алтайского края (10,0 %) и других регионов России (7,9 %). Нестабильная политическая обстановка в стране исхода является более значимым фактором для мигрантов из других регионов России (42,1 %), по сравнению с мигрантами из Новосибирской области (16,1 %) и Алтайского края (6,3 %). Желание вернуться в русскую

культурную среду более актуально как причина переезда в Россию для мигрантов из Новосибирской области (61,3 %), чем для мигрантов из других российских регионов (42,1 %) и мигрантов из Алтайского края (32,5 %). И, наконец, незнание государственного языка страны исхода более актуально как причина переезда в Россию для мигрантов из Новосибирской области (38,7 %), чем для мигрантов из других российских регионов (23,7 %) и мигрантов из Алтайского края (10,0 %).

Интересно проанализировать не только причины выбора мигрантами России в качестве страны для переезда, но и причины выбора ими конкретных российских регионов, в которые они переехали. Первоочередная причина, по которой возвратные мигранты выбирают регион проживания – это наличие в регионе родственников, друзей или знакомых (49,0 %). Второе место в рейтинге причин переезда в конкретный регион занимают возможность найти подходящую работу (31,5 %) и возможность получения качественного образования (31,5 %). На третьем месте по частоте встречаемости в рейтинге притягивающих факторов оказались комфортные климатические и экологические условия и географическое расположение (26,2 %), а четвертое место занимает доброжелательное отношение местного населения (20,1 %). Среди наименее популярных причин переезда возвратных мигрантов в конкретный регион оказались следующие: уровень социально-экономического развития региона (14,1 %), наличие доступного жилья (10,1 %), уровень заработной платы (9,4 %) и проживание респондента в этом регионе ранее (4,0 %). Кроме этого, 3,5 % респондентов указали иные причины переезда именно в тот регион, в котором они находятся в настоящий момент, среди которых были следующие: город был близок территориально к Казахстану, удобно было ездить делать документы; наличие в этом регионе «гражданской жены»; надежда на то, что в этом регионе будет лучше жить; этот регион является родиной деда респондента; респондент получал образование в этом регионе.

Было установлено, что степень актуальности для возвратных мигрантов некоторых причин переезда (особенно связанных с работой и заработком) в конкретный регион значительно варьирует (χ^2 , $p \leq 0,05$) в зависимости от места проведения исследования. Возможность найти подходящую работу является более значимым фактором при переезде в конкретный регион для мигрантов из других регионов России (44,7 %), по сравнению с мигрантами из Новосибирской области (38,7 %) и Алтайского края (22,5 %). Уровень социально-экономического развития региона чаще называли как значимый притягивающий фактор мигранты из Новосибирской области (38,7 %),

чем мигранты из других регионов России (21,1 %) и Алтайского края (1,3 %). Уровень заработной платы выступает более значимым фактором при переезде в конкретный регион для мигрантов из других регионов России (18,4 %), по сравнению с мигрантами из Новосибирской области (16,1 %) и Алтайского края (2,5 %).

Четверть от всех опрошенных в приграничных регионах возвратных мигрантов в настоящее время находятся на должности специалиста с высшим образованием (24,8 %), почти пятая часть (17,2 %) являются работниками сферы обслуживания или торговли, а каждый десятый (11,0 %) является студентом очной формы обучения, не работая в настоящий момент.

Также в выборке мигрантов встречались служащие без высшего образования (9,0 %), не работающие в настоящий момент (9,0 %), квалифицированные рабочие (7,6 %), домохозяйства (6,9 %), неработающие пенсионеры (3,4 %), предприниматели и фермеры (2,8 %), руководители и заместители руководителей организации (2,1 %), руководители подразделений в организации (1,4 %), военнослужащие (0,7 %) и неквалифицированные рабочие (0,7 %). Респонденты, выбравшие вариант ответа «другое» (3,4 %), давали следующие ответы: «воспитатель детского сада», «нахожусь в декретном отпуске», «машинист крана», «не работаю по состоянию здоровья» и «профессиональный сварщик».

В исследовании были обнаружены значимые различия (χ^2 , $p \leq 0,05$) в типах занятости возвратных мигрантов в зависимости от региона проведения исследования. Так, в Алтайском крае значимо чаще, чем в других регионах, охваченных исследованием, встречались следующие варианты занятости возвратных мигрантов: руководитель или заместитель руководителя предприятия, учреждения, фирмы (3,8 %), специалист на должности, требующей высшего образования (26,9 %), не работающий студент очной формы обучения (20,5 %) и ведущий домашнее хозяйство в качестве основного занятия (9,0 %). В Новосибирской области значимо чаще встречались следующие варианты занятости возвратных мигрантов: предприниматель, имеющий собственный бизнес, или фермер (3,2 %), руководитель подразделения внутри организации (6,5 %), работник сферы обслуживания или торговли (25,8 %), неквалифицированный рабочий, например, уборщик, сортировщик, дворник и т.п. (3,2 %) и в настоящее время не имеющий работы (19,4 %). В остальных регионах, охваченных исследованием, значимо чаще Алтайского края и Новосибирской области встречались следующие типы занятости возвратных мигрантов: служащий на должности, не требующей высшего

образования (13,9 %), военнослужащий (2,8 %), квалифицированный рабочий любой отрасли промышленности (13,9 %), неработающий пенсионер (8,3 %), а также в этих регионах респонденты чаще выбирали вариант «другое» (13,9 %).

Таким образом, как показали результаты исследования, подавляющее большинство возвратных мигрантов прибывают в Россию из Казахстана, каждый восьмой из Киргизии, а также встречаются мигранты из Узбекистана, Таджикистана, Украины, Беларуси и Канады. При этом мигранты из Казахстана чаще приезжают в Новосибирскую область, мигранты из Таджикистана – в Алтайский край, а мигранты из остальных государств – в другие приграничные регионы России. Подавляющее большинство возвратных мигрантов в приграничных регионах России уже имеет российское гражданство, каждый десятый имеет разрешение на временное проживание, совсем небольшая доля возвратных мигрантов на данный момент не имеют российского гражданства или вида на жительство.

К наиболее значимым причинам, по которым мигранты решили вернуться в Российскую Федерацию, относятся желание получить российское гражданство, желание вернуться в русскую культурную среду и желание получить качественное образование либо для себя, либо для членов своей семьи. При этом мигранты из Алтайского края чаще сообщали, что приехали в Россию для получения гражданства, мигранты из Новосибирской области чаще приезжают в Россию из-за неудовлетворительной экологической обстановки и плохого климата в стране исхода, а также в связи с желанием вернуться в русскую культурную среду и незнанием государственного языка страны исхода, а мигранты из других приграничных регионов чаще приезжают в Россию по причине нестабильной политической обстановки в стране исхода.

К наиболее значимым причинам, по которым мигранты решили переехать именно в тот регион, в котором находятся в настоящее время, относятся наличие в этом регионе родственников, друзей или знакомых, возможность найти подходящую работу, возможность получения качественного образования и комфортные климатические и экологические условия и географическое расположение региона, в который переехали мигранты. При этом мигранты из Новосибирской области чаще сообщали о том, что именно социально-экономическое развитие региона стало решающим фактором при принятии решения о переезде в этот регион, а мигранты из других приграничных регионов чаще сообщали, что приехали туда в связи с наличием возможности найти там хорошую работу и получать высокую заработную плату.

В целом можно сказать, что мигранты в приграничных регионах России достаточно высоко квалифицированы, поскольку каждый четвертый в настоящий момент работает на должности специалиста, требующей высшего образования, а каждый десятый получает высшее образование в российских учебных заведениях. При этом наиболее квалифицированные мигранты, работающие по найму, проживают в Алтайском крае. В Новосибирской области чаще встречаются мигранты, занимающиеся предпринимательством, работающие в сфере обслуживания или торговли, а также мигранты с низкой квалификацией. В других приграничных регионах, охваченных исследованием, чаще встречались такие варианты занятости возвратных мигрантов как служащие без высшего образования, военнослужащие, квалифицированные рабочие и неработающие пенсионеры.

Литература

1. *Борисова О. В.* Социальное доверие молодежи (на примере Волгоградской области) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Вып. 9, т. 3. С. 12–15.
2. *Борисова О. В., Сарыглар С. А., Щеглова Д. К.* Социальная безопасность в оценках молодежи Волгоградской области (по материалам социологических исследований) // Society and Security Insights. 2020. № 3(3). С. 112–122.
3. *Гуляева А. С.* Государственная поддержка возвратной миграции соотечественников, проживающих за рубежом // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Вып. 9, т. 2, С. 99–107.
4. *Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е.* Этническая идентификация русских в моно- и полиэтнических регионах: анализ репертуарных решеток // Society and Security Insights. 2020. № 3(2). С. 13–40.
5. *Максимова С. Г., Шахова Е. В., Шерматова С. Н.* Отношение жителей Приморского края к миграционной ситуации в регионе // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Вып. 9, т. 2, С. 188–192.
6. *Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Максимова С. Г.* Модели и прогнозныe сценарии воспроизводства социальных рисков и безопасности межнациональных отношений в регионах российской федерации // В кн.: Материалы X международной социологической Грушинской конференции «Жить в России.

- Жить в мире. Социология повседневности». Москва, 2020. С. 185–190.
7. *Спирина А. С.* Социальная безопасность и отношение населения к миграции в приграничных регионах России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Вып. 9, т. 2, С. 240–245.
 8. *Шахова Е. В., Щеглова Д. К.* Динамика отношения жителей Алтайского края к миграционной ситуации и межэтническим отношениям в регионе // Society and Security Insights. 2020. № 3(3). С. 134–145.
 9. *Щеглова Д. К., Шахова Е. В.* Гражданская идентичность современной молодежи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Вып. 9, т. 3, С. 256–261.
 10. Department of Economic and Social Affairs. International Migration Report. New York. 2017.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КЫРГЫЗОВ УЗБЕКИСТАНА

Сутенова А. Д. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: В статье проанализированы тенденции изменения этнической идентичности этнических кыргызов, проживающих на территории Узбекистана. Выявлены основные причины языковой, культурной, и идентификационной ассимиляции кыргызов Узбекистана. Изучены исторические события, приведшие к расселению кыргызов в Ферганской долине и корни возникновения кыргызской диаспоры в Узбекистане. Также приводятся статистические данные переписей населения различных лет, в которых, несомненно, были допущены ошибки при учете кыргызов. Рассмотрены процессы и последствия национально-территориального размежевания Центральной Азии 1924–1927 гг. в закреплении кыргызского населения на территории Узбекистана, а также процессы суверенизации и стремление к национальному строительству бывших союзных республик. Рассмотрена государственная политика Республики Узбекистан в сфере образования кыргызов. Проанализированы меры, предпринимаемые Кыргызской Республикой для поддержки этнических кыргызов за рубежом.

Ключевые слова: Кыргызы Узбекистана, диаспора, репатрианты, этническая идентичность, этническое самосознание, ассимиляция

PECULIARITIES OF ETHNIC IDENTITY OF THE KYRGYZ OF UZBEKISTAN

Sutenova A. D. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The article analyzes the tendencies of changes in the ethnic identity of ethnic Kyrgyz living in the territory of Uzbekistan. The main reasons for the linguistic, cultural, and identification assimilation of the Kyrgyz of Uzbekistan are revealed. The historical events that led to the settlement of the Kyrgyz in the Fergana Valley and the roots of the emergence of the Kyrgyz diaspora in Uzbekistan are studied. Also cited are statistical data from population censuses of various years, in which errors were undoubtedly made in the registration of the Kyrgyz. The processes and consequences of the national-territorial delimitation of Central Asia in 1924–1927 are considered. in the consolidation of the Kyrgyz population on the territory of Uzbekistan, as well as the processes of sovereignty and the desire for nation-building of the former Soviet republics. The state policy of the Republic of Uzbekistan in the field of education of the Kyrgyz is considered. The measures taken by the Kyrgyz Republic to support ethnic Kyrgyz abroad are analyzed.

Keywords: Kyrgyz of Uzbekistan, diaspora, repatriates, ethnic identity, ethnic identity, assimilation

Актуальность исследования специфики этнической идентичности кыргызов Узбекистана продиктована необходимостью сохранения и развития кыргызской диаспоры в Узбекистане. Одним из важнейших факторов этого процесса является распространенность кыргызской культуры, языка, традиций, обычаев и, особенно, уровень этнического самосознания среди кыргызского населения Узбекистана. Для этого необходимо изучить историю узбекских кыргызов, основные причины их этнической ассимиляции в прошлом и настоящем.

Прежде чем приступить к анализу этнической идентичности кыргызов Узбекистана, необходимо дать определение такому социальному явлению как этническая идентичность.

В научной литературе существует множество подходов к выявлению сущности этнической идентичности, но на наш взгляд, наиболее целостное определение дано российским ученым В. А. Тишковым «Этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом/народом/национальностью/нацией (в этническом смысле)» [11, с. 121].

На протяжении многих веков этническая идентичность кыргызов складывалась на основе родоплеменного деления и трайбализма. Однако, в отличие от других народов, племена кыргызов делились на правое и левое крыло, и, тем самым, имели сложную структуру. Родоплеменные ценности в мирных условиях играли доминирующую роль в кыргызском кочевом социуме. Но при появлении внешней угрозы на первый план выходили общие этнические интересы, консолидируя кыргызских номадов в единую национальную общность.

Кыргызы стали населять Ферганскую долину и территорию современного Узбекистана уже с середины второго тысячелетия. Компактные группы кыргызов проживали в Ферганской, Андижанской, Наманганской, Сырдарьинской и Ташкентской областях. Затем в XVI в. с переселением некоторой части кыргызов в горные и предгорные районы Ферганы началось экономическое, этническое и культурное взаимодействие с узбекским народом. Во время шестивия джунгар во второй половине XVII в. кыргызы начинают массово переезжать из Семиречья и Тянь-Шаня в Фергану. Кыргызы поселились также в некоторых районах Каракалпакской Автономной Республики. Кыргызы занимались разведением скота и выращиванием сельскохозяйственных культур [5, с. 53–54].

Формирование кыргызской этнонации в первую очередь связано с укреплением элементов национальной государственности. В 1924–1936 гг. в результате образования союзных республик и административно-территориального деления, некоторые районы Кыргызстана вместе с жителями и кочевниками вошли в состав Узбекистана, Таджикистана, Казахстана [9, с. 316–330]. Конечно же в ходе данных процессов поднимались вопросы территориального деления, но по различным причинам остались не решенными до сих пор [6, с. 50–53].

Целью данной статьи является анализ этнических и этнокультурных процессов в среде кыргызов, оказавшихся в силу исторических причин в составе Узбекистана. Данная проблема уже в определенной степени анализировалась рядом отечественных ученых: В. М. Плоских, Д. Д. Джунушалиевым, О. Дж. Осмоновым, А. А. Асанкановым, А. З. Жапаровым, К. А. Халматовым и др. Но вопросы исследования этнической идентичности кыргызов Узбекистана в этих работах не получили достаточного освещения.

По статистическим данным Узбекистана, численность кыргызов составляла: в 1926 году – 90700 чел., в 1939 году – 89000 чел., в 1959 году – 92700 чел., в 1979 году – 142200 чел., в 1989 году – 174900 чел., в 2000 году – 231684 чел. [13, с. 139].

Указанные цифры могли быть намного больше, так как, согласно статистическим данным, уже в 1897 году в Фергане проживали около 424 тыс. кыргызов [7, с. 616]. А также в ходе Всероссийской переписи населения 1920 года были погрешности в связи с тем, что соответствующая графа «кыргыз» отсутствовала, хотя родоплеменные названия были указаны [3, с. 34–37].

По различным данным, в настоящее время численность кыргызов Узбекистана составляет 385000 чел. [8, с. 10]. На сегодняшний день кыргызы компактно проживают во многих районах Джизакской и Андижанской областей, а также дисперсно в Ферганской долине, Наманганской области, вокруг городов Ташкент, Сурхандарьи, Самарканда и Бухары [5, с. 54].

Модель суверенизации и нациостроительства на постсоветском пространстве привела к построению гражданского государства, хотя в большинстве постсоветских стран приоритет отдается национальным интересам этносов, давших название новым независимым республикам. В этот период из союзных республик начинается массовый отток не титульных и ранее депортированных этносов на историческую родину. Так, с принятием программы репатриации начался процесс переселения этнических кыргызов на историческую

родину из Узбекистана, Таджикистана, Турции, Китая и других стран, который продолжается до сих пор. На постсоветском пространстве начинается интенсивное конструирование этнической идентичности, и, соответственно, проводится государственная, языковая и культурная политика, способствующая ассимиляции неофициальных этносов.

Среди постсоветских государств особо стоит выделить Кыргызскую Республику, Республику Казахстан, Республику Беларусь, где, кроме государственного языка, конституционно закреплен русский язык в качестве официального языка межнационального общения. В Республике Узбекистан официальный статус имеется только у узбекского языка, и наряду с этим обеспечивается уважительное отношение к языкам, традициям и обычаям других наций и народностей [4, ст. 4]. Так, уже в 1922 году в Узбекистане были открыты интернаты для кыргызских детей. Позднее в 1934 году были открыты школы с кыргызским языком обучения, и была начата подготовка преподавателей [13, с. 142]. Однако наблюдается тенденция к сокращению кыргызских школ из-за нехватки педагогических кадров и учебных пособий на кыргызском языке, несмотря на обеспечение со стороны Кыргызской Республики, а также то, что часть кыргызов предпочитает обучать детей в узбекских классах. Следует отметить, что этническая идентичность, по Ж. Пиаже, начинает формироваться уже в детском возрасте, а в подростковом возрасте начинают просыпаться национальные чувства [10, с. 85].

Также Кыргызской Республикой реализуется ряд таких мер, как выделение бюджетных мест для этнических кыргызов для обучения в высших учебных заведениях Кыргызской Республики согласно ст. 51 Закона Кыргызской Республики «Об образовании» от 30 апреля 2003 года № 92 [2].

Изменения в национальной идентичности кыргызов можно проследить уже при переписи населения Узбекистана 1989 года, когда всего были зарегистрированы 174907 кыргызов, из них 140134 человека в качестве родного языка указали кыргызский, 32113 – узбекский, 1547 – русский и 1113 – другие языки.

В своем исследовании Халматов К. А. отмечает, что узбекский и казахский языки оказали существенное влияние на язык кыргызов и привели к появлению особенностей в диалекте. Этот диалект используется исключительно при коммуникации с родными и близкими, преимущественно же говорят на узбекском языке. По словам некоторых этнических кыргызов, они позабыли родной язык, и,

соответственно, утратили свою этническую идентичность и стали идентифицировать себя с узбеками [12, С. 77–78, 84–86].

Такая тактика поведения, по мнению Г. Джайлса и П. Джонсона, характерна для негативной этнической идентичности, которая влияет на трансформацию языка и диалекта, а в некоторых случаях, в целях изменения своего социального положения, индивиды или группы отказываются от языковых норм собственной этнической группы и усваивают обычаи доминирующей группы [1, с. 29].

Нет сомнений, что их дети также будут в будущем идентифицировать себя с узбеками, так как на них окажут огромное влияние такое поведение не только родителей, но и этнической группы.

Кроме того, ассимиляции способствуют близость южнокыргызского диалекта к узбекскому языку, значительная исламизированность ферганских кыргызов по сравнению с северными кыргызами, схожесть национального быта и обычаев.

Таким образом, для того, чтобы сохранить этническую идентичность кыргызской диаспоры в Узбекистане, Кыргызская Республика должна существенно увеличить количество бюджетных мест в вузах, особенно в южных областях, издавать в необходимом количестве учебные пособия на кыргызском языке, финансировать строительство дошкольных и школьных образовательных учреждений в местах компактного проживания кыргызов, увеличить количество культурных делегаций и т. д.

Литература

1. *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 240 с.
2. Закон Кыргызской Республики «Об образовании» от 30 апреля 2003 года № 92 (В редакции 23 марта 2021 года).
3. *Кармышева Б. Х.* Узбеки племени кыргыз в Среднезеравшанской долине // ЭО. 1997. № 2. С. 34–37.
4. Конституция Республики Узбекистан. Принята 8 декабря 1992 года на одиннадцатой сессии Верховного совета Республики Узбекистан двенадцатого созыва.
5. Кыргызы / отв. ред. А. А. Асанканов, О. И. Брусина, А. З. Жапаров; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории и культурного наследия НАН КР. М.: Наука, 2016. 623 с.
6. *Мурзаканова А. А.* Проблема государственных границ Кыргызстана: историческая ретроспектива и современная перспектива // Вестник КРСУ. 2013. Том 13. № 4. С. 50–53.

7. *Осмонов О. Дж.* История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней). Учебник для вузов. Изд. 6-е., исправл. и доп.- Бишкек: Мезгил, 2014. 632 с.
8. Особенности социокультурной интеграции кайрылманов в принимающее сообщество в Кыргызстане. Отчет НИСИ КР. Бишкек, 2015. 53 с.
9. Государственная программа «Кайрылман» по расселению и обустройству этнических кыргызов, возвращающихся на историческую родину, на 2015–2020 годы.
10. *Плоских В. М., Джунушалиев Д. Д., Абдырахманов Т. А.* История кыргызов и Кыргызстана: учебник для вузов / Отв. ред. А. Ч. Какеев. 3-е дораб. изд. Б.: КРСУ, 2015. 566 с.
11. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.
12. *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
13. *Халматов К. А.* Өзбекстанда жашаган кыргыздар: этномаданий процесстер (XXк. – XXI к. башы). Тарых илимдеринин кандидаты окумуштуулук даражасын алуу үчүн жазылган диссертация. Адистиги 07.00.07 – этнография, этнология жана антропология. Бишкек, 2010. 153 с.
14. Этнический атлас Узбекистана. Узбекистан, 2002. 452 с.

ШКОЛЬНАЯ ФОРМА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УЧАЩИХСЯ

Тиленбаева Г. Э. (Ош, Кыргызстан)

Аннотация: Данная статья рассматривает вопрос разнообразия школьной формы на примере исследования ее типов в разных странах, а также ее влияния на учащихся с разных точек зрения. Рассматриваются исторические, социальные, психологические и образовательно-педагогические аспекты школьной формы.

Ключевые слова: школьная форма, ученик, социум, образование, история, образовательный процесс

SCHOOL UNIFORM AND ITS INFLUENCE ON STUDENTS

Tilenbaeva G. E. (Osh, Kyrgyzstan)

Abstract: This article examines the issue of the diversity of school uniforms through the study of its types in different countries, as well as its impact on students from different points of view. The article examines the historical, social, psychological and educational aspects of the school uniform.

Keywords: school uniform, student, society, education, history, educational process

История школьной формы в России началась в 1834 году, когда была установлена единая система для всех гражданских форм в Российской империи, включая средние школы. Положение об униформе гимназии для девочек было утверждено в 1896 году. С тех пор произошло большое количество преобразований и изменений в образовательной системе, а также менялся подход к вопросу о необходимости единой школьной формы.

В 1918 году форма гимназии была объявлена буржуазным пережитком и упразднена. С введением отдельного обучения в 1948 году школьная форма вновь стала обязательной. Поначалу новая форма одежды была очень похожа на дореволюционную форму: для мальчиков – синяя фуражка с серебряным гербом, серое пальто, для девочек – темно-коричневые платья с серым и белым воротником и фартуки. Была внесена корректировка также и в прически школьников (особенно в начальных и средних классах).

В 1962 году был обновлен стиль советской школьной формы. Мальчики носили черные (обычно темно-синие) брюки и куртки, белые (или светлые однотонные) рубашки, а девушки – коричневые платья с фартуками. С начала 1970-х годов на рукавах курток был логотип – красный щит с белыми краями, открытая книга и изображение солнца.

Существовали также некоторые различия в разных союзных республиках, например, в Узбекской ССР в конце 1980-х годов девочки носили синие рубашки, а в Украинской ССР школьная форма мальчиков была коричневой.

Практически все школьники моложе 14 лет были членами пионерской организации и носили красные галстуки и значки. На уроках физкультуры школьники носили спортивную форму и обувь. Формально ношение школьной формы со спортивной обувью было запрещено, но фактически данный запрет не соблюдался. В начале 1980-х годов для девочек был введен темно-синий костюм-тройка с логотипом на рукаве.

В 1992 году обязательная школьная форма была отменена. В 2011 году была разработана концепция «изолированной школьной формы», идеология которой заключалась в следующем: «Почему нет формы для большой организации?». В 2012 году школьная форма снова стала юридически обязательной. Однако, в отличие от СССР, сегодня нет единого стандарта школьной формы. В некоторых школах есть собственная форма, которую учащиеся должны носить только в определенных случаях. Нет строго определенной формы.

Самая большая страна Европы со школьной формой – Великобритания. Во многих бывших колониях, таких как Индия, Ирландия, Австралия, Сингапур, Южная Африка, Кипр и Гонконг, униформа не была отменена после обретения независимости. Во Франции униформа существовала с 1927 по 1968 год. В Польше – до 1988 года. В Бельгии форма есть только в некоторых католических школах, а также в частных школах, основанных британцами. Обычная одежда – голубые брюки и юбки, белая или голубая рубашка и галстук. В Германии нет униформы, но существуют споры по поводу ее введения. Некоторые школы ввели униформу, которая не является единообразной, потому что учащиеся могут участвовать в ее разработке. Школьная форма есть во многих частных школах США и Канады. В государственных школах нет формы, но в некоторых школах действует дресс-код. На Кубе форма обязательна для всех учащихся школ и университетов.

Школьная форма является обязательной для большинства средних и старших школ Японии. В каждой школе своя, но на практике их немного. Обычно это белая рубашка, черный пиджак и брюки для мальчиков, а для девочек белая рубашка, черный пиджак и юбка или темно-синий – «матросский костюм». К форме обычно дается сумка или портфель побольше. Дети начальной школы обычно носят обычную детскую одежду.

Советская школьная форма по сути является аналогом гимнастической формы царской России. Он также состоит из платья и фартука, белого по праздникам и черного в будни. Только богатые могли позволить себе такую форму, поэтому носить ее считалось буржуазным расточительством. Было даже ненавистное прозвище «школьник».

В Кыргызстане в 2015–2016 учебном году введен единый стандарт школьной формы во всех образовательных учреждениях страны [1]. В соответствии с действующим законодательством образовательные учреждения четко определяют тип школьной формы в рамках требований к форме, установленных Правительством Кыргызской Республики. Стандарты рекомендуют выбирать из 4 цветов (черный, синий, серый, бордовый) и использовать ткань и вариации этих основных цветов. Школы в сотрудничестве с советами родителей и опекунов выбрали варианты пиджаков, жилетов, юбок или платьев и фартуков. Это ограничивает дополнительные расходы и стресс среди родителей из-за нововведений. Кроме того, учитывая светский характер государства и системы образования, школы должны использовать только установленный стандарт школьной формы.

Существуют разные взгляды на то, нужна ли школьникам вообще стандартная форма. Основные моменты и аргументы в их поддержку заключаются в том, что школьная форма, как и все другие формы, ведет к единству, способствует развитию у учащихся чувства общности, коллективизма, общей работы и общих целей. Значительно уменьшает визуальное отличие учащихся от семей, не допускает расслоения по принципу «богатый / бедный». При наличии унифицированной формы ее производство может быть адресным, затраты на нее могут быть низкими, а часть затрат на обучение детей из бедных семей может быть устранена. Форма – это элемент равноправного юридического образования и обучения [2].

Конвенция о правах ребенка гласит, что каждый ребенок имеет право на свободу выражения мнения. Многие исследователи считают, что школьная форма ограничивает свободу слова и является средством деиндивидуализации школьников. Требование носить униформу является формой насилия, причиненного самому себе, и школьные чиновники могут произвольно интерпретировать требование придерживаться формы и использовать ее для преследования нежелательных учеников. В зависимости от стоимости, предлагаемая форма может не соответствовать качеству для малообеспеченных семей. Следовательно, школьная форма не позволяет ученикам конкурировать друг с другом и удобна для родителей.

Следует отметить, что учебная деятельность – это практический и педагогический процесс, в ходе которого человек осваивает теоретические знания посредством дискуссий между им и педагогом или наставником. Следовательно, учебную деятельность можно разделить на две части: первая это обучение, вторая – учение [4].

Обучение – это целенаправленная деятельность по организации и стимулированию обучающихся со стороны педагога в целях освоения обучающимися новых знаний, развитию их творческих способностей, расширения мировоззрения, а также нравственного воспитания.

Обучение направлено на познавательные, интеллектуальные процессы, в основе которого лежит система «преподавание – учение» Очевидно, что синтез «преподаватель – ученик» является основой для формирования успешного процесса обучения. В условиях, когда во внешнем облике учителя и ученика нет разницы, а особенно, когда ученик одет в более дорогую одежду, невозможно выстроить образовательный процесс [3].

В настоящее время идёт процесс перестроения и реформирования системы образования. Эти реформы связаны с общемировыми процессами глобализации, развитием новых технологий, а также внедрением европейской модели образовательного процесса. В процессе реорганизации может быть утеряна важная культурная и духовная основополагающие образовательного процесса. Человек может начать отчуждаться от общества, своей культуры и социального института, а также от своей собственной сущности под влиянием негативных последствий духовно-нравственного кризиса. Поэтому необходимо учесть гуманистический критерий общественного развития, который подразумевает существование истинных прав личности, что ускорит и усовершенствует процесс духовного обновления личности. Процесс обновления позволит индивиду добровольно и естественно включиться в новую модель поведения и взаимодействовать с другими индивидами, познать личные преимущества от ознакомления и приобщения к новым ценностям, что означает предоставление индивиду свободы выбора [5].

Заключение. На основе исследования можно сделать вывод о том, что вопрос введения школьной формы должен решаться комплексно. При решении проблемы необходимо ориентироваться на современные тенденции для обеспечения качества образования, однако не стоит забывать и о культурных традициях и духовно-нравственных ценностях, которые необходимо прививать подрастающему поколению.

На примере школьных форм разных стран стоит отметить, что с введением школьной формы не утрачивается индивидуальность и самобытность народа. Но тем не менее, в некоторых странах школьная форма и ее облик остались символом достатка и социального статуса, что негативно влияет на учащихся. Этот факт четко демонстрирует то, что вопросы формирования образовательного процесса, проблемы становления школы как социального института необходимо решать комплексно.

Литература

1. Постановление Правительства Кыргызской Республики № 572 от 12 августа 2015 года «О введении Единых требований к школьной форме в общеобразовательных организациях Кыргызской Республики».

2. *Луцева И. Ю.* Влияние школьной формы на становление личностных качеств ученика // Современная педагогика. 2014. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://pedagogika.snauka.ru/2014/07/2507>

3. *Буланова-Топоркова М. В.* Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие. Ростов н/Д:Феникс, 2002. 343 с.

4. *Шарипов Ф. В.* Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие. М.: Логос, 2012. 448 с.

5. *Плотникова Е. З.* Формирование основ духовно-нравственного воспитания // Minbar. Islamic Studies. 2014. № 7(1). С.12–17.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ «КОНКУРС РУССКОЙ ПЕСНИ» КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ

Титова М. В. (Барнаул, Россия)

Аннотация: Социальная интеграция в полиэтнических группах является сегодня одним из важнейших элементов успешной учебной деятельности, что особенно важно при изучении русского языка как иностранного. Включение в образовательный процесс творческой составляющей, в частности использование на занятиях русского как иностранного песенного материала ведется давно, но именно сейчас выходит на первый план социальная интеграция и совместное погружение в культуру народа изучаемого языка. Такое взаимодействие языка и культуры позволяет рассматривать тексты русских песен в лингвокультурологическом аспекте.

Ключевые слова: социальная интеграция, полиэтнические группы, русский как иностранный, лингвокультурология, русская песенная культура, конкурс русской песни

INTERNATIONAL PROJECT «RUSSIAN SONG CONTEST» AS A WAY OF SOCIAL INTEGRATION IN MULTI-ETHNIC GROUPS

Titova M. V. (Barnaul, Russia)

Abstract: Social integration in multi-ethnic groups is one of the most important elements of successful educational activities today, which is especially important when learning Russian as a foreign language. The inclusion of the creative component in the educational process, in particular the use of Russian as a foreign song material in the classroom, has been going on for a long time, but right now social integration and joint immersion in the culture of the people of the studied language comes to the fore. This interaction of language and culture allows us to consider the texts of Russian songs in the linguoculturological aspect.

Keywords: social integration, multi-ethnic groups, Russian as a foreign language, linguoculturology, Russian song culture, Russian song contest

Обучение русскому языку как иностранному часто предполагает работу в полиэтнических группах. Создание комфортной образовательной среды становится одним из факторов, влияющих на результаты учебной деятельности, именно поэтому в программу курса «Практика речи» включаются материалы, вызывающие яркий эмоциональный отклик – песни на русском языке, фильмы, фрагменты художественных текстов. Данная статья посвящена описанию подготовки и организации международного проекта «Конкурс русской песни», который на протяжении нескольких лет (с 2015г.) выступает как способ социальной интеграции в полиэтнических группах. Каждая

группа, участвуя в конкурсе, становится единым целым, обретает общие цели и задачи, студенты испытывают эмоциональный подъем, что способствует успешному изучению представленных материалов.

Следуя за Е. В. Какориной, которая четко обозначила методические преимущества использования песен на занятиях по русскому языку как иностранному, в программу учебного курса «Практика речи» мы включили самые разнообразные песенные материалы, отличные не только по содержанию, но и с точки зрения выявленной в них лингвистической информации. «Песни представляют все речевые жанры, содержат прямую и косвенную речь, демонстрируют образцы разных функциональных стилей речи, один и тот же песенный материал может применяться для достижения различных целей обучения в зависимости от выполняемых на его основе заданий, то есть песни обладают свойством комплексного многоцелевого использования» [1]. Также Е. В. Какорина разработала классификацию песенного материала, который может быть использован на занятиях по РКИ, с учетом конкретных педагогических задач. Значение песен в изучении РКИ подробно рассматривает и Е. А. Ровба, отмечая, что «при обучении иностранному языку песня выполняет следующие функции: 1) обучающая (совершенствуется произношение, усваивается лексика, расширяется активный и пассивный словарь студента, идентифицируются и активизируются грамматические конструкции; развивается навык чтения, а также навыки устной речи); 2) развивающая (развиваются творческие способности, музыкальный слух, формируется эстетический вкус, расширяется кругозор); 3) образовательная (студент получает дополнительные знания о культуре страны изучаемого языка) [2, с. 233–234].

Несмотря на то, что участники конкурса являются представителями самых разных национальностей, команды конкурсантов формируются в соответствии с составом академической группы. Таким образом, возникает необходимость организовать творческий процесс подготовки номера в поликультурном пространстве. Ярким примером социальной интеграции является не только пересечение этнических сообществ, но и тесное взаимодействие участников с профессиональными вокально-хореографическими коллективами г. Барнаула, которые ежегодно участвуют в конкурсе в качестве наставников и приглашенных гостей.

Международный конкурс русской песни «Уголок России» впервые проводился в Алтайском государственном университете в 2015 году. Его участниками стали студенты из Китая и Монголии. Структура конкурса на протяжении шести лет остается прежней: две песни

исполняются всей группой (обязательно участвуют все группы), сольные номера исполняются по желанию. Время, выделенное на подготовку программы, не может быть меньше полутора месяцев, так как подготовка и организация конкурса содержит много этапов.

Первый этап – объявление о предстоящем конкурсе, которое представляет участникам все условия и формат конкурса. Объявление размещается в социальных сетях «В Контакте», «Teams» и других, в печатной форме на стенде кафедры, и обязательно озвучивается информация о конкурсе на кураторских часах и занятиях по практике речи. Ежегодно кафедра русского языка как иностранного приглашает студентов участвовать в анкетировании, которое проводится в середине сентября и направлено на выявление уровня подготовки студентов и на выявление областей для улучшения образовательного и воспитательного процесса. Анализ результатов позволяет определить как тактику взаимодействия со студентами (общение с переводчиком или непосредственное общение), так и перечень музыкальных произведений, доступных участникам для полного понимания и качественного исполнения.

Вторым этапом становится выбор песни, при этом полное понимание как отдельных слов, так и текста в целом является обязательным условием. В курсе «Практика речи» для студентов, изучающих русский язык как иностранный, предусмотрена лексическая работа, которая включает и лексику известных песен. Важно учитывать, что лексика в песенных текстах отличается необычайным разнообразием: от архаической лексики (до 10 % в народных песнях) до неологизмов и сленга (более 20 % в современной популярной музыке). Помимо словарного толкования здесь важно использовать лексический, а в отдельных случаях и лингвокультурологический комментарий, где толкование слова происходит при обращении к истории и описанию самой реалии, тем самым демонстрируя наглядную связь и взаимодействие языка и культуры. Все незнакомые слова выписываются, уточняется их лексическое значение, далее рассматривается контекст, представленный в тексте песни, а после устанавливается прямое значение или переносное. Песенные тексты изобилуют эпитетами, метафорами, приемами олицетворения и антитезы, поэтому на данном этапе студенты осваивают теоретический материал «Средства художественной выразительности». Итоговое анкетирование показало, что изучение такого материала улучшает понимание текста более чем на 40 %.

Третий этап – подготовка номера: по условиям конкурса помимо вокала оценивается танцевальное мастерство, костюмы (или одинаковые элементы) и демонстрация клипа, обязательно выполненного самостоятельно. На этом этапе студенты из Монголии, Вьетнама и Китая посещают концертные площадки города, погружаясь в русскую песенную культуру.

Четвертым этапом традиционно стали ежедневные репетиции, которые проводятся как на занятиях, так и в свободное время.

Пятый этап – формирование программы, написание сценария, подготовка ведущих. Так как некоторые студенты в начале учебного года только прибыли в Россию, имея различный уровень первоначальной подготовки, в качестве ведущих выступают 6–8 человек, подготовив небольшие фрагменты сценария. Репетиции проводятся под руководством кураторов и преподавателей, что позволяет исключать грамматические, лексические, фонетические и орфоэпические ошибки в речи ведущих мероприятия.

Шестым этапом является формирование компетентного жюри, включающего как профессиональных музыкантов и представителей национальных сообществ, так и преподавателей русского языка.

Седьмой этап – генеральная репетиция, которая проводится на концертной площадке.

Восьмой этап (заключительный) – выступление и награждение участников.

После завершения конкурса ежегодно обязательно проводится опрос зрителей и участников, включающий такие вопросы: «Что особенно запомнилось?», «Что понравилось?», «Что хотели бы изменить?». В результате такого взаимодействия со студентами в условия конкурса были внесены поправки, позволяющие исполнять песни только под фонограмму «минус», а также разрешающие исполнять песни из известных кинофильмов, написанные на английском языке, но переведенные на русский. Для исполнения песен на английском и родном языке в университете есть другие конкурсы, а целью Международного конкурса русской песни «Уголок России» является представление русского языка и русской культуры как объединяющего начала, как способа создания комфортной среды в полиэтничном пространстве для самовыражения и развития творческих способностей студентов.

Безусловно, 2020–2021 уч. год внес большое количество изменений в подготовке, организации и особенно в проведении конкурса русской песни, так как впервые конкурс состоялся онлайн. Все обозначенные в данной статье этапы работы с текстами песен на

русском языке были строго соблюдены. Участники из Китая и Монголии направляли в адрес оргкомитета конкурса видеозаписи, содержащие коллективное и сольное исполнение заявленных концертных номеров. Промежуточный контроль знаний обучающихся показал, что с использованием онлайн-технологий общий уровень понимания текстов, подготовки к конкурсу, его проведения и результаты остались на прежнем уровне. Это подтверждает необходимость проведения подобных мероприятий, где русский язык служит объединяющим началом для студентов из разных стран.

Литература

1. *Какорина Е. В.* Социокультурный аспект песенных материалов. URL: <https://rudocs.exdat.com/docs/index-426003.html> (дата обращения: 24.05.2021).
2. *Ровба Е. А.* Использование популярных песен на занятиях по русскому языку как иностранному. URL: <http://www.elib.grsu.by/doc/11134> (дата обращения: 24.05.2021).
3. *Толстова Н. Н.* Использование песен на уроках РКИ // Молодой ученый. 2016. № 17 (121). С. 174–178.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ

Уколова Д. В., Лукина К. А. (Барнаул, Россия)

Аннотация: Статья посвящена социально-культурной интеграции молодежи в кризисном обществе. Понятие «кризисное общество» до сих пор не имеет конкретной формулировки, и отсюда возникают предпосылки к изучению данной проблематики. Так как в развитии любого общества особая роль принадлежит молодому поколению, поскольку именно оно определяет, каким будет будущее, были выявлены и проанализированы терминальные и инструментальные ценности, доминирующие среди молодежи, установлена их трансформация. Показаны трудности, сопровождающие социально-культурную интеграцию молодых людей в сложных кризисных условиях. Выявлено, что данные проблемы могут повлиять на современное подрастающее поколение, и оно будет выполнять не инновационные функции в обществе, а нести деструктивное влияние, поскольку происходит потеря интереса к творческой самореализации.

Ключевые слова: кризисное общество, кризис, молодежь, ценности, социально-культурная интеграция

SOCIO-CULTURAL INTEGRATION OF YOUTH IN A CRISIS SOCIETY

Ukolova D. V., Lukina K. A. (Barnaul, Russia)

Abstract: The article is devoted to the analysis of socio-cultural integration of young people in a crisis society. The concept of a «crisis society» still does not have a specific formulation, and hence, the prerequisites for the study of this problem arise. Since in the development of any society, a special role belongs to the young generation, they determine what the future will be, terminal and instrumental values, that dominate among young people have been identified and analyzed, and their transformation has been established. The difficulties that accompany the socio-cultural integration of young people in difficult crisis conditions are shown. It was revealed that these problems can affect the modern rising generation and it will not perform innovative functions in society, but carry a destructive influence, since there is a loss of interest in creative self-realization.

Keywords: crisis society, crisis, youth, values, socio-cultural integration

Предмет исследования – «кризисное общество» пользуется особым вниманием в социогуманитарных науках. При этом был проведен ряд соответствующих эмпирических исследований на транснациональном, общегосударственном и региональном уровнях, но данное понятие не приобрело конкретного истолкования по сей день. К тому же, понятие

«кризис» также не имеет общепризнанной формулировки в научных источниках. Так, например, в разных научных исследованиях под кризисом понимается резкий, внезапный перелом в развитии событий, тяжелое переходное состояние либо как острое затруднение с чем-либо, тяжелое положение. Данная формулировка кризиса не означает воцарение только негативных последствий таких событий, но одновременно имеет отрицательный смысл трактовки этого термина [1, с. 177].

В отечественной социологии немало ученых, которые обращались к исследованию кризисного общества. Например, Питирим Сорокин определял кризис общества как хаос гибнущей суперсистемы в возникающих ростках будущей культуры общества [7, с. 428–435], а Н. И. Лапин в своей работе «Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов» классифицирует кризисы в зависимости от сфер деятельности человека: социально-экономические, социально-психологические (кризисы семьи) и т. д. и обнаруживает, что «общество на разных исторических этапах своего развития претерпевает изменения, качественные перевороты в структуре общественного и индивидуального сознания» [2, с. 9].

В кризисном обществе социально-культурная интеграция молодежи претерпевает неожиданные, непривычные воздействия. К таковым относятся изменчивость социальных взаимосвязей, функций основных социальных институтов, плюрализм культур и идеологий, противоборство корпоративных интересов. И эти проблемы приведут к тому, что молодежь, в конечном счете, не будет выполнять инновационной функции в культуре и станет деструктивным фактором в системе индивидуального и общественного бытия. Молодежь все больше подвержена нигилизму, мизонеизму; все более выраженной становится проблема «отцов и детей» в связи с негативным отношением молодежи к истории, культуре, традициям, но в то же время происходит усвоение ценностей западной культуры и образа жизни, что приводит к конфликту поколений и, за счет этого, данная проблема выходит за границы семейно-бытовой сферы в общегосударственную. С каждым годом все больше приходит в упадок значимость творческого труда как метода самопознания и реализации личности и важнейшего условия процветания общества. Также среди молодежи большой процент преступности, алкоголизма, наркомании, проституции.

Стоит отметить, что на данном этапе развития российского общества необходимо понять, какими ценностями руководствуется

молодежь. Эти ценности, между тем, как раз могут определять представления молодых людей в настоящем и будущем. Очевидно, что данный вопрос следует рассматривать и в аспекте социальной и духовной безопасности, на что сегодня обращают внимание некоторые исследователи [4–6].

Трансформацию ценностных ориентаций молодежи можно выявить на основе исследования, проведенного в декабре 2020 г. В качестве респондентов выступали студенты МГУ им. М. В. Ломоносова [8, с. 60]. Основной целью анализа является установление ценностей, которые доминируют среди молодых людей. В основу исследования была заложена методика М. Рокича «Ценностные ориентации». В опросе участвовали 240 респондентов. Мужчины и женщины были представлены в одинаковых пропорциях. Возраст 138 обучающихся находился в рамках 22–26 лет, а 102 – 18–21 года.

В данном исследовании приведено ранговое распределение терминальных ценностей. На основе этой информации можно установить, что самыми главными ценностями для молодежи являются счастливая семейная жизнь (4,87), она занимает первое место, второе место по важности принадлежит здоровью (5,17), а третье – материальной обеспеченности (5,25). Также можно обратить внимание на то, что такие ценности, как развитие (9,35), продуктивная жизнь (10,15), жизненная мудрость (10,42), познание (11,41), творчество (13,35), красота природы и искусства (13,43), а именно, связанные с созерцанием, самоактуализацией, поиском смысла жизни, развитием широкого мировоззрения, являются менее значимыми. Причина в таком расположении заключается в том, что респонденты не до конца понимают традиционные общечеловеческие ценности, и как они влияют на жизнь отдельного человека и общества в целом.

Кроме того, данное исследование дает возможность иллюстрировать результаты анализа инструментальной группы ценностей. Большинство студентов отдают предпочтение образованности (6,25), ответственности (7,40) и самоконтролю (8,52), поскольку они позволяют им эффективно работать. Также нужно подчеркнуть материальное благополучие (5,25) и интересную работу (6,50) в пятерке наиболее значимых ценностей. Такие результаты указывают на то, что важность информации, знания, образования увеличивается. Необходимо рассматривать это как основной фактор развития личности и улучшения качества жизни. Молодежь преимущественно считает знания инструментальной ценностью, которая может обеспечить карьерный рост, а не самоцелью.

В современном мире происходит ломка большинства старых ценностей, возникают новые социальные отношения. Именно в этих очень трудных условиях современное подрастающее поколение осуществляет свое становление и развитие. Поэтому молодые люди испытывают растерянность, имеют мрачное мироощущение, не верят в собственные силы и в общество [3, с. 173]. К тому же анализ указывает на то, что общесоциальный кризис, в условиях которого мы живем сегодня, связан с трансформацией традиционных институтов семьи и образования. О дисфункции семьи свидетельствует большое число разводов, оставленные дети и пожилые люди, насилие в семье и т.д. В системе образования происходит формирование негативного отношения к школе детей и родителей, множественные конфликты с учителями, деградация профессии педагога, падает престижность образования, низкая квалификация специалистов в вузах и т.д. – это также указывает на состояние кризиса.

Таким образом, социально-культурная интеграция молодежи в кризисном обществе сопряжена с определенными трудностями, например, такими как распад старых социальных связей, дисфункции социальных институтов, деформации интеграционных механизмов.

Литература

1. *Гончарова Н. П.* Кризисное состояние общества: содержание и структура понятия // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 1–2. С. 177–181.
2. *Лапин Н. И.* Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 8–19.
3. *Петров Д. С.* Проблемы социокультурной адаптации молодежи региона // Регионоведение. 2010. № 1. С. 169–175.
4. *Попов Е. А.* Современная безопасность в фокусе современных социологических исследований // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2016. № 8–1. С. 34–37.
5. *Попов Е. А.* Проекция социального: человек и социальная безопасность // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2015. № 7. С. 224–228.
6. *Попов Е. А.* Опасность и безопасность: соотношение понятий в системе ценностно-смысловых координат // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2013. № 5. С. 98–106.

7. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
8. *Шамаева К. М.* Сравнительный анализ ценностных ориентаций молодежи в советское и постсоветское время // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 3(83). С. 59–61.

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ

Упоров И. В. (Краснодар, Россия)

Аннотация: Рассматривается проблема социальной интеграции современного российского общества с точки зрения негативного влияния дезинтегрирующих факторов. Раскрываются наиболее существенные из них (миграционные перекосы, неравномерное развитие субъектов федерации, имущественная стратификация общества и др.). Отмечается, что решению данной проблемы не уделяется должного внимания уже длительное время, в результате чего нарастает опасность для целостности российского государства, в связи с чем требуется принятие решительных действий по исправлению ситуации, и прежде всего со стороны Федерального Собрания и Президента России как обладающих наибольшими властными полномочиями по воле народа.

Ключевые слова: интеграция, дезинтегрирующие факторы, миграция, общество, население, власть, государство

SOCIAL INTEGRATION OF RUSSIAN SOCIETY: OPPORTUNITIES UNDER DISINTEGRATION FACTORS

Uporov I. V. (Krasnodar, Russia)

Abstract: The problem of social integration of modern Russian society is considered from the point of view of the negative influence of disintegrating factors. The most significant of them are revealed (migration distortions, uneven development of the subjects of the federation, property stratification of society, etc.). It is noted that the solution of this problem has not been given due attention for a long time, as a result of which there is a growing danger to the integrity of the Russian state, in connection with which it is necessary to take decisive actions to remedy the situation, and above all from the Federal Assembly and the President of Russia as having the greatest power powers at the will of the people.

Keywords: integration, disintegrating factors, migration, society, population, power, state

Уже более пяти тысяч лет человеческая цивилизация развивается, будучи разделенной на общества, проживающие в рамках государственных границ. Одному обществу соответствует одно государство, и сейчас таких государств в мире свыше двухсот, в том числе 193 члена ООН. Эти общества очень разные – и по истокам создания, и по этнокультурному составу, и по территории, и по населению, и по экономическому потенциалу и т. д. И чем сплоченнее

общество, тем более успешным оно является, поскольку социальная интеграция создает необходимые условия для стабильного развития и обеспечения как общих, так и индивидуальных интересов членов общества. Как представляется, показатель успешности общества-государства довольно очевиден, и заключается в количестве желающих со всего мира попасть в данную страну на постоянное место жительства (по состоянию на 2019 г. доля иммигрантов по отношению ко всему населению страны составляла: в Саудовской Аравии – 38 %; в Австралии – 30 %; в Канаде – 21 %; в Германии – 16 %; в США – 15 % и т.д. В России этот показатель составляет 8 % [8, с.29]. Смежный показатель отражает количество эмигрантов, то есть, уехавших из страны, и здесь у России миграционный поток примерно сбалансирован. Однако он показывает, одновременно, что есть много стран, которые российские эмигранты предпочитают родной стороне (Израиль, Италия, США, Канада, Германия и др., откуда, заметим, приток иммигрантов практически нулевой). В этом смысле в сегодняшней России имеются существенные проблемы, не позволяющие, при наличии соответствующего экономико-территориального потенциала, создать такой уровень благосостояния, который был бы привлекательным не только для развивающихся стран. И одна из таких проблем заключается в наличии ряда факторов, обуславливающих социально-дезинтеграционные процессы, не позволяющие российскому обществу ощущать себя единым публичным коллективом. Рассмотрим наиболее существенные из них.

В этом контексте следует вновь обратиться к миграции, только теперь не к внешней, а к внутренней. Здесь ситуация складывается, на наш взгляд, крайне неблагоприятно, и суть заключается в том, что в силу прежде всего экономических причин (переход экономических отношений в России на рыночную основу) с начала 1990-х гг. резко усилился отток населения из районов Дальнего Востока, Сибири, Севера, что вполне объяснимо, учитывая отсутствие жизненных перспектив у проживавших в той местности людей ввиду закрытия множества предприятий, и прежде всего в так называемых моногородах (где функционируют 1–2 градообразующих предприятия). Как указывается в литературе, за годы «так называемых реформ и разрушения», в Сибири население уменьшилось с 22 до 19 млн человек, и это «колоссальные людские потери», очень тревожное явление, которые ставят Россию на «грань потрясений – ведь 80 % ресурсов, потребляемых в европейской части России, поступает из-за Урала, поэтому депопуляция Сибири – это угроза национальной безопасности» [6]. На Дальнем Востоке с 1991 г. по 2011 г. жителей

стало меньше на 1 млн 227 тыс. человек [1]; а если иметь в виду более широкий временной период, то в течение 1988–2018 гг. население уменьшилось почти на 23 %.

Анализируя эти миграционные процессы (заметим – еще не оконченные, а продолжающиеся, хотя и в уменьшенных темпах), Ж. А. Зайончковская отмечает, что они уже привели к определенной дезинтеграции российского общества, в частности, речь идет том, что Россия «четко» поделилась на две части, одна из которых – отдающая (северо-восточная часть), а вторая – принимающая часть (юго-западная) [5, с. 13]. Такое положение создает огромные сложности для обеих частей, поскольку, например, в урбанистическом развитии городов и других населенных пунктов возникают перекосы. С одной стороны, моногорода пустеют, и городская инфраструктура с неизбежностью разрушается. Автору приходилось наблюдать в Воркуте множество брошенных 5-ти и 9-ти этажных жилых домов, эти остовы с черными оконными проемами не сносятся и стоят наряду с еще заселенными, в том числе не полностью, многоквартирными домами. А если ехать по известному воркутинскому кольцу, то с обеих стороны дороги один за другим встречаются поселки-призраки, где уже давно никто не живет, а также расположенные возле поселков уже закрытые и полуразрушенные шахты-призраки, где уже давно никто не работает. Такие картины «мертвых поселений» жителей умирающих городов конечно же не настраивают на оптимистический лад, и о социальной интеграции в масштабе, в данном случае, муниципального образования, нет и речи, учитывая, что для еще живущих там жителей главным является вопрос о том, как долго они там еще пробудут, и где им обустроить свою будущую жизнь.

В другой части, напротив, наблюдается переселение. Возьмем для примера город Краснодар. Здесь численность населения в последнее время стремительно увеличивается – разумеется, в основном за счет мигрантов из-за Урала, и если в 2008 г. в Краснодаре проживали 709 тысяч человек, то через десять лет почти 1 млн 400 тысяч (эта цифра оценочная, данная городской администрацией) [9]. По мнению действующего краснодарского мэра Е. А. Первышова, к 2030 г. в городе будут проживать до 3 млн человек. Этот перекоп приводит к тому, что полным ходом строятся 20–25-ти этажные многоквартирные дома без надлежащего сопровождения объектами соцкультбыта (школы, детсады, поликлиники, дома культуры, стадионы и т.д.). О какой социальной интеграции тут можно говорить? Ведь для того, чтобы жители Краснодара сформировали более или менее устойчивую городскую общину из людей разного образа жизни, разных культур,

чтобы сформировались понятные и необходимые всем горожанам городские интересы, потребуется не то что не один год – не одно десятилетие!

Но, самое главное в данном случае в том, что указанные миграционные процессы приводят к созданию мега-конгломераций (Москва – Московская область, Санкт-Петербург – Ленинградская область, Воронеж, Ростов-на-Дону, Краснодар и др., где наблюдается все бóльшая и бóльшая концентрация населения при одновременном обезлюдивании уже не только дальних восточных районов, но и периферийных поселений европейской части России. По-прежнему территория России преимущественно застраивается крупными городскими мегаполисами – как будто в стране дефицит земли, как, например, в Сингапуре, в то время как земли-то для строительства комфортного 4–6-ти этажного в России более чем достаточно.

Следующий дезинтеграционный фактор – экономические неравенство субъектов Федерации (при формальном политическом равенстве), которое имеет тенденцию к усилению. Например, по состоянию на начало 2019 г. количество жителей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, составляло: в ЯНАО – 6,5 %, Татарстане – 7,4 %, Санкт-Петербурге – 7,5 %, Московской области – 7,9 %, в Москве – 8,3 %. А на другом полюсе, в Республике Тыва – 40,5 %. Сложная ситуация также и в ряде других субъектов Федерации (в Ингушетии – 32,0 %, в Калмыкии – 27,3 %, Еврейской автономной области – 24,9 %) [12], и в целом в большинстве регионов положение ненамного лучше. Аналогичным образом обстоит дело и по многим другим экономическим параметрам. Приведем еще один весьма показательный параметр – из 85 субъектов Федерации только 13 являются регионами-донорами, то есть не получающими дотации из федерального бюджета [11], соответственно остальные получают, а это уже один из признаков несостоятельности получателей таких дотаций. Ситуацию усугубляют последствия строго централизованной экономики СССР, связанные с тем, что в начале 1990-х гг., после разрушения такой экономической структуры, субъекты федерации имели неравные стартовые позиции. Все это показывает серьезную разбалансированности федеративных отношений и вызывает тревогу с точки зрения социальной интеграции российского общества.

Продолжая экономическую составляющую наших размышлений, следует назвать также углубляющуюся имущественную стратификацию граждан России. На этот счет имеется немало публикаций (в числе авторов Л. А. Беляева, М. К. Горшков, В. И. Добренев, Т. И. Заславская, Г. С. Корепанов, Г. Ф. Куцев,

Н. И. Лапин, Т. П. Некрасова, Ю. М. Пасовец, У. В. Юманова, Н. А. Сандрюков и др.), в большинстве которых естественная стратификация по этому признаку в России приобретает характер, при котором «уровень доходов не может стимулировать трудовую и деловую активность основной массы экономически активного общества» [10, с. 26]. В одной из работ это явление оценивается как «процветание социального неравенства российского общества» [4, с. 11], а Т. И. Гордиевич и П. В. Рузанов считают бедность и неравенство «проблемой номер один» современной России [2, с. 185], и не без оснований, учитывая высокий уровень незаконного обогащения, который невозможно скрыть в обществе, что не может не вызвать раздражения у значительной части населения и, прежде всего, у тех, у кого снижаются и без того невысокие доходы. Между тем низкие доходы населения неизбежно ведут к маргинализации общества, отчуждению друг от друга различных социальных групп.

К числу дезинтегрирующих факторов современной России следует назвать также отсутствие более или менее ясной для всего российского общества цели его дальнейшего поступательного развития, и сегодня на вопрос о том, какое государство необходимо обществу, причем в масштабе всей России, внятного ответа пока нет.

В совокупности указанные и другие негативные факторы развития российского общества отражают тенденцию к дезинтеграции социального пространства, под которой понимается процесс и состояние распада общественного целого на части, разъединение элементов, некогда бывших объединенными, исчезновение общих социальных ценностей, общей социальной организации, институтов, норм и чувства общих интересов [3, с. 22]. Мы полагаем это чрезвычайно тревожным симптомом, учитывая к тому же сложность исторического развития России – не забудем, что тридцать лет назад в нашей стране был пережит шок разрушения прежнего советского общества. Но, похоже, уроки истории не извлекаются должным образом.

И если не принять срочных и решительных мер, то в дальнейшем может быть поставлена под угрозу вообще целостность России как государства. Как представляется, интегрирующий потенциал российского общества довольно высок, и поэтому его социальная интеграция даже в условиях указанных выше дезинтегрирующих факторов – это вполне решаемая проблема, но, разумеется, при условии активной, целенаправленной деятельности по использованию имеющихся возможностей. И на этот счет в литературе уже предложено много обоснованных предложений. В частности, уже давно обсуждается

вопрос о разительной разнице в зарплате учителей разных регионов – при том, что они выполняют одну работу по единым образовательным стандартам за бюджетные средства, соответственно необходимо, по крайней мере, предусмотреть единый общероссийский минимальный уровень заработной платы по каждой профессии, оплачиваемой из бюджета, который может изменяться только ввиду отдаленности и суровости климата (т.н. «северные»), при этом разного рода надбавки, премиальные и т.д. не должны превышать 20–25 % базового оклада. Необходимо предусмотреть и другие меры, выравнивающие экономическое положение субъектов Федерации, а в их границах и муниципальных образований. Об этом пишется и говорится уже много лет, но изменений нет. Много слов сказано о необходимости обнуления подоходного налога на определенный минимальный доход – никаких решений нет. Это касается и решения отмеченных выше проблем – они также не новы, равно как и методы их решения. Но пока действенных решений органов власти разных уровней не наблюдается, то есть, на первый план выходит проявление политической воли, мобилизации имеющихся организационно-правовых ресурсов.

Как справедливо отмечает С. В. Макреева, «в этих условиях особенно важным является понимание необходимости формирования нового общественного договора между обществом и властью, которое пока отсутствует как среди населения, так и во властных элитах» [7, с. 98]. Очевидно, именно на этом следует акцентировать свою деятельность властным органам, общественным структурам, бизнесу; но ведущими звеньями, безусловно являются органы и должностные лица, облеченные наибольшими властными полномочиями по воле народа (Федеральное Собрание, Президент России), для которых целенаправленная интеграция российского общества должна стать важнейшей задачей.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2012. Т. 1. Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogil612.htm/ (дата обращения: 17.05.2021).

2. Гордиевич Т. И., Рузанов П. В. Неравенство и бедность: современные тенденции // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 1 (35). С. 178–185.

3. Гуренкова О. В. Особенности процесса трансформации общества в современной России // Концепт. 2016. № 55. С. 18–23.

4. *Евреева К. Р., Максимов В. А., Трофимова Г. А.* Экономическое неравенство и социальная несправедливость в России // Human Progress. 2020. Т. 6. Вып. 2. С. 2–11.

5. Миграция в современной России // Миграция в России, 2000–2012: Хрестоматия: В 3 т. Т. 1. Ч. 1 / Отв. ред. Зайончковская Ж. А. М.: Спецкнига, 2013. 878 с.

6. *Зюганов Г. А.* Обезлюдивание Сибири ставит Россию на грань потрясений // Режим доступа: https://kprf.ru/rus_soc/50868.html / дата публикации: 14.08.2007 г. (дата обращения: 05.06.2021 г.).

7. *Макреева С. В.* Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 78–98.

8. *Миркин Я. М.* Покинутый рай: Почему волны эмиграции выталкивают россиян из своей земли // Родина. 2020. № 11. С. 26–41.

9. Население Краснодар за десять лет выросло вдвое // Россия24.pro. 04.01.2020 г. / Режим доступа: <https://russia24.pro/krasnodar/229973131/> (дата обращения: 05.06.2021г.).

10. *Некрсова Т. П.* Социальная стратификация общества и ее особенности в России // Вестник Московского гос. открытого ун-та. 2010. № 2. С. 20–27.

11. Приказ Минфина России от 14.11. 2018 г. № 3130 «Об утверждении перечней субъектов Российской Федерации в соответствии с положениями пункта 5 статьи 130 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17. 05. 2021г.).

12. Экономическое здоровье российских регионов: текущий уровень и динамика изменений // Региональные финансы. 12.02. 2019. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/rif_2019 (дата обращения: 07.05. 2021).

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРНЕТА

Холопов Д. А. (Сыктывкар, Россия)

Аннотация: В статье поднят вопрос отражения этнической идентичности в пространстве интернета. Основой для анализа послужили результаты опроса пользователей русскоязычного сегмента интернета. Было определено, что большинство опрошенных представителей различных этнических групп воспринимают процессы информатизации этноса и этнической идентичности как естественные.

Ключевые слова: идентичность, этническая идентичность, этничность, интернет, опрос

ETHNIC IDENTITY THROUGH THE INTERNET

Kholopov D. A. (Syktyvkar, Russia)

Abstract: The expression of the ethnic identity on the Internet is discussed in the article. The results of a survey of users of the Russian-speaking segment of the Internet was based for the analysis. The majority of the interviewed representatives of various ethnic groups perceive the processes of informatization of the ethnic group and ethnic identity as natural.

Keywords: identity, ethnic identity, ethnicity, internet, survey

Этнос, этничность, этническая идентичность и связанные с ними трансформационные процессы в современном мире вызывают множество дискуссий, требуют дальнейшего осмысления и совершенствования методологического аппарата. Проблема значительного ускорения передачи информационных потоков, радикальное изменение количественных и качественных характеристик информационного бартера в результате освоения новейших информационных технологий является знаковой чертой общества XXI века, которая не обошла стороной и феномен этничности. Этничность видится уместным определить в данном контексте как искусственно созданную информационную карту, состоящую из ряда структурных элементов. Однако в актуальной работе этничность следует уточнить более подходящим термином – «информационная этничность». Информационную этничность следует понимать как сконструированный символический образ, существующий только в интернет-пространстве, но при этом информационная этничность неразрывно связана с этничностью фактической, как ее можно трактовать, обращаясь к примордиалистской концепции. В пространстве интернета же мы имеем дело с условно-символическим «этническим договором».

В рамках данного исследования для рассмотрения вопроса практик репрезентации этнической идентичности в интернет-пространстве среди пользователей русскоязычного сегмента интернета был проведен опрос, в котором приняли участие 135 респондентов. Опрос включал в себя 15 вопросов, часть которых была направлена на определение пола, возраста, местоположения, этнической группы. Однако наибольший интерес в предложенной форме представляют открытые вопросы, касающиеся индивидуального восприятия этничности и вопросы, связанные с частотой использования родного языка, степени участия в жизни этнической социальной сети.

Необходимо учитывать, что интернет-опрос имеет свою специфику, вызывающую определенные погрешности при исследовании. Данный опрос опирался на простой случайный отбор, что связано со спецификой проведения опроса и случайной рассылкой по сообществам социальных сетей. Из плюсов такого подхода можно отметить достижение неоднородности совокупности и разнообразия ответов на открытые вопросы.

В опросе приняли участие 61 % мужчин и 39 % женщин из четырех возрастных групп: 20 % респондентов возрастной группы 14–20 лет; 45 % – 20–35 лет; 30 % – 35–60 лет; 5 % – более 60 лет.

Данное возрастное распределение было взято за основу по следующим причинам: 1) 14–20 лет – переходный возраст и ключевой этап формирования личности, кроме того, на сегодняшний день данная возрастная категория более всех остальных мобильна в интернет-пространстве, соответственно, сеть оказывает на нее наибольшее влияние и выступает одним из агентов социализации;

2) 20–35 – категория относительно устоявшегося мировоззрения и костяк интернет-пространства, наиболее устойчивая группа пользователей;

3) 35–60 и >60 – возрастные группы, менее всего привязанные к интернет-пространству и, классически, наиболее консервативные.

В опросе приняли участие представители 23 этнических групп, проживающие в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге, Республике Коми, Кировской области, Пермском крае, Нижнем Новгороде, Костроме и др. Кроме того, в опросе приняли участие 10 постоянно проживающих за пределами России русскоязычных респондента: два украинца (Харьков, Днепр), два эстонца (Тарту, Таллин), одна смешанная венгерка-удмуртка (Румыния), один коми (США, Сизтл), три русских (Норвегия, Канада, Рига), один ингерландец (Эстония). Таким образом, в опросе приняли участие

представители 41 субъекта Российской Федерации и 7 иностранных государств. Подобная неоднородность участников опроса пошла на пользу исследованию, поскольку позволила увидеть ответы на поднятые вопросы с разных позиций.

Наиболее представленные этнические группы: русские – 25 %, коми – 14 %, меря – 11 %, мари – 9 %, что в сумме составляет 59 % совокупности. Кроме того, необходимо обратить внимание на 11 респондентов, которые определили свою этническую принадлежность как смешанную («сдвоенная» или «мультиэтничность»). В ответах присутствуют такие варианты: венгерка-удмуртка, русский-украинец, коми-русский, русский-мари, русский-удмурт, русский-меря, вепс-русский-ашкенази, карел-ингерламандец-финн, русский-мордвин, монгол-русский. Также в опросе приняли участие четыре человека, затруднившиеся с определением своей этнической группы.

Вопросы в предложенной респондентам форме были сгруппированы следующим образом. Один вопрос – определение степени этнического самосознания респондентом (постоянная демонстрация – полное безразличие). Один вопрос – частота использования родного языка. Два вопроса – изучение степени участия в жизни информационного этноса, один – необходимости информационного развития этноса (популяризация). Шесть вопросов – нахождение позиции респондента относительно интернет-пространства как информационной площадки и его отношения к развитию этноса в сети: 1) хорошо ли интернет для популяризации; 2) какими именно информационными практиками можно популяризовать этнос респондента; 3) как респондент относится к информатизации этничности и этноса.

Таким образом, опрос преследовал следующие цели и задачи: 1) определить, насколько сильна тенденция по информатизации этноса в представлении респондентов; 2) выявить наиболее востребованные информационные практики с позиции представителей разных этнических групп; 3) какие изменения в структуре этничности несет информатизация этноса.

Абсолютное большинство респондентов (86 %) согласны с тем, что интернет-пространство – это хорошая среда для популяризации своей этнической группы. Часть респондентов в рамках опроса пояснили свой ответ. Так 17 опрошенных уточнили, что на сегодняшний день это основная среда передачи информации и крайне мощный инструмент формирования этничности; 9 респондентов считают, что жизнеспособный этнос постоянно создает новую культуру, а нынешняя культура все сильнее уходит в интернет; 11 респондентов отметили,

что интернет крайне удобен для накопления и передачи информации, еще 5 респондентов полагают, что расширение этноса в информационной среде позволяет привлекать молодежь.

Часть опрошенных (11 %) считают иначе: 4 респондента в целом негативно относятся к феномену этничности («атавизм XXI века»); 1 респондент считает, что его этническая группа утратила свою уникальность и популяризовать попросту нечего; 2 респондента полагают, что информация затеряется в интернет-пространстве («в сети любая информация поглощается постмодерном»). Затруднились ответить всего 3 % опрошенных.

Еще один вопрос опроса звучал так: «Согласны ли Вы с утверждением, что этнические сообщества в интернет-пространстве представляют собой культурные автономии нового типа, которые позволяют человеку в любое время и в любом месте чувствовать единство со своей этнической группой?» Однозначно согласились с утверждением 58 % респондентов, допустили такую возможность 9 %, согласились частично 8 %, не согласились 18 %, затруднились ответить 7 %.

Стоит дать некоторые пояснения к ответам согласившихся респондентов: «интернет прекрасно дополняет сетевую структуру любого сообщества в виде некой грибницы», «Да. Это становится ещё одним способом репрезентации себя как представителя этой группы, однако в цифровом измерении. В таких случаях, солидарность растёт не в реляционной сети (знакомые-друзья), а в категориальной («мы-они»)». Помимо данных примеров, упоминание того, что этнические социальные сети способствуют сбору рассеянного территориально этноса и формируют единое информационное поле, встречается в семи ответах.

Из ответивших отрицательно, 10 респондентов указали, что невозможно полностью цифровизировать этничность, а 8 респондентов отметили, что это лишь одно из направлений деятельности этнического сообщества, связанное с популяризацией группы. Еще трое несогласных с утверждением респондентов дополнили свой ответ критикой этничности в принципе (социально-экономический конструкт). Из согласившихся частично шесть респондентов пояснили, что этнические социальные сети являются дополнением к этносу фактическому, но никак не могут быть его полноценной заменой. Таким образом, шесть респондентов опровергли часть утверждения про автономность сетевых сообществ, но согласились со второй частью утверждения.

Таким образом, можно с определенной уверенностью заключить, что для большинства респондентов интернет-пространство однозначно является признаваемой средой для распространения и популяризации своей этнической группы или информационно-культурным полем этноса. Большая часть респондентов согласны с тем, что этнические сообщества в интернет-пространстве являются органическим продолжением фактического этноса и способствуют сохранению информационной целостности этноса, его распространению вовне и сохранению внутренней причастности представителей группы к общему единству. Иначе говоря, мы наблюдаем тот самый этнический договор в интернет-пространстве, неразрывно связанный с этносом фактическим.

Достаточно интересны ответы респондентов относительно цифровизации культуры. Вопрос звучал так: «Как Вы думаете, интернет-творчество с этнической тематикой (фанфики, арты, музыка и др.) может считаться новым этапом развития этнической культуры? Должно ли оно поддерживаться?». В общей сложности 75 % респондентов согласны с тем, что интернет-творчество на этническую тематику представляет собой новый этап развития этнической культуры, только 18 % не разделяют данную позицию; 41 % ответили о необходимости поддержки цифрового творчества; 4 % указали, что поддерживаться оно не должно. Затруднились ответить на вопрос 7 % опрошенных.

При этом девять согласившихся с утверждением респондентов отметили необходимость модернизации этнической культуры, выведения ее на цифровой уровень, адаптации под современные стандарты. Данные пояснения можно проиллюстрировать одним из ответов: «Да, несомненно. Мы должны преодолеть глупую идею, что национальная культура – это одежда и песни XIX века. Жизнеспособный народ постоянно создаёт новую культуру». В 12 ответах также было указано, что информационное творчество благоприятно влияет на популяризацию и развитие этнической группы и способствует привлечению молодежи. Относительно поддержки этнического интернет-творчества три респондента отметили необходимость государственной поддержки; пятеро указали, что поддерживаться данное творчество должно исключительно этническим сообществом. Среди тех, кто не считает интернет-творчество новым этапом развития этнической культуры, пятеро указали в пояснении, что это просто определенный этап популяризации культуры/дополнение к традиционным формам социализации. Еще четверо опрошенных

пояснили свой ответ тем, что этничность – архаический конструкт (как и в предыдущем вопросе).

Таким образом, можно сделать вывод, что для абсолютного большинства респондентов цифровизация этноса и этнической культуры является осознанным и необходимым для развития фактического этноса этапом или, говоря иначе, проблемой этногенеза в современном информационном пространстве и вопросом жизнеспособности этнической группы. Абсолютное большинство респондентов так или иначе поддерживает тенденцию цифровизации этничности и этноса по вышеуказанной причине. Иллюстрацией данной ситуации, опять же, становится один из ответов на вопрос о сетевом творчестве: «без этого никакое развитие в наше время невозможно».

Следующие вопросы относились к информационным практикам репрезентации этничности в интернет-пространстве. Для характеристики общей картины уровня этнического самосознания респондентов по шкале «регулярная репрезентация – безразличие» был включен вопрос: «Насколько сильно Вы ощущаете связь со своей этнической группой?». Вопрос собственной идентичности волнует 85 % опрошенных, что является для данного исследования ключевым моментом, независимо от степени проявленности; 13 % респондентов отметили, что они безразличны к своей этнической принадлежности; 2 % затруднились ответить. Таким образом, для большинства опрошенных репрезентация своей этничности – вопрос, в котором они заинтересованы. Об этом свидетельствуют ответы и на следующие вопросы: «Вы подписаны на этнические сообщества/изучаете интернет-ресурсы, связанные с Вашей этнической группой/смотрите мемы, видео и иной интернет-контент, связанный с Вашей этнической группой?»; «Вы продвигаете информацию о своем этносе в интернете (распространяете или создаете этнический контент)?»; «Как Вы думаете, Вашей этнической группе нужна большая популяризация в интернет-среде?». Согласно ответам опрошенных, 65 % респондентов нуждаются в большей популяризации своей этнической группы; 18 % ответили отрицательно; 17 % затруднились с ответом, соответственно. Также 71 % участников опроса подписаны на этнические сообщества и 56 % участвуют в популяризации своей этнической группы.

Но наибольший интерес для данного исследования представляет то, какой смысл респонденты вкладывают в информационную этничность и какие информационные практики считают наиболее предпочтительными. В данном случае респондентам были предложены открытые вопросы с возможностью указания собственного мнения, что

вызвало у части участников затруднения. Однако наиболее полные ответы на следующие вопросы достаточно очевидно отражают востребованность того или иного трансляционного канала для получения/передачи информации об этносе.

Респондентам было предложено описать, что лично для них представляет собой этническая идентичность в интернет-пространстве, и важно ли проявлять ее в сети. 52 участника опроса четко обозначили важность проявления этнической идентичности в сети, но примечательно то, что под этим наиболее часто подразумевается. В ответах респондентов 48 раз встречается упоминание принадлежности к группе (чувство единства, общение с представителями своего этноса, публичная манифестация своей этнической идентичности и др. подобные ответы); 37 раз – знание и использование родного языка; 36 раз – популяризация культурно-исторического наследия группы; 35 раз – этнический контент. Данная статистическая картина особенно интересна, учитывая, что только 13 человек изначально отметили, что постоянно используют в сети интернет свой родной язык.

При ответе на вопрос: «Как Вы думаете, что более всего могло бы способствовать репрезентации Вашей этничности в интернет-пространстве?», наиболее часто упоминалась необходимость популяризации родного языка посредством языковых ресурсов (28 раз), создание и популяризация медиаресурсов (24 раза), под которыми понимаются этнические сообщества в социальных сетях, этнические веб-сайты, этноблоги, странички. Также респонденты часто указывали необходимость популяризации фольклора, культуры и развития этнической литературы (16 раз) и увеличения числа научно-популярных публикаций на этническую тематику, популяризацию этнической группы в науке (13 раз). Замыкают число наиболее востребованных практик видеоролики на этническую тематику (10 раз).

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы по данной работе. Этнос и этничность стремительно информатизируются, и это воспринимается подавляющим большинством представителей этнических групп как естественный процесс. Наиболее популярными информационными практиками в интернет-пространстве являются медиаресурсы, направленные на популяризацию и поддержание самобытности этнической группы. Специфической чертой структуры информационной идентичности является довлеющая роль символической веры в единство группы.

Несомненно, делая такие выводы, необходимо учитывать крайнюю разнородность выборки и ее ограниченность. Результаты данного опроса лишь частично могут проиллюстрировать те процессы, которые происходят с этнической идентичностью в интернет-пространстве. Для дальнейшего исследования необходимо расширить базу исследования.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННЫМ КОНФЛИКТОМ

Чавро З. В. (Владивосток, Россия)

Аннотация. Конфликты возникают и развиваются в самых разных сферах жизнедеятельности человека, и одной из таких сфер является организационная. Человек же в течение всей жизни становится членом хотя бы одной организации, её частью, именно поэтому их изучение является важным и не теряет своей актуальности и по сей день. В статье рассматривается психологический аспект управления организацией, в том числе и психологический аспект управления конфликтными отношениями. В данной работе предпринята попытка анализа психологических причин, раскрывается понятие психологического аспекта и его классификация применительно к организационному управлению.

Ключевые слова: конфликт, управление организацией, управление конфликтами, психологический аспект, психологическая причина

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MANAGEMENT ORGANIZATIONAL CONFLICT

Chavro Z. V. (Vladivostok, Russia)

Abstract. The article deals with the psychological aspect of organization management, including the psychological aspect of conflict management. This paper attempts to analyze the psychological causes, reveals the concept of the psychological aspect and its classification in relation to organizational management.

Keywords: conflict, organization management, conflict management, psychological aspect, psychological cause

Понимание конфликта как естественного, нормального, и даже необходимого в жизни обществ и групп явления представляется одной из наиболее важных современных идей. Он не является полностью отрицательным или положительным явлением, а лишь ситуацией, фактом, имеющим положительные и отрицательные последствия. Такой точки зрения придерживаются многие исследователи XXI века [1; 2; 3; 5; 6], и с этих посылок мы будем рассматривать организационный конфликт, в частности.

Весь процесс управления конфликтами в организации можно разделить на три основные стадии: стадию предотвращения конфликтов на предконфликтной стадии, стадию разрешения противоречий на этапе открытого противоборства и стадию урегулирования противоречий в постконфликтный период [12].

Изучение же причин важно на каждой из них, так как зная причины возникновения того или иного феномена, легче предпринять какие-то конкретные шаги по предотвращению вызываемого конфликтами негативного эффекта.

Все причины организационных конфликтов можно условно разделить на две группы: конфликты, связанные с непосредственно процессом производства, а именно с технологической и экономической сферой внутри организации, т. е. с главной целью функционирования организации, и конфликты, связанные с социально-психологической или полностью психологической сферой [7; 10; 11; 14; 15].

Мы остановимся на социально-психологических причинах, так как они, в отличие от личностных причин, присущи не отдельно взятому человеку, а связаны со спецификой психики, психологии человека.

К типичным социально-психологическим причинам, по мнению Ф. Г. Руденко относят [15]:

потери и искажения информации в процессе межличностной и межгрупповой коммуникации;

разбалансированное ролевое взаимодействие людей;

выбор разных способов оценки результатов деятельности;

разный подход к оценке одних и тех же сложных событий;

внутригрупповой фаворитизм;

феномены и специфика психологии человека, связанная с процессом соревнования и конкуренции;

ограниченная способность к децентрации, психологическая несовместимость и многое др.

Другие психологические причины конфликтов в организации выделяет другой современный российский исследователь В. Г. Зазыкин [7; 8; 9].

1. Низкий уровень организационной (корпоративной) культуры

Организационная культура – это система осознанных и неосознанных представлений, ценностей, правил, запретов, традиций, разделяемых всеми членами организации. В организациях с низким уровнем организационной культуры низок уровень сплоченности, мотивация труда, отсутствуют положительные традиции, служащие дополнительными нормами – регуляторами поведения людей, и, как следствие высок уровень конфликтности.

Наряду с такими факторами как сплоченность, характер взаимоотношений, общее настроение, стиль руководства, и даже половозрастной состав и численность сотрудников организации,

организационная культура оказывает влияние на психологический климат организации.

2. Низкий авторитет или псевдоавторитет руководителя

В психологическом плане авторитетная личность всегда воспринимается как имеющая неоспоримые преимущества, что способствует формированию вертикально направленных отношений. Такой авторитет должен быть основан на высоком уровне профессионализма руководителя, наличии у него программы опережающего личностно-профессионального развития, нравственных качеств, навыков бесконфликтного взаимодействия, умений конструктивно разрешать возникающие противоречия.

Если же у руководителя нет этой программы, а также каких-либо иных качественных преимуществ перед другими сотрудниками, будь то интеллектуальные, волевые, характерологические преимущества, или на порядок более высокие, чем у сотрудников, профессиональные умения, компетентностью, то в желании создать и удержать дистанцию между собой и подчиненными у руководителя может создаться вокруг себя неестественный, ложный авторитет, так называемый псевдоавторитет.

Псевдоавторитет – один из деструктивных стилей руководства, приводящим к трудноразрешимым конфликтам в организации. Он формируется, когда руководитель не развивается сам, ограничивает личностно-профессиональный рост коллектива, создавая неестественную дистанцию за счет давления, психологических приемов влияния, барьеров, псевдо-эффективного управления. Поэтому, во избежание конфликтов в организации, руководитель должен всегда быть на шаг впереди своих сотрудников.

3. Низкий престиж деятельности организации

Сотрудник престижной организации дорожит работой и чувствует большую ответственность за нее. В организациях с низким престижем работник, как правило, наоборот не чувствует большой ответственности за свою работу, конкуренции, зная, что такая должность доступна всем, а не только ему.

Руководителям таких организаций необходимо повышать их престиж через увеличение уровня профессионализма, собственного и сотрудников, через повышение авторитета и ценности оказываемых услуг для общества.

4. Необъективность, несправедливость оценки труда подчиненных

Нередко подчиненные не удовлетворены оценкой своего труда, так как она не совпадает с ожидаемой. Это может быть вызвано либо

низким качеством выполнения работы, либо реальными ошибками в процессе оценки со стороны руководителя, такими как:

ошибка, вызванная гало-эффектом: оценка деловых и профессиональных качеств по общему внешнему виду и впечатлению от человека, обобщение.

ошибка «близости»: сравнение с другими, а не с профессиональным эталоном.

ошибка, вызванная отсутствием эталонов: отсутствие эталона и, как следствие, аргументированной обоснованной позиции со стороны руководителя.

этическая ошибка: оценка не только профессиональной деятельности, но и личных и нравственных качеств, для оценки которых нет объективных методов.

ошибка «центральной тенденции»: одинаковая оценка всех сотрудников.

ошибка «контраста»: преувеличенное восприятие своих личных и профессиональных качеств, которые допускают авторитарные руководители, оценивая других со своей высоты, занижая результаты подчиненных.

ошибка «снисходительности»: снисходительность и завышенная оценка конкретных сотрудников.

5. Плохо выверенная кадровая политика

Для снижения общей конфликтности коллектива в организации должен функционировать четко отлаженный механизм отбора кадров по двум направлениям:

отбор кадров при приеме на работу через психодиагностику, учет анкетных показателей;

коррекция внутренних (субъективных) условий личности в ходе индивидуальной и групповой работы с сотрудниками, уже принятыми на работу.

6. Разбалансированность социальных взаимодействий

Согласно мнению А. Я. Анцупова и А. И. Шипилова существуют пять видов балансов: баланс ролей, взаимозависимости, взаимных услуг, ущерба, внешней оценки и самооценки, которые человеку необходимо соблюдать во избежание конфликтных ситуаций. Чтобы социальные взаимодействия носили непротиворечивый характер, человеку необходимо выполнять ту роль, которая ему отведена, отвечать услугой на услугу, не ограничивать свободы другого, не наносить ответного ущерба, приводить свою самооценку с внешней оценкой [1].

Все вышеперечисленные факторы могут служить психологическими и иными барьерами в управлении организации и

стать причиной конфликтов. Под барьером понимается препятствие на пути к эффективной коммуникации, правильному пониманию информации, либо вообще ее невосприятие. Это могут быть отрицательные эмоции, страх, стыд, непонимание по различным причинам, плохое настроение, социальное или культурное различие. Таким образом, из-за барьера искажается либо теряется первоначальный смысл.

Наиболее часто встречающимся барьером в общении, в том числе в организации, является барьер субъективной интерпретации, то есть прохождение сообщения через личный опыт воспринимающего. Полностью искоренить данный барьер невозможно, однако, чтобы сделать коммуникацию более благоприятной и эффективной, необходимо своевременное осознание своей субъективности, т. е. осознание того, что факт приобретает какую-либо интерпретацию лишь в вашем сознании. А потому, чтобы такой барьер разрушить, необходимо уточнение того, как человек понял смысл сказанного и последующая коррекция ошибок восприятия [16].

Этот феномен человеческой психики возвращает нас к вышеупомянутой мысли о том, что работник, а особенно руководитель (менеджер), должен непрестанно повышать уровень своего развития, поддерживая таким образом свой естественный авторитет и репутацию, которая, как уже было сказано, заметно может снизить конфликтность подчиненных и коллектива в целом.

Все способы разрешения организационных конфликтов, имеющих психологическую основу, можно свести к двум группам методов, а именно к организационно-управленческим (так называемым менеджерским) и социально-психологическим [4; 13]. Первый больше ориентирован на максимизацию прибыли, второй предполагает индивидуальный подход, ориентацию на конкретную личность.

Психологические способы предупреждения должны быть направлены на корректировку мыслей, чувств и настроений людей. Российские исследователи Е. В. Буртовая и Ф. М. Лукин предлагают следующие психологические способы (методы) предупреждения организационных конфликтов, основа которых – поддержание сотрудничества [4; 13].

Метод психологического поглаживания или метод согласия – различные формы проведения коллективом совместного отдыха, мероприятий, соревнований. Вовлекает сотрудников и потенциальных оппонентов в том числе в общее дело, способствует снятию психологического напряжения, эмоциональной разрядке, появлению позитивных чувств и др.

Метод эмпатии (доброжелательности) – развитие у сотрудников способности сочувствию, поддержке.

Метод сохранения репутации партнера – признание достоинств партнера, его авторитета, уважение к его личности. Стимулирует аналогичное отношение в ответ.

Метод взаимного дополнения. Предполагает опору на такие способности партнера, какими не располагает другой.

Метод недопущения национальной, гендерной, социальной и иной дискриминации, т. е. исключение подчеркивания превосходств одного партнера над другим.

Метод разделения заслуг или уравнилельный метод материального поощрения – равноценное разделение заслуг между всеми сотрудниками независимо от их вклада. Такой метод противоположен методу индивидуального вознаграждения. С одной стороны, не всегда справедлив, с другой, помогает избежать зависти и обиды, и, как следствие, конфликтов между сотрудниками.

Метод информирования – своевременное информирование работников о предстоящих изменениях, обсуждение последствий, психологическое настраивание.

Литература

1. *Анцупов А. Я., Шипилов А. И.* Конфликтология. Москва: ЮНИТИ, 2000. 551 с.
2. *Бендюков М. А.* Психология трудового конфликта: учеб. Пособие. Санкт-Петербург: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 88 с.
3. *Бородкин Ф. М., Коряк Н. М.* Внимание: конфликт! Отв. ред. В. А. Заргаров. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1989. 186 с.
4. *Буртовая Е. В.* Конфликтология: учебное пособие. Москва: ЮНИТИ, 2012. 509 с.
5. *Гришина Н. В.* Психология конфликта. Санкт-Петербург: Питер, 2000. 464 с.
6. *Емельянов С. М.* Конфликтология: учебник и практикум для академического бакалавриата. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 322 с.
7. *Зазыкин В. Г.* Анализ психологических причин конфликтов в организациях и методы их профилактики // Элитариум: центр дистанционного образования: [сайт]. СПб. 2009. URL: <http://www.elitarium.ru/konflikt-organizacija-prichiny->

- protivorechija-rukovoditel-dejatelnost-kompetentnost-personal-upravlenie-situacija/
8. *Зазыкин В. Г.* Психологическая профилактика конфликтов в коллективе // Элитариум: центр дистанционного образования. URL: https://www.elitarium.ru/profilaktika_konfliktov/
 9. *Зазыкин В. Г.* Психолого-акмеологический подход в изучении и разрешении конфликтов // Акмеология. 2004. № 3. С. 26–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-akmeologicheskij-podhod-v-izuchenii-i-razreshenii-konfliktov>
 10. *Калмыкова О. Ю., Гагаринская Г. П., Мюллер Е. В.* Управление персоналом организации: Учеб. Пособие. Самара: ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет», НОУ ВПО «Поволжский институт бизнеса», 2011. 133 с.
 11. *Калмыкова О. Ю., Соловова Н. В.* Эффективное управление конфликтами в социально-трудовых отношениях // Вестник СамГУ. 2013. № 1 (102). С. 171–176.
 12. *Кильмашкина Т. Н.* Предупреждение социального конфликта как элемент управления им // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1 (33). С. 9–13
 13. *Лукин Ю. Ф.* Конфликтология: управление конфликтами: учебник для ВУЗов. Москва: Академический Проект Гаудеамус, 2007. 799 с.
 14. *Неустоева О. В.* Причины возникновения трудовых конфликтов // International scientific review. 2015. № 6 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vozniknoveniya-trudovyh-konfliktov>
 15. *Руденко Ф. Г.* Исследование психологических аспектов межличностных отношений и конфликтов на предприятии производственного комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С. 191–193.
 16. *Ульянова А. А.* Понятие психологического барьера и его виды // Academy. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-psihologicheskogo-bariera-i-ego-vidy>

КРЕДИТОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИНТЕГРАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ

Чугунова А. Н. (Барнаул, Россия)

Аннотация: *В последнее время практически во всем мире, а особенно в высокоразвитых государствах, прослеживается тенденция перехода от кредита как средства достижения определенной цели (покупки автомобиля, оплаты обучения и т. п.) к кредиту как средству формирования особого стиля жизни, как к способу повышения социального статуса личности.*

Ключевые слова: *потребительский кредит, социология потребления, социальный статус, интегративные процессы, население*

LENDING TO THE POPULATION IN THE SYSTEM OF INTEGRATIVE PROCESSES

Chugunova A. N. (Barnaul, Russia)

Abstract: *In recent years, almost all over the world, and especially in highly developed countries, there is a tendency to move from credit as a means of achieving a certain goal (buying a car, paying for training, etc.) to credit as a means of forming a special lifestyle, as a way to improve the social status of an individual.*

Keywords: *consumer credit, sociology of consumption, social status, integrative processes, population*

Потребительский кредит представляет собой кредит, который необходим гражданам для покупки предметов потребления. Данный кредит берут не только для получения в свое пользование товаров: таких как квартиры, мебель, автомобили и т. д., но и для других покупок: мобильные телефоны, бытовая техника, продукты питания. Кредит выступает в двух формах:

в форме продажи товаров с отсрочкой платежа;

в форме предоставления банковской ссуды на потребительские цели, в том числе через кредитные карты.

Также объектом потребительского кредитования могут быть товары и услуги. Товары, которые приобретаются в кредит, – предметы потребления длительного пользования [1, с. 132].

В кредит очень часто приобретаются товары и услуги, потребность в которых возникла из-за требований социального окружения, из-за нового потребительского сознания, а не действительной необходимостью. Для общества потребления, стремящегося жить «здесь и сейчас», потреблять, а не производить, этот вид финансового

поведения, предполагающий «одажживание» денег в кредитных организациях, оказался подходящим и востребованным. Люди отдают предпочтение кредитованию, как институциональному займу, нежели приобрести товар или услугу, заняв денег в долг у знакомых и родственников. Данный вывод подтверждается в работах экономистов и социологов [2, с. 72].

В рамках социально-экономического подхода, значимость потребительского кредитования не вызывает сомнений: кредиты способствуют росту спроса. Несмотря на позитивное отношение к кредитам, результаты социологических исследований показали неоднозначность установок к потребительскому кредитованию, деньгам, долгу, кредиторам. В качестве факторов кредитной активности заемщиков исследователи рассматривали социально-демографические характеристики. Однако нельзя исключать из поля исследования психологические факторы, а именно: отношения личности к экономическим феноменам, в том числе и к кредитам [3, с. 258].

Активное потребительское кредитование в России началось в первой половине 2000-х годов, когда объем потребительских кредитов удвоился, и превысил один триллион рублей. За последние годы объем задолженности по потребительским кредитам вырос и превысил 10 триллионов рублей. Рост потребительского кредитования в 4 раза превысил денежные доходы населения. [4, с. 133].

Половину объема выданных потребительских кредитов занимают краткосрочные кредиты, сроком от 6 до 24 месяцев, которые применяются для покупки потребительских товаров. Данные кредиты выдаются под 26–46 % годовых. В европейских государствах доля таких займов составляет до 25 % от всего объема потребительских кредитов. Факторы, способствующие выбору населением краткосрочных займов и наращиванию «коротких» и дорогих кредитов, являются следующие:

1. Увеличение возможностей и желаний к удовлетворению потребностей, которые ранее были труднодоступны. Например, покупка традиционно дорогих товаров и услуг. К ним относятся автомобили, путешествия, долгосрочная бытовая техника, мебель, верхняя одежда и т.д. Стандарты потребления существенно изменились в сторону быстрого обновления и расширения круга потребительских товаров. Каждый здоровый взрослый человек в любом возрасте старается не отставать от новых веяний современного общества, от своего ближайшего окружения, при этом демонстрируя соответствие более высокому социальному статусу. Развитие рынка услуг, в том числе туристического бизнеса, международных

транспортных направлений. Это дает возможность реализовать потенциал отдыха и развлечений на более высоком уровне [4, с. 134].

2. Рост и совершенствование рынка социальных услуг, а именно: услуги образования и здравоохранения. Ученые считают, что количество кредитов на образование и медицину растет с каждым годом [4, с. 134].

3. Развитие предпринимательства. Вопреки тому, что потребительский кредит рассматривается как кредитование на неотложные нужды, в ряде случаев такая часть населения, как малые предприниматели используют данный вид займа денежных средств, как источник пополнения для собственного бизнеса. Банки крайне редко готовы выдать кредиты на бизнес тем предпринимателям, у которых небольшие денежные обороты. Развитие общества и экономики регионов, воплощение в жизнь различных проектов международного сотрудничества предполагает активизацию деятельности малых предпринимателей и, соответственно, потребность в моментальных займах [4, с. 134].

Таким образом, потребительский кредит является сильным фактором подъема народного благосостояния, но при этом в последнее время благодаря кредиту люди повышают свой социальный статус, приобретая вещи роскоши.

Литература

1. *Белехова Г. В.* Кредитное поведение населения: Современные аспекты (на примере Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2014. № 1. С. 69–73.
2. *Киреева О. В., Демин А. В., Помазан И. А.* Мотивационный компонент отношения к кредитам лиц разного возраста // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 129. С. 254–271.
3. *Киреева О. В., Педанова Е. Ю., Дёмин А. Н.* Отношение к кредитам и социальный статус личности // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 3. С. 125–138.
4. *Комында А. А.* Потребительское кредитование как важное социальное явление в жизни Россиян // Социальная экономика. 2017. № 17. С. 130–137.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ В ОЦЕНКАХ ЖИТЕЛЕЙ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Шахова Е. В., Барнаул (Россия), Шерматова С. Н. (Бишкек, Кыргызстан)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZMW-2020–0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Аннотация: В статье рассматриваются миграционные установки жителей приграничных регионов Российской Федерации: установки, связанные с отсутствием планов о смене места жительства, и установки, связанные с планированием переезда. Представлены результаты анализа данных, полученных в ходе социологического опроса в шести приграничных регионах России (Алтайский край, Белгородская область, Воронежская область, республика Бурятия, Хабаровский край, Челябинская область). Показано, что часть населения задумывается о переезде. Жители, имеющие установки, связанные с планированием переезда, это, как правило, представители молодого поколения; не состоящие в браке и не имеющие детей; население малых сел или сверхкрупных городов; оценивающее свое материальное положение как очень бедное; те, кто уже имел опыт миграции. Основные причины возможного переезда связаны с улучшением качества жизни, обеспечением будущего детей, экологическими и климатическими условиями.

Ключевые слова: миграция, миграционные установки, приграничные регионы России, отток населения

MIGRATION ATTITUDES AND A SENSE OF SECURITY IN THE ASSESSMENTS OF RESIDENTS OF THE BORDER REGIONS OF RUSSIA

Shahova E. V. (Barnaul, Russia), Shermatova S. N. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The article examines the migration attitudes of residents of the border regions of the Russian Federation: attitudes related to the lack of plans to change their place of residence and attitudes related to planning a move. The results of the analysis of data obtained during a sociological survey in six border regions of Russia (Altai region, Belgorod region, Voronezh region, Republic of Buryatia, Khabarovsk region, Chelyabinsk region) are presented. It is shown that part of the population is thinking about moving. Residents who have attitudes related to moving planning are, as a rule, representatives of the younger generation; people who are not married and do not have children; the population of small villages or super-large cities; people who assess their financial situation as very poor; those

who have already had experience of migration. The main reasons for a possible move are related to improving the quality of life, ensuring the future of children, environmental and climatic conditions.

Keywords: *migration, migration installations, border regions of Russia, population outflow*

Миграционный процесс представляет собой достаточно сложное и многогранное явление. Сложность и противоречивость данного процесса заключается в том, что он оказывает неоднозначное воздействие на социально-экономическую ситуацию, как на уровне отдельных регионов, так и на уровне всего государства в целом. Миграционная ситуация в современной России во многом определяется геополитической архитектурой, а также реалиями мировой экономической, социальной и политической конъюнктуры. Въезд и выезд мигрантов в стране (численность, интенсивность, частота, состав) напрямую зависят от состояния экономики и финансовой системы, от курса национальной валюты, от состояния рынка труда, а также и от многих иных причин и факторов [3]. «Миграция как элемент горизонтальной и вертикальной мобильности в наши дни становится одним из ключевых факторов социальных изменений на локальном, национальном и глобальном уровнях. В существующих условиях изучение миграционных установок населения, факторов притяжения и выталкивания, особенностей межкультурной коммуникации и интеграции мигрантов представляет собой важную научно-практическую задачу» [1, с. 199].

Для исследования миграционных установок жителей приграничных регионов России был проведен анализ данных, полученных в рамках исследования «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии», реализованного в шести приграничных регионах Российской Федерации (Алтайский край, Белгородская область, Воронежская область, республика Бурятия, Хабаровский край, Челябинская область) (2020–2021 гг., n=3000).

Миграционные установки жителей приграничных регионов можно разделить на две группы: установки, связанные с отсутствием планов о смене места жительства (60,7 %); установки, связанные с планированием переезда (39,3 %). Схожие данные получены и в рамках исследования «Миграция: установки россиян» Фондом общественного мнения, согласно которым 60 % жителей указывают на то, что не желают переезжать в другой населенный пункт [4]. Жители, планирующие переезд, чаще всего еще сами не знают, куда именно

хотят уехать (14,2 %) или планируют переехать в другой регион России (14,0). Остальные планируют уехать в другую страну (5,7 %), в другой город своего региона (2,8 %), в другой город или село своего района (2,6 %).

Чаще всего на планы о переезде указывают жители Хабаровского края (57,6 %). В этом регионе проблема оттока людей носит острый характер. Временно исполняющий обязанности губернатора Хабаровского края, М. В. Дегтярев первопричиной оттока называет недостаточное развитие промышленности и в целом экономику [5]. В Воронежской и Белгородской областях жители реже всего желают сменить место жительства (22,9 % и 24,2 % соответственно), эти регионы входят в десятку первых в рейтинге субъектов России по качеству жизни (8-ое и 5-ое места).

Полученные оценки миграционных установок жителей приграничных регионов страны дифференцируются по социально-демографическим показателям. Более мобильным является молодое поколение, люди в возрасте 16–29 лет чаще остальных указывают на желание уехать (67,7 %), а также те, кто никогда не состоял в браке (55,0 %) и не имеет детей (54,0 %). На планы о переезде чаще указывают жители малых сел (75,2 %), которые хотят уехать в другой регион России (31,3 %), в другой город региона (18,8 %), в другой город или село района (18,8 %), 6,3 % из них не определились с местом своего переезда; а также жители сверхкрупных городов (75,0 %), все из которых еще не решили, куда конкретно хотят уехать. Чаще других планируют мигрировать люди, оценивающие свое материальное положение как очень бедное (88,2 %) (таблица 1).

Таблица 1 – Планы на переезд жителей приграничных регионов в зависимости от социально-демографических показателей (χ^2 , $p \leq 0,005$), %.

Социально-демографические группы	Нет, не хочу, буду жить там, где живу	Планирую переехать в другой город или село того района, в котором живу	Планирую переехать в другой город (район) Вашего региона	Планирую переехать в другой регион России	Планирую уехать в другую страну	Еще не знаю куда именно, но куда-нибудь уеду
Возраст						
До 15 лет	60,0	–	10,0	10,0	10,0	10,0
16–29 лет	32,3	5,5	4,7	20,1	15,0	22,4
30–49 лет	60,2	2,1	2,5	14,6	6,0	14,6

Социально-демографические группы	Нет, не хочу, буду жить там, где живу	Планирую переехать в другой город или село того района, в котором живу	Планирую переехать в другой город (район) Вашего региона	Планирую переехать в другой регион России	Планирую уехать в другую страну	Еще не знаю куда именно, но куда-нибудь уеду
50 лет и старше	72,7	1,5	2,0	11,6	3,0	9,2
Семейное положение						
Никогда в браке не состояли	45,0	3,9	4,1	18,2	11,3	17,5
Состоите в зарегистрированном браке	66,2	2,8	2,3	12,3	4,3	12,1
Живёте вместе, но не зарегистрированы	50,4	4,3	3,9	14,7	8,9	17,8
Разведены и в браке не состоите	60,9	2,4	3,9	14,1	5,2	13,5
Вдовец/вдова	66,4	3,4	3,4	15,1	2,5	9,2
Наличие детей						
Нет детей	46,0	3,40	3,4	16,8	11,6	18,8
1 ребенок	64,0	1,7	2,5	14,1	3,9	13,8
2 детей	70,2	2,5	1,8	11,7	2,8	11,0
3 детей	67,5	0,8	4,2	12,5	2,1	12,9
4 детей	68,5	2,9	-	11,4	2,9	14,3
Тип поселения						
Малое село	24,8	18,8	18,8	31,30	0,00	6,3
Среднее село	60,2	11,4	9,1	10,20	1,10	8,0
Крупное село	60,0	5,2	10,3	11,60	1,90	11,0
Малый город	57,7	5,7	6,2	14,30	3,40	12,7
Средний город	62,7	6,0	5,9	12,70	2,90	9,8
Большой город	50,0	2,1	4,2	21,10	7,10	15,5
Крупный город	57,0	2,1	1,6	16,50	6,90	15,9
Крупнейший город	63,6	1,1	1,6	11,80	6,80	15,1
Сверхкрупный город	25,0	-	-	-	-	75,
Уровень материального достатка						
Живу очень бедно	11,8	5,7	5,7	30,1	26,7	20,0

Социально-демографические группы	Нет, не хочу, буду жить там, где живу	Планирую переехать в другой город или село того района, в котором живу	Планирую переехать в другой город (район) Вашего региона	Планирую переехать в другой регион России	Планирую уехать в другую страну	Еще не знаю куда именно, но куда-нибудь уеду
Живу бедно	52,7	6,7	4,7	15,3	6,5	14,1
Живу средне	57,6	2,5	2,7	15,2	5,9	16,1
Живу достаточно обеспеченно	64,5	2,3	2,4	13,6	5,6	11,6
Живу очень хорошо, богато	60,0	7,0	7,0	9,0	9,0	8,0

Реже всего на планы переезда указали те, кто проживал в своем населенном пункте более 10 лет (37,0 %), а также те, кто проживал там с рождения (40,3 %), чаще всего планируют переехать прожившие на данном месте менее года (75,5 %). Личный миграционный опыт наряду с другими факторами (распространенность миграционного опыта среди населения, наличие знакомых на территории переселения, уровень удовлетворенности в месте проживания и другие) оказывает значимое влияние на миграционные установки жителей [2].

Среди тех, кто планирует переехать, 45,3 % жителей еще не определились со временем переезда, 30,9 % собираются переселиться в течение трех-пяти лет, 15,5 % – через два года, 8,3 % – в течение года. «Переезд в большей степени остаётся лишь в планах или находится в зоне отложенного принятия решения» [1, с. 198].

Наиболее популярные причины возможного переезда населения приграничных регионов следующие: улучшение качества жизни в целом (48,6 % наблюдений), обеспечение будущего детей (31,4 % наблюдений), экологические, климатические условия (30,4 % наблюдений), улучшение благосостояния и жилищных условий (28,6 % наблюдений), поиск работы, карьерный рост (18,6 % наблюдений). В Челябинской области чаще, чем в других регионах, среди причин возможного переезда указывают на экологические и климатические условия (46,6 % наблюдений). Загрязнение воздуха в данном регионе – наиболее острая региональная проблема, регион находится в тройке самых грязных регионов России, согласно результатам Национального экологического рейтинга, представленного общественной организацией «Зеленый патруль». Согласно результатам исследования о миграционных настроениях россиян в пределах страны,

представленным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), причины, по которым хотят переехать современные россияне: фактор безработицы или удаленности работы (18 %), более высокий уровень жизни в другом населенном пункте (15 %), экологические причины (13 %), а также предпочтение более благоприятного климата (12 %) [6].

Миграция – это сложный общественный процесс, последствия которого, носят как позитивный, так и негативный характер, проявляются практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Миграционные процессы напрямую зависят от социально-экономического положения регионов, оказывают серьезное влияние на формирование структуры населения, на демографическую ситуацию. Депопуляция, или снижение количества жителей в регионах становится угрожающей проблемой, решать которую необходимо путем повышения уровня и качества жизни всех субъектов страны.

Литература

1. *Клюева В. П., Фарахутдинов Ш. Ф.* Миграционные установки населения Тюменской области // *Власть и управление на Востоке России.* 2021. № 1 (94). С. 198–208.
2. *Кузнецова С. А.* Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // *Социальная психология и общество.* 2013. № 4. С. 34–45.
3. Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне Всероссийской переписи населения 2020 г. в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад. Научное монографическое издание. Научн. конс. В. А. Тишков. Отв. ред. М. А. Аствацатурова. Реценз. Г. В. Косов. Пятигорск. ПГУ, 2019, С. 135.
4. Миграция: установки россиян // Фонд Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14501> (дата обращения: 23.04.2021).
5. Отток населения из Хабаровского края Дегтярев считает одной из главных проблем региона // Интерфакс-Россия. URL: <https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/ottok-naseleniya-iz-habarovskogo-kraya-degtyarev-schitaet-odnoy-iz-glavnyh-problem-regiona> (дата обращения: 02.04.2021).
6. Охота к перемене мест: зачем и почему? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest-zachem-i-pochemu> (дата обращения: 15.04.2021).

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСКИХ УЗОРОВ И ОРНАМЕНТОВ

Эралиева Ы. С. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: История кыргызских узоров и орнаментов уходит корнями в древние века, свидетельствуя о тяге народа к красоте и гармонии. Это не просто какие-то фигуры и рисунки, они имели глубокий смысл и зашифрованные послания. Этнокультура народа сохранила архаичные знаки в узорах и пополнилась современными элементами орнамента. История кыргызских узоров активно исследовалась в советское время. Многие этнографы, историки, художники изучили, описали и проанализировали узоры, окружавшие быт кыргыза. Исследования продолжаются и в постсоветское время, глубоко и обширно рассматривается история, значение узоров и мастерство, фантазия создателей красоты в гибких линиях и знаках.

Ключевые слова: узор, орнамент, краска, ковер, одежда, этнокультура, история, вышивка, мастер, философия

PHILOSOPHY AND HISTORY OF KYRGYZ PATTERNS AND ORNAMENTS

Eralieva Y. S. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The history of Kyrgyz patterns and ornaments goes back to ancient times, testifying to the people's craving for beauty and harmony. These are not just some figures and drawings; they had a deep meaning and encrypted messages. The ethnic culture of the people has preserved archaic signs in patterns and has been replenished with modern ornamental elements. The history of Kyrgyz patterns was actively studied during the Soviet and times. Many ethnographers, historians, artists have studied, described and analyzed the patterns that surrounded the life of the Kyrgyz. Research continues in the post-Soviet era, deeply and extensively examines the history, the meaning of patterns and craftsmanship, the imagination of the creators of beauty in flexible lines and signs.

Keywords: pattern, ornament, paint, carpet, clothing, ethnoculture, history, embroidery, craftsman, philosophy

Этнокультурные ценности народа, состоящие из материальной и духовной сторон, гармонично соединяются в узорах и орнаментах. Кыргызские узоры и орнаменты как элемент этнокультуры имеют богатую древнюю историю и глубокую философию, перенесенную сквозь пространство и во времени для передачи потомкам. Как известно, узор – это рисунок, являющийся сочетанием линий, красок, теней [3, с. 769]. А орнамент – живописное, графическое или скульптурное украшение, узор из сочетания геометрических, растительных или животных элементов [3, с. 427]. Трудно представить национальную одежду, предметы быта без узоров и орнаментов,

которые выполнены разной техникой. Они имеют сакральное значение: защищают детей, домашний очаг, приносят удачу. В них сокрыто мировоззрение народа, чувствуется тяга к красоте и гармонии. Переходящие из одного изгиба в другой бесконечные линии рассказывают историю, культуру, обычаи и традиции, быт народа. Узоры и орнаменты, запечатленные в домашней утвари, одежде, на воинских доспехах, конских снаряжениях, в войлочных деталях юрты, туш кийизах, шырдаках, на женских ювелирных украшениях, на бешиках являются источником не только восхищения мастерством творцов, но и материальным объектом изучения и общенародным культурным достоянием. Об истории, красочности и разнообразии кыргызского узора писали М. В. Рындин, А. Н. Бернштам, С. М. Дудин, М. С. Андреев, М. Ф. Гаврилов, Б. В. Вейрман, В. Н. Чепелев, А. А. Ромм, А. А. Бабринский, А. Ниалло, С. М. Абрамзон, Н. Зеланд и др. Кыргызская вышивка упомянута в трудах В. В. Бартольда, В. К. Розвадовского, Г. Бардашева, А. В. Каульбарс, Ф. А. Фильструп, К. И. Антипиной. Позже кыргызские узоры стали объектом исследования А. Н. Монолдорова, Н. Т. Карымбаева, Ш. Мамбеталиевой, Э. С. Сулайманова, К. Ж. Малтаева, М. Атабаевой и др.

Орнаменты на одежде, на туш кийизах описаны и оценены в трудах М. С. Андреева «Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарья и киргизов Памира» (Ташкент 1928), М. В. Рындиной «Киргизский узор» (Фрунзе 1943) и «Киргизский национальный узор» (Ленинград--Фрунзе 1948), С. М. Абрамзона «Киргизский национальный узор» (Москва 1950), Ю. Д. Баруздина «Кара-Булакский могильник» (Фрунзе 1961), К. И. Антипиной «Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов» (Фрунзе, 1962), Ч. Т. Сатыбалдиева «Традиционное вышивание кыргызов во второй половине XIX – начала XX» (Ош, 2009), Н. И. Осмонова «Символическая вселенная человека традиционной кочевой культуры» (Бишкек, 2016) и т. д. Художник – этнограф С. М. Дудин в начале XX века собрал богатую коллекцию кыргызских узоров для Государственного русского музея. М. В. Рындиным в течение десяти лет напряженного творческого труда во всех регионах Кыргызстана были собраны лучшие образцы орнаментов. Художник выделил в кыргызском узоре 173 основных элемента, которые в сочетании с другими элементами представляют свыше 3500 орнаментальных сюжетов. Эти основные 173 элемента разбиты на четыре группы: 1) животный мир – 98 элементов, 2) растительный мир – 20, 3) ландшафты и явления природы – 14, 4) предметы быта – 39 и религии – 45.

Г. Л. Чепелевицкая описала вышивки вещей как «жабык баш» – лента опоясывающая стык и подпорок дымохода юрты, «эшик тыш» – накидка на дверь, «ашкана башы» – укрепление верха плетеной циновки (чий) и проанализировала технику и технологию изготовления туш кийизов и их локальных особенностей [5, с. 8].

Всеми исследователями и собирателями элементов кыргызского узора была дана высокая оценка его красоты и содержания. Например, С. М. Абрамзон дает такую оценку: «Богатство киргизского узора и состоит, на наш взгляд, в глубоком, органичном сочетании реалистических элементов (а иногда и сюжетов) с прекрасно разработанной «формотворческой», декоративной стороной, при известном наличии и мужских элементов» [1, с. 226].

О повествовательном свойстве кыргызского узора А. Н. Бернштам пишет так: «В немногосложных фразах рисунка содержится эпическая содержательность повествования. Вышивальщицы, как манасчи (сказитель эпоса «Манас»), ткнут эпический «текст» орнамента, и поэтому они довели его многообразие элементов до астрономических цифр. По своему семантическому объёму 3500 образцов уже известных комбинаций киргизского узора фактически не уступают пятистам тысячам строк эпоса Манас [4, с. 10].

Ю. Д. Баруздин в книге «Кара-Булакский могильник» описал орнамент в виде стилизованных лепестков, расположенных в шахматном порядке, выполненных тамбурным швом – илме. Таким видом нанесения орнамента пользовались для украшения деталей мужской одежды [5, с. 127]. Илме более красочно и обильно наносилось на женскую одежду начиная с «кеп такыя» (головной убор) до «белдемчи» – вышитая юбка поверх платья. Также повсеместно использовались орнаментальный мотив «кыял» – мечта, имеющий много вариаций – начиная с прямых отростков и заканчивая сложными извилистыми завитками. О. Б. Наумова в статье «Женские рубахи – платье киргизов» описывает виды вышивок деталей платья. Узор вышивки был геометрическим и использовали швы «шевеге», «кой терме», «басма», «терскайык» [6, с. 162]. Также женское платье украшалось тесьмой или вышитой полоской однотонной ткани.

Ткани для одежды и вышивки кыргызские мастерицы изготовляли из шерсти или хлопка. Узоры и сложные орнаменты создавались в процессе изготовления ткани. Орнамент на ткани «беш кеште» имеет геометрический характер – ромбы, зигзаги, крючкообразные угловатые выступы. Основные орнаментальные мотивы ткани «беш кеште»: кайкалак, чууртма, жарты шак, кекилик каш, ийрек, тор кеште, пашайы көчөт, бүтүн шак, таракча чаян [2, с. 62].

Во всем богатстве и многообразии кыргызские узоры удивляют сокрытыми в них образами и глубоким философским смыслом. В узорах мастера и мастерицы передают и любовь к природе, к ближним, восхищение окружающей красотой, желание оберегать детей, быстротечность жизни.

Кыргызские узоры и орнаменты передают и изображают:

1) образы сказочных и религиозных существ (Умай эне, Усмоюл, Кумайык, Талооту, Тулпар, Казылык Огорок) [7];

2) образы природы (Тоолор – горы, суу, дарыя вода, река, булак – источник, күн – солнце, күн нуру – солнечный луч, толгон ай – полная луна, жарым ай – полумесяц, жанырган ай – новый месяц, булут – облако айлампа – круговорот, жалын – пламя, от – огонь, жылды – звезда, асман – небо, жылдыздуу асман – звездное небо...);

3) образы людей (киши – человек, беш манжа – пять пальцев, мандаш токунуп отурган киши – сидящий человек, чабандес – всадник, кишинин башы – голова человека, жоокер – воин, колдун наары – мелкие линии на ладонях и пальцах, каш – бровь, ээрин – губа...);

4) образы растений (гүл – цветок, алма гүлү – цветок яблони, кызгалдак – мак, атыргүл – роза, кара куурай гүл – цветок конопли, пахта – хлопок, калемпир – перец, мисте – фишашки, жүзүм – виноград, балыр – водоросль, кылкан чөп – ячмень, листок – жалбырак, жалбырактуу бутак – ветка с листьями, мажүрүм тал – плакучая ива...);

5) образы птиц (бүркүт – орёл, көгүчкөн – голубь, бөдөнө – перепелка, ак куу – белый лебедь, булбул – соловей, чабалекей, карлыгач – ласточка, тоту куш – попугай, улар – горная индейка, кыргоол – фазан, турна – журавль, илегилек – аист, балапан – птенец...);

6) образы диких и домашних животных (волк – карышкыр, түлкү – лиса, жолборс – тигр, илбирс – барс, сүлөөсүн – рысь, коён – заяц, тыйын чычкан – белка, аргымак – скакун, бугу – олень, аркар – горный козёл...)

7) повествовательные узоры (бөдөнөнүн жумурткалуу уясы – гнездо перепёлки с яйцами, охота орла на лису – бүркүттү түлкүнү алышы, кош кол – две руки, беш манжа – пять пальцев, тегерете отурушкан оймокчон төрт аял – четыре женщины с напёрстками, сидящие кругом [7], ачылып келе жаткан гүл – раскрывающийся бутон цветка, аркардын ашатылган териси – обработанная шкура аркара, кереге жасап жаткан кишилер – люди, делающие кереге, кулжаны муунтуп жаткан жылаан – змея душит дикого козла, терчинин боз үйү, олжолуу мергенчилик – удачная охота...).

8) узоры – благопожелания (тумар – оберег, наристеге бакыт алып келүүчү тумар – оберег для младенца, аттын такасы – подкова лошади, кулжа мүйүз – рога горного козла...).

Узоры наносились и на ала кийизы и шырдаки – на коврах из войлока. Разноцветными мотками шерсти или войлоком изображались узоры из мотивов животного мира. В северных регионах Кыргызстана из шерстяных ниток ткачи изготавливали таар – дерюги, в южных районах ткачи – мастерицы изготавливали яркие красочные ковры с узорами на растительную тематику. К. И. Антипина в описании кыргызского ковра написала, что отличительной чертой является богатство узоров и красок. «Киргизские ковровые изделия отличаются высокими художественными достоинствами, не выходящими за рамки скромности и изящной простоты [2, с. 80]. В кыргызских коврах нет чрезмерной пестроты в красках и орнаментах. Узоры имеют узенькую окантовку контрастного цвета, чередуется цвет фона и узора, есть ритмичность в расположении орнаментальных мотивов. Это дает общую гармонию и художественную симметрию. Орнаменты различны, чаще – это округленные розетки, ромбы с ответвлениями, изображения цветов, веток с листьями [2, с. 82]. Из цветов чаще всего вышивают или ткнут бутоны роз (атыргул), маки (кызгалдак), иногда изображают птицу, сидящую на веточке среди цветов.

Особого внимания требует приданое невесты и ее свадебная одежда. Для украшения головного убора невесты – шөкүлө – использовали бисер, шелковые нити и драгоценные камни. Чыптама, чапан, платье тоже вышивались красивыми узорами. В приданое обязательно готовили ала кийиз, шырдак, ковер, вышитые по краям теплые одеяла – жууркан, подушки и т.д. В советское время на туш кийизах начали изображать вождей революции, знаменитых политиков, писателей. Популярны были панно с портретом В. И. Ленина, И. В. Сталина, Юрия Гагарина, Токтогула, Чингиза Айтматова. В традиционную композицию кыргызских узоров под влиянием времени были внесены советская пятиконечная звезда, серп и молот, значок октябрят и комсомольцев. После распада Советского Союза в узорах и орнаментах возрождаются древние элементы, они украшают национальную одежду, изделия из кожи, сундуки, кованные изделия для украшения фасадов.

В регионах Баткенской области, в Алайском районе мастерицы сохранили древнее ремесло предков. Они ткнут изумительно красивые красные ковры с цветочной композицией. Такие ковры украшают каждый дом, являясь ценной вещью в приданом невесты. На севере страны до сих пор популярны сложные по своей технике изготовления – шырдаки. Ковры и шырдаки идут на экспорт, конечно, цветовая гамма меняется с учетом предпочтений потенциальных покупателей. Для европейского потребителя выбирают постельные тона, а для

внутреннего рынка по - прежнему готовят на красном фоне. Кыргызы любят красный цвет, который олицетворяет жизнь, молодость, успех.

В век глобализации и взаимопроникновения культур кыргызский орнамент не теряет свои позиции, он становится еще ярче и краше. Он по-прежнему украшает внутреннее убранство дома и национальную одежду. Кыргызский узор на символе белоснежных гор – ак калпаке и на музыкальных инструментах. В гардеробе любого кыргыза есть вышитые чапаны, чыптама, элечек, топу, даже автомобили красуются вышитыми чехлами и тумарами. Национальные узоры украшают спортивную одежду олимпийских команд. Кыргызский узор – это код народа, зашифрованный в гибких и строгих линиях, ярких и сочных красках. Это философия жизни народа, считающий себя детьми Солнца и почитающий Природу – мать. Науке предстоит открывать еще не изученные линии и узоры, разгадывать зашифрованные послания предков.

Литература

1. *Абрамзон С. М.* Кыргызский национальный узор / Советская этнография. Издательство академии наук СССР, 1950. 240 с.
2. *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, Изд-во АН Кирг.ССР, 1962. 286 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В.Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2013.874с.
4. *Рындин М. В.* Кыргызский национальный узор [«Киргизский народный повествовательный узор»] / Материалы собраны и обработ. худож. М. В. Рындиным. Киргиз. филиал Акад. наук СССР и Гос. Эрмитаж. Ленинград; Фрунзе: Тип. Гос. Эрмитажа, 1948 (Л.). 102 с.
5. *Сатыбалдиева Ч. Т.* Традиционное вышивание кыргызов во второй половине XIX –начала XX века (На примере юга Кыргызстана). Ош, 2009. 165 с.
6. Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. 255 с.
7. История Кыргызстана и кыргызов. URL: https://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2156 (дата обращения: 11.05.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абинов Владислав Сергеевич – магистрант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Андреева Мария Александровна – преподаватель кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, Воронежский государственный университет, факультет журналистики (Воронеж, Россия)

Арзыматов Болот Мамбеттурдуевич – преподаватель, ведущий специалист центра карьеры, Иссык-Кульский государственный университет им. Касыма Тыныстанова (Каракол, Кыргызстан)

Белкина Анастасия Павловна – магистрант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Бобунова Мария Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Борисова Ольга Владимировна – старший преподаватель Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Боровинская Юлия Константиновна – магистрант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Голотвин Роман Леонидович – магистрант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Гуляева Анна Степановна – аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Данилова Мария Викторовна – магистрант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Дорожинская Анастасия Романовна – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Жумабаева Алтын Таштановна – преподаватель колледжа (КМОП), Ошский государственный университет (Ош, Кыргызстан)

Журба Виктория Владиславовна – студент, Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Замятина Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Злобина Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Калинина Юлия Николаевна – студент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Калыкова Чынара Ишенбековна – старший преподаватель, Международный Университет Кыргызстана (Бишкек, Кыргызстан)

Каплун Александр Васильевич – начальник сектора объектов (материковая часть), Департамент по управлению имуществом, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)

Каплун Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Национальная академия наук Беларуси (Минск, Беларусь)

Кода Егор Александрович – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Куатова Аяжан Сериковна – докторант, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

Кузина Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исследования проблем безопасности РАН (Москва, Россия)

Кузнецова Анна Сергеевна – студент, экономический факультет, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия)

Кузнецова Юлия Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна и рекламы, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск, Россия)

Леонтенкова Елена Андреевна – аспирант, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Лукина Кристина Алексеевна – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Максимов Максим Борисович – научный сотрудник отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Максимова Светлана Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет; директор Ресурсного центра по развитию гражданских инициатив и содействия интеграции народов и культур в Алтайском крае (Барнаул, Россия)

Мамырканов Максат Алиевич – кандидат социологических наук, доцент, Международный университет Кыргызстана (Бишкек, Кыргызстан)

Молодцова Дарья Дмитриевна – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Мурашева Светлана Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социального управления и конфликтологии-Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Россия)

Недосекова Екатерина Сергеевна – магистрант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Нишанова Гульнара Абдимажитовна – преподаватель кафедры американистики и перевода, Ошский государственный университет (Ош, Кыргызстан)

Нургалиев Темирлан Мухтарович – преподаватель, Карагандинский индустриальный университет (Темиртау, Казахстан)

Омельченко Дарья Алексеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий,

Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Осипова Татьяна Валерьевна – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, Казахский Гуманитарно-юридический инновационный университет (Семей, Казахстан)

Попов Евгений Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Пустовалова Елена Валерьевна – кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Спирина Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Стерляева Наталья Анатольевна – доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Сунь Юйи – аспирант РГПУ им. А.И. Герцена, Институт музыки, театра и хореографии (Шаньдун, Китай)

Суртаева Ольга Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Сутенова Алиман Джекшебаевна – старший преподаватель, Международный университет Кыргызстана (Бишкек, Кыргызстан)

Сытых Ольга Леонидовна – доктор философских наук, профессор, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Тиленбаева Гульнара Эргешовна – старший преподаватель, заместитель декана, Кыргызско-Узбекский Международный Университет им. Б. Сыдыкова (Ош, Кыргызстан,)

Титова Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Уколова Дарья Валерьевна – студент, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (Россия, Краснодар)

Урманбетова Жылдыз Карыбаевна – доктор философских наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Кыргызстан, Бишкек)

Холопов Данила Александрович – студент, Институт культуры и искусства, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

Чавро Зоя Викторовна – студент, Школа искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)

Чарный Дмитрий Юрьевич – студент, Карагандинский индустриальный университет (Темиртау, Казахстан)

Черепанова Мария Ивановна – доктор социологических наук, профессор кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Чугунова Анна Николаевна – магистрант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Шао Юйпей – аспирант Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия)

Шахова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий Института социальных наук Алтайского государственного университета (Россия, Барнаул)

Шерматова Саадат Нурлановна – преподаватель Профессионального колледжа КНУ им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

Щеглова Дарья Константиновна – аспирант Института социальных наук, Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул)

Эралиева Ырыс Сагынбековна – старший преподаватель КНУ им. Ж. Баласагына, соискатель Института языка и литературы им. Ч. Айтматова Академии наук Кыргызской республики (Бишкек, Кыргызстан)

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭТНОКУЛЬТУР В
ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник материалов

*III Международный научный форум
«Интеграционные процессы в этнокультурной сфере»*

*IX Международная конференция «Социальная интеграция и
развитие этнокультур в евразийском пространстве»*

Публикуется в авторской редакции

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 20.08.2021.

Дата выхода издания в свет: 30.08.2021.

Формат 64x84 1/16. Усл.-печ. л. 17,3

Тираж 100 экз. Заказ 389.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, ул. Димитрова, 66